

Международная научная конференция

История и археология

Санкт-Петербург

УДК 93
ББК 63
И90

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *О.А. Шульга*

История и археология : материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). — СПб. : Реноме, 2012. — iv, 98 с. : ил.

ISBN 978-5-91918-182-8

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Горшенин А.В.

Осуществление городских пассажирских перевозок в г. Куйбышеве в годы Великой Отечественной войны . . .1

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Вараксина Н.М., Варди С.А.

Аустерлиц и Бородино глазами Наполеона и Кутузова4

Неваров А.А.

Особенности исследования религиозного синкретизма древнего Египта в отечественной исторической науке в нач. XX в.11

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Дубонос И.И.

Осень патриарха: второй президентский срок Рафаэля Кальдеры как кончина IV республики в Венесуэле. 13

Милюков А.Н.

Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. 16

Никитин И.Н.

Косово: к вопросу о правовой легитимности обретённого суверенитета.21

Степанов В.В.

Особенности торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Казахстан. 24

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Айгунова Т.С.**

Особенности взаимоотношений союзов сельских общин Южного Дагестана с феодальными образованиями (XVIII – нач. XIX вв.)27

Баранова С.Б.

Характеристика политических настроений крестьян Пермской губернии за 1920 г. на основе анализа информационной работы Пермской губЧК. 29

Заводчиков В.В.

Работа кинооператоров Куйбышевской студии кинохроники на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)32

Карсакова Г.Б.

Некоторые аспекты военной организации гуннов.35

Мастерских Е.А.

Настроения крестьянства Ишимского округа Уральской области в 20-е годы XX века (по материалам сводок ОГПУ)37

Матвеева В.Р. Возникновение и развитие городского транспорта в г. Уфе и г. Стерлитамаке в 30-х гг. XX века	40
Насимова Г.О., Насимов М.О. Сущность и принципы социальных технологий	42
Николаев О.С. Вклад промышленности Стерлитамака в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере завода «Авангард»)	45
Пихтина Л.С. Педагоги Иркутского девичьего института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллигенции.	48
Плужников С.В. Отзывы читателей «Нового Мира» как проявление общественных настроений в СССР в середине 50-х годов XX века.	52
Простакишина Н.П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. – начале XX в.	54
Силаева И.А. Н.Н. Оглоблин как исследователь деятельности воевод и служилых людей Якутского и Мангазейского уездов (XVII в.)	58
Скиба В.М. Две легенды об основании Киева (к вопросу об участии хазар в основании Киева)	59
5. АРХЕОЛОГИЯ	
Корженко О.М., Косаковская А.А. Из истории изучения городища Аркаим – уникального памятника древней цивилизации	63
Качевский П.С., Ромащенко Е.В. Охранные исследования курганов в Таганроге в 2010–2012 гг.	65
Тихонов Р.В. История изучения эллинистической керамики Бактрии в советской историографии	68
Троцкая В.И. История исследования гончарных горнов позднего средневековья на территории Левобережной Украины.	71
Шалахов Е.Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремь и нефрит	75
6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Евдокимова О.В. Рыболовство в традиционном мировоззрении коми-пермяков	78
Исмаилова А.М. Свадебные обряды народов Дагестана	80
Мироненко А.Н. Гендер в весенне-летней славянской обрядности	83
Назаров А.Н. «Дело Бейлиса» в зеркале исторической антропологии.	85
Патрушева А.А. Некоторые аспекты духовных верований у восточных славян и селькупов	90
Побежимов А.И. Сельские поселения, погосты и монастыри Северного Поонежья в начале XVIII вв.	92

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Осуществление городских пассажирских перевозок в г. Куйбышеве в годы Великой Отечественной войны

Горшенин Александр Владимирович, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Накануне войны в Куйбышеве наиболее крупным пассажирским перевозчиком был трамвай. Помимо трамвая также существовало автобусное сообщение, но оно было не столь значительным, так как имелось всего несколько маршрутов. Развитию автобуса помешала начавшаяся война. А ещё в мае 1941 года Куйбышевская контора Автотранса открыла автобусное сообщение между водным и железнодорожным вокзалами. На данной линии курсировали две автомашины по специальному расписанию. [1, с. 3] После начала Великой Отечественной войны, сохранить автобусное сообщение было невозможно. И лишь некоторые заводы имели свои автобусы для перевозки работников на предприятия.

В ноябре 1944 года была пущена в эксплуатацию электрифицированная линия на участке железной дороги длиной 15 км, которая несколько улучшила транспортную связь центральной части города с промышленным районом Безымянкой. [2, с. 189] Но, всё же основная тяжесть пассажирских перевозок лежала на городском трамвае.

В связи с началом войны город Куйбышев стал одним из центров эвакуации различных предприятий. А вместе с заводами приезжали и работники с семьями. В результате население города значительно увеличилось. Для быстро растущего города острой становилась транспортная проблема. 27 июня 1941 г. Куйбышевский горисполком изменил график часов трамвайного движения в связи с изменением часов работы отдельных предприятий. Главной заботой горисполкома и горкома ВКП (б) стала перевозка рабочих на заводы, расположенные на Безымянке. В центре города одновагонные трамваи заменялись двухвагонными. [3, с. 79]

Подвижной состав города Куйбышева был представлен трамваями производства Мытищинского, Усть-Катавского и Николаевского заводов. Вагоны во многом были изношены, поэтому не все из них выпускались на линию. Чтобы хоть как-то выйти из ситуации нехватки подвижного состава, работники трамвайного депо пользовались неисправными моторными вагонами Коломенского завода, которые использовались как прицепные. [4, л. 24]

Чтобы понять какой масштаб имела трамвайная сеть в городе Куйбышеве, необходимо обратиться к конкретным цифрам. К началу Великой Отечественной войны трам-

вайное хозяйство города имело 51,7 км трамвайных путей, из которых 44,4 км пассажирских, 4,13 км грузовых и 3,17 км прочих. [5, л. 35]

Как уже отмечалось, Куйбышев стал одним из центров, куда прибывали эвакуированные заводы с запада страны. В связи с этим большое развитие получил промышленный район Безымянка, расположенный в нескольких километрах от Куйбышева. Только летом и осенью 1941 года там были построены: самолётостроительный завод № 122, где был размещён эвакуированный из Москвы завод № 1; самолётостроительный завод № 295, где размещён эвакуированный из Воронежа завод № 24; моторостроительный завод № 337, где разместился эвакуированный из Москвы завод № 24; пять заводов, производящих оружие для самолётов, пропеллерные винты, пневматическое оснащение самолётов. [6, с. 41]

Для перевозки большого числа рабочих на предприятия была построена трамвайная ветка в промрайон Безымянку. Основные строительные работы на линии были завершены к 7 ноября 1941 года, и с 8 ноября здесь открылось движение вагонов по новому маршруту № 3 «Линдовский рынок — Безымянка» длиной 18,9 км. Стоимость проезда на новой линии составлял 30 копеек. [7, л. 7]

Но даже от конечной остановки на Безымянке до своих предприятий, работникам приходилось добираться пешком по несколько километров. Для решения этой проблемы СНК СССР выпустил распоряжение, по которому приказывалось провести прокладку трамвайного пути от путепровода до заводов Народного комиссариата авиационной промышленности. [8, л. 17]

Но и одно только строительство трамвайной ветки на Безымянку не спасало положения. Трамвайные поезда по безымянской линии ходили переполненными. Зимой, в снегопады, трамваи часто останавливались из-за заносов пути — рабочим приходилось идти на заводы пешком. Особенно сильно заносило снегом участок на спуске у остановки «Машстрой». Вагоны на этой линии ходили без стекол (их не было на складе), окна заделывались фанерой и горбылем. [9, с. 50]

Между тем, рабочие безымянских заводов продолжали добираться пешком до предприятий с конечной остановки

трамвая. В связи с этим, СНК СССР выпустил распоряжение от 11 апреля 1942 г., в котором обязывал Наркомхоз РСФСР на договорных началах с НКВД СССР за счёт его лимитов и материальных ресурсов к 1 октября 1942 г. провести работы по прокладке двухколейного трамвайного пути от путепровода до заводов Наркомавиапрома, а также строительство путепровода через железнодорожные пути на Безымянке; к 1 ноября 1942 г. строительство одной стороны Черновского шоссе (От Семейкинского шоссе до шоссе Гидроузла). [10, л. 17]

В плачевном состоянии, особенно в начале войны, находились трамвайные рельсы. Причём в 1942 году ситуация значительно ухудшается по сравнению с 1941 годом. Если в 1941 году наездов и столкновений трамвая было 12, то уже в 1942 году — 17. А ситуация со сходами вагонов была катастрофической. Практически каждый день происходил сход вагонов, причём иногда не по одному разу. За 1941 год было 747 сходов вагонов с рельс, а в 1942 году — уже 896 сходов. [11, л. 21]

В связи с этим, приходилось искусственно снижать скорость движения трамвая, а это, в свою очередь, приводило к увеличению интервалов между движением вагонов. В том числе и поэтому работа куйбышевского трамвая в начальный период войны оставляла желать лучшего. «Рабочие, которым необходимо было попасть на предприятия, простаивали по полчаса, а иные, отчаявшись, шли пешком в морозы по несколько километров. А если долгожданный вагон и подходил, то в него заталкивались с такой неимоверной жестокостью, что нередко были и жертвы». [12, с. 3]

Основная причина такой ситуации — недостаток вагонов на линии. Вместо 54 поездов по плану, в ноябре-декабре 1941 г. на линию выпускалось утром всего 30 вагонов. Ремонтировались вагоны плохо и медленно. Ночной осмотр их заканчивался, как правило, не в пять часов утра, а в восемь и позже, когда основной поток пассажиров уже спадал. Также большой проблемой являлось отсутствие телефонной связи между главной диспетчерской и основными пунктами. [13, л. 31]

Чтобы немного выправить ситуацию с нехваткой транспорта, по решению Куйбышевского городского комитета ВКП (б), летом 1942 года было начато строительство троллейбусной ветки. 6 ноября 1942 года в г. Куйбышеве было открыто троллейбусное движение протяжённостью 3,5 км в одном направлении. Единственный маршрут доставлял пассажиров от железнодорожного вокзала до площади революции и обратно. Только за период 11–16 ноября 1942 года троллейбус перевёз 20 728 человек. [5, л. 23]

С 16 ноября по 3 декабря троллейбус не работал по причине того, что вёлся монтаж обратного направления троллейбусной линии. Это позволило увеличить число машин на линии. С 4 декабря 1942 г. началась постоянная эксплуатация троллейбуса: по линии стали курсировать 4 троллейбуса «ЯТБ-2» с интервалом 10–12 минут. Всего городу к началу 1943 г. были переданы 6

троллейбусов «ЯТБ-1» и 15 «ЯТБ-2», но большинство из них были сильно изношены, и уже в 1944 г. их осталось на балансе 7 штук (только «ЯТБ-2»). Движение троллейбусов заканчивалось с наступлением темноты (из-за условий светомаскировки). Так как депо не было, все троллейбусы оставались под открытым небом на трассе линии, в районе вокзала. [9, с. 55]

Вопросы культурного обслуживания пассажиров всегда являлись одной из основных задач работы трамвая. Ещё до войны, этому вопросу в трамвайном предприятии уделялось особое внимание, и вагонные бригады непрерывно инструктировались и воспитывались в клубе, красных уголках и на беседах при выпуске вагонов на линию. Кроме того, имелся достаточный штат контрольного аппарата, наблюдающего и проверяющего работу бригад. Большим фактором, влияющим на улучшение культурного обслуживания пассажиров была форма, в которую были одеты вагонные бригады, и эта форма невольно подтягивала и дисциплинировала персонал. В годы войны предприятие осталось без формы, а также не было мест, где бы могла производиться систематическая работа по воспитанию бригад, так как клуб и красные уголки перестали функционировать. Имели место обščёты, грубое обращение с пассажирами, недовольство и жалобы на выпуск вагонов на линию в неряшливом виде. [14, л. 34]

Но, нужно учитывать, что работа вагонных бригад протекала в тяжёлых условиях переполненных вагонов, среди пассажиров, на которых период военного времени также оказал своё влияние. Часто многие пассажиры провоцировали работников ТТУ. Например, имел место случай, когда «несколько инвалидов избили вагоновожатую Карпееву за то, что она ехала в парк по расписанию и отказалась ехать в город». Нередко бывали случаи, когда пьяные пассажиры устраивали скандал в вагоне. [14, л. 28]

Хотя многие пассажиры пользовались льготами за проезд, поэтому у них не должно было быть недовольств. Согласно «Правилам пользования трамваем в г. Куйбышеве», которые действовали в годы войны, «бесплатным проездом пользовались следующие категории граждан: Герои СССР и лица, награждённые орденами СССР и союзных республик; депутаты Верховного Совета СССР и союзных республик; дети дошкольного возраста в сопровождении взрослого (весьма интересное примечание: при наличии у пассажира нескольких детей, бесплатным проездом пользуется один, а за каждого из остальных уплачивается по нормальному тарифу); работники трамвая; лица, имевшие проездные карточки (сезонные, месячные), выдававшиеся управлением трамвайного предприятия; работники милиции в форме; депутаты горсовета по депутатским билетам. При этом восемь передних мест каждого моторного вагона отводились для пассажиров с грудными детьми, дошкольников, беременных женщин, инвалидов и престарелых. В то же время не допускались к проезду в вагонах трамвая следующие граждане: с тяжёлым или громоздким багажом (более 1 метра в длину и более 50 см в ширину); с огнеопасными

и взрывчатыми веществами; с винтовками и охотничьими ружьями без чехлов или в не разобранном виде; с колючими и режущими предметами; в грязной или пачкающей одежде, нетрезвые граждане, а также с животными и птицами (без клеток)». [15, л. 13]

Несмотря на трудности и лишения войны, трамвайщики города Куйбышева пытались всеми силами поддерживать и развивать трамвайную сеть города. Большая помощь в этом им была оказана горисполкомом и городским комитетом ВКП (б). За годы войны было капитально отремонтировано в Куйбышеве свыше 14 км трамвайного

пути, а также значительно увеличилась протяжённость трамвайной сети с 51,7 км в 1941 году до 74,9 км в 1945 году. [16, л.21]

Весь период Великой Отечественной войны трамвай и троллейбус нёс на себе основную нагрузку в осуществлении пассажирских перевозок в г. Куйбышеве. За 1941 год трамвай перевёз 80 758 тыс. человек, а за 1945 год — 48 214 тыс. человек. Всего же за годы войны трамвай г. Куйбышева перевёз более 264,9 млн. человек, а в период с конца 1942 г. по 1945 г. троллейбус перевёз свыше 4,1 млн. человек. [14, л. 5]

Литература:

1. Волжская коммуна. 1941. 18 мая.
2. Самара — Куйбышев: Хроника событий. 1586—1986 гг. — Куйбышев: Книжное издательство, 1985.
3. Парамонов В.Н. Город Куйбышев в 1941—1945 гг.: реалии быта военного времени// Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. — Самара: Универс-групп, 2004.
4. Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 151.
5. ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 141.
6. Экономика Самарской области. 1941—1945: историко-статистические очерки. — Самара: Содружество, 2005.
7. ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 144.
8. ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 47. Д. 7.
9. Тархов С.А. История Самарского городского электрического транспорта. — Самара: Волга-Бизнес, 2005.
10. ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 47. Д. 17.
11. ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 156.
12. Волжская Коммуна. 1941. 11 декабря.
13. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф.1753. Оп.1. Д.46.
14. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 191. Л. 34.
15. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 139. Л.13.
16. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 195. Л. 21.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Аустерлиц и Бородино глазами Наполеона и Кутузова

Вараксина Нина Михайловна, учитель истории
Нарвская гуманитарная гимназия (Эстония)

Варди Светлана Александровна, учитель истории
Кренгольмская гимназия (г. Нарва, Эстония)

На страницах военной истории Наполеон и Кутузов занимают особое место. Наполеон сравнивал дарование полководца с квадратом, где основание — воля, а высота — ум, и они равны. Наполеон говорил: «Военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума». [8, с. 36] Однако это встречается редко. Чаще дарование полководца оказывается не квадратом, а прямоугольником. Сам Наполеон ценил в себе железную волю, твёрдость духа и ту особенную храбрость, которая состоит в том, чтобы принимать решения. Как это проявлялось на деле? Аустерлиц считается одной из величайших побед Наполеона и самым сильным доказательством его военного дарования.

Наполеон:

Нет человека трусливее меня при обдумывании военного плана, но как только я принимаю решение, я всё забываю, кроме того, что может мне дать успех.

Я прибыл к месту сражения раньше моей армии. Два дня я изучал местность и расположение противника.

Верхом на коне летал по холмам, исходил десятки километров пешком, иногда ползком, чтобы видеть поле боя глазами солдата. Я изучил все складки пространства между Праценскими высотами, что господствуют над деревней Аустерлиц.

После страшной трагедии у Трафальгара мне нужна была громкая победа. И нужна немедленно. У противника было численное превосходство, но я надеялся исправить это искусством манёвра. Союзники ожидали свежие войска и выступления пруссаков, их ультиматум уже был в пути. Мне надо было приложить немало усилий, чтобы сражение произошло как можно скорее. Я изображал себя трусом. С русским послом вёл себя неуверенно и делал вид, что хочу мира. Это, видимо, укрепило желание императоров

дать генеральное сражение. Их войска остановились западнее деревни Аустерлиц. Противу моего левого фланга стоит генерал Багратион, только что отличившийся стойкостью у Шенграбено. В центре находится Кутузов. Он хитёр, может разгадать мой план, но императоры не будут слушать его советов. Справа — Буксгевден, генерал бездарный. Оба императора, Александр и Франц, были при армии.

Кутузов:

Видя желание императоров дать сражение, я не мог этому противиться. Пришлось собрать военный совет. Я понимал, что ничего изменить не смогу и поэтому безучастно слушал диспозицию, которую составил начальник штаба австрийский генерал Вейротером: «...выгодно нам атаковать правое неприятельское крыло... Die erste Kolonne marschirt...» Как атаковать неприятеля, не зная, на каких позициях он стоит и что замышляет!? Очевидно, что завтрашнее сражение будет проиграно.

Наполеон:

По донесениям разведчиков и по моим наблюдениям. Я понял замысел противника. Наносю удар по моему правому флангу, русские и австрийцы будут стремиться окружить или загнать меня к северу, в горы, отрезав от дороги на Вену. Именно поэтому я как бы оставил без прикрытия и защиты мой правый фланг, но его оборону доверил самому стойкому маршалу — Даву.

2 декабря. Годовщина моей коронации. Армия будет стремиться к победе, но всё же войска нужно подбодрить. «Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня. Если вы, с вашей обычной храбростью, внесёте в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но если победа будет хоть одну минуту сомнительна. Вы увидите вашего императора. Подвергающегося первым ударам неприятеля».

Кутузов:

Армию подняли и повели в бой по плану Вейротера. Я ехал впереди 4-ой колонны. Она заняла Праценские высоты, но по диспозиции должна была следовать дальше, в болотистую низину у деревень Сокольников и Тельниц. Я же её задержал, понимая важность этой позиции. И находился

на Праценских высотах, пока не прибыл император. Государь приказал мне спускаться в высот, чтобы преследовать отступающего Даву. Я понимал, что не просто оставляю высоты, а веду русскую армию на погибель. Всё продумал Вейротер, штабных дел мастер! Одного не предвидел: что армия Наполеона совсем не собирается бежать от наших войск.

Наполеон:

Вейротер не будет менять свой план и позволит мне оголить фланги, чтобы на главном направлении сосредоточить основные силы

Сир, Старая гвардия рвётся в бой. Первая рота самовольно пошла на штурм Праценских высот.

Вернуть! Когда неприятель делает ошибку, мы никоим образом не должны прерывать его. Потерпеть ещё минут 20—30. Пусть русская армия полностью освободит высоты. Я умею ждать. А тогда...

Кутузов:

Я спустился с Праценских высот в низину, где увидел войска, заблудившиеся в тумане. Будучи в смятении, они не знали, что делать. А Буксгевден продолжал бессмысленное, гибельное наступление к озёрам, оголяя свой правый фланг. Чтобы сохранить большую часть армии и изменить ход сражения, я пытался вернуть Буксгевдена, но он продолжал неуклонно следовать плану Вейротера. Справа ещё стойко держался Багратион, но в центре...

Наполеон:

Корпусу Сульта атаковать союзные войска в центре и рассечь их надвое. Мюрату и Ланну нанести удар по правому флангу с юга. Даву перейти от обороны в контрнаступление. Артиллерию — к Працену. С высот открыть огонь картечью и ядрами, прижать противника к прудам и озёрам. Крошить артиллерией лёд.

Кутузов:

Рассечённую армию французы атаковали со всех сторон. Слева войска были заперты в низине. Буксгевден бежал. Французская артиллерия крошила лёд озёр, солдаты тонули. Лишь местами войска стойко дрались, и генералы пытались выправить положение. Сил сопротивляться не было. Так тяжело было на душе, что не чувствовал раны на лице. Приказал генералу Дохтурову собирать батальоны, отходить, отстреливаясь. Надо было спасти тех, кто уцелел в этом аду.

Наполеон:

Солдаты, я доволен вами: в день Аустерлица вы осуществили всё, чего я ждал от вашей храбрости. Вы украсили наших орлов бессмертной славой. [4, с. 479]

Есть ли вина Кутузова в том, что Аустерлицкое сражение было проиграно? Он не смог решительно противопоставить своё мнение мнениям двух императоров, их свите, австрийскому генералитету. И в этом его трагедия. Но спустя 7 лет Наполеон и Кутузов, гениальный В. Верещагин. «Наполеон на Бородинских высотах» завоеватель и мудрый защитник, снова встретились на поле боя. Бородинском поле.

На командном пункте у Шевардиского кургана молчаливый и угрюмый, в своём обычном сером сюртуке и

В. Верещагин. «Наполеон на Бородинских высотах»

А. Шепелюк. «Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения»

знаменитой треуголке, на раскладном стуле, скрестив на груди руки, положив левую ногу на барабан, сидел Наполеон. Окружавшая его свита не узнавала своего императора.

На другом конце поля сидел Кутузов. Толстый, с шарфом через плечо, в белой приплюснутой фуражке на большой седой голове, к которой дважды прикасалась смерть, бесстрашный, молчаливый, но властный. Нет рядом императора. Все решения принимает только он, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

В чём превзошёл Кутузов Наполеона в Бородинском сражении? В твёрдости духа. Он должен был спасти армию и Россию

Наполеон:

Мне необходимо генеральное сражение, «Солнце Аустерлица», чтобы продиктовать Александру условия мира. Наконец-то Кутузов, эта старая лиса, остановился у деревни Бородино. У меня под ружьём 135 тысяч человек и 587 орудий.

Кутузов:

Как ни тяжело, однако, должно дать сражение, чтобы поднять боевой дух армии, сохранить в ней веру в свои силы. В армии 640 орудий. Это неплохо. Но только 120

тысяч человек. Из них 10 тысяч ополченцев, ни разу не бывавших в бою. Мне надобно навязать противнику фронтальный оборонительный бой, измотать его, нанести возможно больший урон. Позиция, в которой я остановился в 12 верстах впереди Можайска, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Она протянулась на 8 вёрст от деревни Маслово через Горки, Бородино, Семёновское до деревни Утица. Местность открытая, слегка всхолмлённая, перерезана оврагами.

Оба фланга прикрыты естественными препятствиями. Это лишало Наполеона возможности совершать обходные манёвры. Обе Смоленские дороги, ведущие на Москву, я перекрыл. На правом крыле, вдоль обрывистых берегов речки Колочи, заняла оборону 1-ая армия Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. В центре, на Курганной высоте, соорудили батарею на 18 орудий. Здесь я поставил корпус генерала Раевского Николая Николаевича. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, я постарался исправить посредством искусства. У деревни Семёновское, на высоте, возвели три флеша на 5, 7 и 12 орудий. Оборонять их я доверил 2-ой армии князя Багратиона Петра Ивановича. В тылу позиции — лес. Здесь скрытно я расположил резервы. Же-

М.Б.Барклай-де-Толли

П.И. Багратион

Н.Н. Раевский

лательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе.

Наполеон:

Не делать того, чего желает противник. Однако хитрый Кутузов навязывает мне фронтальный бой. Обойти Бородинские позиции я не могу и вынужден атаковать русских там, где хочет Кутузов. На рекогносцировке я определил слабость левого фланга русских и нанесу по нему главный удар. Оттесню армию Кутузова в угол, образуемый слиянием Колочи с Москвой-рекой, и уничтожу. Вспомогательные удары нанесу против Бородино и Утицы.

Кутузов:

По тому, как Наполеон упорно стремился захватить Шевардинский редут, я понял, что он увидел слабости моей позиции. Корпус Тучкова 1-го поставить в Утицком лесу скрытно, дабы не допустить обхода моего левого фланга, иначе Наполеон может загнать мои войска в треугольник рек. В таком положении я ожидал неприятельского нападения.

Солдаты! Вам придётся защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Надеюсь на вас. Бог нам поможет. Отслужите молебен. [5, с. 153]

Наполеон:

Воины! Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас. Она доставит нам всё нужное: удобные квартиры и

скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в этот день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой! [5, с. 153–154]

Артиллерии открыть огонь. 4-ому корпусу Богарне — взять Бородино.

Кутузов:

Атака неприятеля на село Бородино произведена была с невероятной быстротою, но мужество лейб-гвардии егерского полка остановило стремление французов. Храбрые егери более часу удерживали неприятеля. Только подошедшие к французам резервы принудили сей полк, оставя село Бородино, перейти за речку Колочу.

Наполеон:

Корпусу Понятовского приказал обойти справа левый фланг русских и выйти им в тыл. Адъютанты доложили, что корпус захватил деревню Утица, а русские отошли к Утицкому кургану. Но следующие донесения были неутешительными.

Кутузов:

Генерал-лейтенант Тучков вынужден был отойти на более выгодные позиции обороны — Утицкий курган. Но когда к Понятовскому подошёл корпус Жюно, курган был потерян. Однако, перегруппировав силы, Николай Алексеевич Тучков лично возглавил контратаку и вернул курган, но был при этом смертельно ранен в грудь.

Наполеон:

Что происходит? Богарне и Понятовский не смогли прорвать фланги противника. Хитёр, хитёр Кутузов. Держит свой левый фланг, не позволяет его

обойти. У меня нет значительного перевеса сил. Как только я сманеврирую, попробую усилить обходную колонну, Кутузов это сразу увидит. И прежде чем мой манёвр достигнет цели, эта хитрая лиса на-

несёт удар по моему ослабленному центру. Он не упустит свой шанс. Я вынужден продолжать навязанный мне фронтальный бой. Даву — атаковать Семёновские флеши.

Кутузов:

Между тем огонь на левом нашем крыле час от часу усиливался. К сему пункту собрал неприятель главные свои силы. Невзирая на величайший урон, построясь в несколько густых колонн, с бешенством он бросился на наши укрепления. Однако наши полки не уstraшили. Они встретили атакующего неприятеля сильным артиллерийским огнём, а затем бросились на него в штыки.

Наполеон:

Первая атака на флеши захлебнулась. Потери большие. Ядро убило лошадь под маршалом Даву, а сам он при падении получил контузию. Правда, Даву тут же повторил атаку и даже захватил одну из флешей. Но тяжело ранен генерал Компан. Русские предприняли штыковую контратаку и отбили флешь. Как быстро улетает победа. Нужно поддержать Даву, направить к нему пехоту Нея и кавалерию Мюрата, сосредоточить 160 орудий. Одновременно корпусу Богарне атаковать батарею русских в центре, на высоте.

Кутузов:

В разгар четвёртого боя у флешей неприятель начал атаку в центре, на Курганную батарею. Наполеон, видимо, рассчитывал тем самым помешать мне перевести резервы с правого фланга на левый. Хотя генерал Раевский уже отправил 8 батальонов на помощь князю Багратиону, атаку французов отразил сильным артиллерийским огнём.

Почти сразу же Богарне начал вторую атаку. В помощь Раевскому я послал весь конно-артиллерийский резерв в 60 орудий. Но превосходство в силах позволило неприятелю овладеть сим пунктом. Генерал-майор Ермолов, видя неприятеля, овладевшего батареей, важнейшею во всей позиции, со свойственной ему храбростью и решительностью, вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского полка батальон и ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло против русского штыка. При сём случае к большому всех сожалению лишились мы достойного генерала от артиллерии Кутайсова, который при взятии батареи был убит.

Битва не затихала ни на минуту. Наполеон упорно атаковал флеши. Чтобы помочь моему левому крылу, я отправил в рейд кавалеристов генерал-лейтенанта Уварова и казаков атамана Платова для нанесения удара в тыл и фланг противника.

Наполеон:

Соппротивление русских вызывает удивление. Это совсем не те войска, которые я видел при Аустерлице. Они так энергично контратаковали мои войска, что чуть не захватили в плен Мюрата. Убит генерал Колленкур.

Пока пехота и конница перестраиваются и запасаются боеприпасами, артиллерии беспрестанно

бить по русским позициям. Усилить огонь! На правом фланге сосредоточить 400 орудий. Даву. Мюрата, Нею (45 тыс.) атаковать, атаковать!

Кутузов:

Восьмая атака за 6 часов. Несмотря на сильную потерю, французы стремились овладеть флешами, которые буквально завалены трупами людей и лошадей. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, бились с отчаянной храбростью. Лично возглавив атаку, князь Багратион к крайнему сожалению всей армии получил тяжкую рану и вынужден был оставить место сражения. Сей несчастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла. В командование вступил генерал Коновницын. Видя, что резервов нет, он отвёл полки за Семёновский овраг. [3, с. 188]

А. Вепхадзе. Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле

Наполеон:

Наконец-то, успех! Фронт русских прорван. Восточнее деревни Семёновское он слабо закрыт. Немедленно бросить свежие силы в образовавшуюся брешь.

Сир! Казаки! Казаки в тылу! Войска Дельзона смяты и отошли. Вице-король Италии Богарне едва не попал в плен.

Кутузов:

Славно, голубчики! Славно, Уваров и Платов! Хотя урону сильного и не нанесли, но панику посеяли отменную. Дали нам два часа передышки. Видя полное изнеможение корпуса Раевского, я приказал отвести его войска во вторую линию. В центр направлена 24-я пехотная дивизия генерала Лихачёва. Вместо раненого князя Багратиона в командование левым крылом вступил генерал дохтуров. Ему в помощь я отправил два кавалерийских корпуса.

Наполеон:

Два часа потрачены на то, чтобы навести порядок в тылу, отбить рейд кавалерии. А Кутузов за это время укрепил свой разбитый левый фланг. Даже с потерей флешей оборона русских не сокру-

шена, а значительная часть моих войск вышла из строя.

Направить все силы на Курганную батарею. Атаковать высоту с трёх сторон. В центре — пехота, на флангах — кавалерия. Наступление прикрыть огнём 130 орудий.

Сир, солдаты взяли в плен генерала Лихачёва.

Он тяжело ранен.

Перевязать, накормить, вернуть шпагу. Первый пленный генерал. Как мало сегодня рапортов о пленных. Их почти нет. А ведь мои солдаты дерутся отважно. Сам Багратион кричал моим гренадерам: «Браво, браво!»

Кутузов:

С разных пунктов битвы мне доносят о тяжких потерях. Полегла в бою почти вся 24-я пехотная дивизия. Увлекая в атаку солдат Ревельского полка. Погиб со знаменем в руках генерал Тучков Александр Алексеевич. Контужен генерал Остерман-Толстой. На правом фланге Барклай-де-Толли, обнажив шпагу. Сам водил кавалерийские полки в атаку, дрался, как рядовой всадник. Под ним пали четыре лошади, возле него были убиты два адъютанта и ранены 9 офицеров. Дважды он едва не попал в плен, но сумел отбиться.

Комбинированное действие пехоты и кавалерии привело к тому, что к четырём часам пополудни Курганная высота была взята французами. Битва была наикровопролитнейшая. Армия отошла на новые позиции.

Наполеон:

Сир, победа близка. Ещё одно усилие. Надо двинуть в бой Старую гвардию.

Но я видел, что русские отошли, отстреливаясь, и они не побегут. Генерал, который не будет сохранять свежие войска к следующему за сражением дню, будет почти всегда бит. Если завтра будет новое

сражение, кто будет драться? Я не могу рисковать своим последним резервом за 3 000 лье от Парижа. Войска отвести на исходные позиции.

Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми. [7, с. 168]

Кутузов:

Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отлично. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твёрдость духа русского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за своё отечество. [3, с. 190]

Михаил Ф. Кутузов

«События конца XVIII — начала XIX веков всколыхнули весь Старый Свет: глубокий духовный кризис породил сначала Французскую революцию 1789 года, а затем бонапартистскую диктатуру и общеевропейскую войну. Не осталась в стороне от происходящего и Россия.

Литература:

1. Бородино. Документы, письма, воспоминания. Москва, 1962, с. 134—141.
2. Бородино. Путеводитель. Москва, 1975.
3. Буганов В.И., Назарец. Страницы боевого прошлого нашей страны», Москва, 1972, с. 186—190.
4. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Москва, 1980, с. 464—479, с. 669—677.

В течение длительного времени она пыталась сдерживать натиск врага дипломатическими и даже военными средствами, но все же попушением Божиим избежать беды не удалось. И в 1812 году, когда в пределы нашей Родины вторглись полчища захватчиков, народ в едином порыве встал на защиту Отечества.»

«Самоотверженно защищая родную землю, наши предки уповали не только на силу оружия и численность армии, но на помощь Господа и предстательство Царицы Небесной. Посему в победе над врагом, которая была превыше сил человеческих, усматривали Божественный промысл.»

«Призывая на всех вас Божие благословение, молю Господа нашего Иисуса Христа, дабы Он упокоил в небесных селениях героев Отечественной войны 1812 года, нас же соделал достойными наследниками их подвигов, укрепил в вере и ниспослал всем странам Исторической Руси мир и процветание.

+КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ» [10]

В слова Святейшего патриарха Кирилла, посвящённых 200-летию Отечественной войны 1812 года, ярко выражено стремление русского народа помнить героическое прошлое своих предков, гордиться им.

5. Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года. Москва, 1988, с. 153, с. 153–154.
6. Тарле Е.В. Наполеон. Москва, 1992, с. 188–191, 345–351.
7. Тарле Е.В. 1812 год. Москва, 1994, с. 155–168.
8. Теплов Б.М. Ум полководца. Москва, 1990, с. 35–47.
9. Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России». Москва, 1999, с. 274–276, 307–311.
10. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2391859.html>. Послание Святейшего Патриарха Кирилла к 200-летию Отечественной войны 1812 года.

Особенности исследования религиозного синкретизма древнего Египта в отечественной исторической науке в нач. XX в.

Неваров Антон Анатольевич, старший преподаватель
Омский государственный технический университет

Специфика изучения религии древнего Египта в России в нач. XX в., состоит в том, что отечественные историки обращали основное внимание на изучение культов отдельно взятых древнеегипетских богов, таких как: Тот, Себек, Амон-Ра и др. Традицию в данном направлении заложил основатель египтологии в России — проф. Б.А. Тураев. В своей магистерской диссертации, которая была посвящена изучению бога Тота [См. 1], ученый решительно отвергал взгляды, существовавшие в кон. XIX в. в египтологии, на древнеегипетскую культуру и религию как нечто неподвижное, закостеневшее в своих формах и не знающего развития.

Религиозный синкретизм древнего Египта в своих работах в нач. XX в. рассматривал отечественный историк И.Г. Франк-Каменецкий. Он придерживался, в своих исследованиях позиции Б.А. Тураева, о динамическом характере развития религии древнего Египта. Одним из таких периодов развития религии и культуры древнего Египта является Фиванский период, в который происходило отождествление двух древнеегипетских богов — Амона и Ра. На примере такого отождествления Франк-Каменецкий показывает феномен религиозного синкретизма в древнем Египте.

Среди многочисленных богов египетского пантеона, Амон-Ра является одной из наиболее замечательных фигур и история его культа, без сомнения, заслуживала всестороннего изучения в отечественной египтологии.

«Имя этого бога, указывает в своей работе И.Г. Франк-Каменецкий, вызывает в памяти одну из наиболее ярких эпох египетской истории, когда целый ряд могущественных и деятельных фараонов, шаг за шагом создавая мировое государство, пользовался в то же время притоком в страну огромных богатств для воздвижения бессмертного памятника богу, под эгидой которого совершены были обширные завоевания. В этом отношении каждый из фараонов этой эпохи стремился превзойти своего предшественника, и грандиозные развалины созданных в эту эпоху храмов и в настоящее время вызывают заслуженное восхищение всего мира. Сооруженные

усилиями многих поколений верных подданных фараонов, руководимых подчас гениальными художниками, они, с бесчисленными изображениями и надписями, украшающими их стены и колонны, служат красноречивым свидетельством глубокого чувства признательности, каким были проникнуты эти фараоны в отношении к своему богу покровителю». [2. с 3–4].

В описанную эпоху Амон-Ра был не только покровителем царствующей династии, но был в истинном значении слова национальным богом, вокруг которого сосредоточились все чаяния народа, впервые сбросившего оковы тысячелетней замкнутости и выступившего по воле судеб на путь мировой истории. На нем преимущественно сконцентрировалось религиозное сознание эпохи, смутно предугадывая в его образе воплощенного в национальные черты единого творца и вседержителя мира.

«Достигший наивысшего развития в Фивах в эпоху Нового царства космический монотеизм не является оригинальным продуктом религиозного творчества этой эпохи, а представляет собой лишь дальнейшее развитие и углубление религиозных воззрений, в корне своем восходящих к глубокой древности. Несмотря на огромную роль, какую во все времена играли в Египте такие явления, как фетишизм, колдовство, культ мертвых и обоготворение фараонов, несмотря на все многообразие созданных ею причудливых образов, египетская религия с древнейших времен таила в себе стремление к постижению единого бога. Первым толчком к этому послужило, по-видимому, объединение страны под властью фараонов Древнего царства; уже тогда Пта, местный бог Мемфиса, резиденции фараонов, постепенно приобретает характер высшего божества для всего Египта. С другой стороны, олицетворявшие силы природы космические божества с самого начала имеют значение универсальных богов и при посредстве созданных народной фантазией мифов получают широкое распространение по всей стране. На почве слияния обоих культов, местного и космического, в Илиополе в древнейшее время положено было начало религии солнечного монотеизма, который, начиная с 5-й династии,

становится официальным культом. С распадом Египта на множество мелких государств в эпоху Среднего царства, снова начинает усиливаться культ местных богов... но только одному из них, фиванскому Амону, суждено было стать новым центром космического монотеизма, который в эпоху Нового царства достиг небывалого до тех пор расцвета. [2. с. 5–6].

В противоположность укоренившемуся в египтологии взгляду на синкретизм, как на признак упадка религиозной мысли, Франк — Каменецкий, признавая правильность этого взгляда лишь для поздней стадии египетского богословия, подчеркивает, что синкретизм, присущий египетской религии во все периоды, начиная с древнейшего, неоднократно служил источником исключительно плодотворных религиозных идей. Отсюда вытекает необходимость установления различных форм синкретизма, как он применялся в отдельные периоды и в разных религиозных школах, и вместе с тем возникает вопрос о психологических предпосылках синкретизма. Последние отечественный ученый ищет в своеобразной теории познания египтян, согласно которой явления окружающего мира представляют собой результат главной деятельности невидимых духов, рассматриваемых как их первопричина. Присущая этим духам способность перевоплощения делает возможным отождествление друг с другом самых разнородных богов, несмотря на все различие приписываемых последним внешних проявлений. На этой почве неоднократно устанавливалось тождество местных богов с космическими, что вело далее к сопоставлению между собой как местных, так и космических богов, причем в зависимости внешних условий, послуживших поводом к данному сопоставлению, полученное в результате новое божество оказывалось в большей или меньшей степени жизнеспособным, таким образом, все это вело к со-

зданию новых религиозных идей. Древнейшим случаем применения синкретизма Франк-Каменецкий считает сопоставление местных богов с соответствующими животными или фетишами.

Во второй части своей работы, посвященной культу Амон-Ра в Фиванский период [См. 3], автор показывает ход развития религиозной мысли в Египте, он приходит к выводу, что в отдельных случаях результатом синкретизма является ценный синтез религиозных идей, нередко объединяющий в одном образе всю сумму воззрений, концентрирующихся первоначально вокруг основных типов египетских богов (местного, национального, космического), отмечая, что именно на почве синкретизма египетская религия пришла к высшим обобщениям религиозной мысли — монотеизму и пантеизму. Лишь в период культурного упадка Египта синкретизм, в связи с общим застоем духовной жизни, постепенно вырождается в бесплодную игру ума, — что послужило поводом к установившемуся взгляду на него, как на симптом упадка религиозной мысли. Также в приведенных работах ученый делает обзор сопоставлений Фиванского Амона с целым рядом богов, как солнечных, так и других, на основании подлинных иероглифических цитат, заимствованных из гимнов Амону. Перенесение на Амона черт, присущих первоначально другим богам, имеет своим последствием то, что в указанных гимнах ярко отразились как религиозные идеи Гелиополя, так и религиозная мысль Мемфиса, а также своеобразные космогонические представления, возникшие на почве культа Мина. Таким образом, гимны Амону могут служить источником для изучения важнейших моментов религиозной истории Египта, давая материал для обобщений, выводящих далеко за пределы культа Фиванского бога.

Литература:

1. Тураев Б.А. Бог Тот. Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. М., 2002.
2. Франк-Каменецкий И.Г. Памятники египетской религии в Фиванский период // Культурно-исторические памятники древнего Востока. Выпуск 5./ Под. общ. ред. Б.А. Тураева М., 1918.
3. Франк-Каменецкий И.Г. Памятники египетской религии в Фиванский период // Культурно — исторические памятники древнего Востока. Выпуск 6./ Под. общ. ред. Б.А. Тураева М., 1918.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Осень патриарха: второй президентский срок Рафаэля Кальдера как кончина IV республики в Венесуэле

Дубонос Игорь Игоревич, студент

Белорусский государственный университет (г. Минск)

В 1990-е гг. Венесуэлу сотрясали удары глубокого экономического кризиса и политических скандалов. Громко заявившее о себе попыткой переворота в 1998 г. боливарианское движение рвалось к власти, находя себе новых и новых сторонников. IV республика (условное название периода 1830—1999 гг. в политической истории Венесуэлы [1]) доживала свои последние дни.

Нужно сказать, что кризисы были в истории Венесуэлы и раньше: Федеральная война в середине XIX века, диктатура Гомеса в начале и Переса Хименеса в середине XX века. Но в этот раз кризис приобрел особенно опасную форму, поскольку политические проблемы соседствовали и были связаны с экономическими. В этой ситуации IV республику могло спасти только чудо. Чуда можно было бы ждать от молодого, сильного правителя — но его не было.

Рис. 1. Рафаэль Кальдера в годы своего второго...

Последним правителем IV республики стал Рафаэль Кальдера, глубокий старик, который вторично (после срока 1969—1974 гг.) вступил в должность президента в возрасте 78 лет. Он пытался спасти IV республику, но не преуспел — старый и уставший, он не смог обуздать молодого Уго Чавеса, который в 1998 г. выиграл выборы, в 1999 г. став последним президентом Венесуэлы, принесшим клятву на Конституции 1960 г. Конституции, одним из авторов которой был Рафаэль Кальдера.

Кальдера был одним из символов IV республики. Крупный российский исследователь Э.С. Дабагян назвал его «патриархом венесуэльской политики» [2], и с этой

оценкой нельзя не согласиться. Кальдера, начав свою политическую деятельность еще при правлении Элеасара Лопеса Контрераса в 1936 г., когда он основал Национальный союз студентов, стал, наряду с Ромуло Бетанкур, одним из архитекторов послепересовской Венесуэлы, заложив основы той политической системы, которая господствовала в 1960—1998 гг.

Но его приход к власти в 1994 г. показал кризис, охвативший созданный им же режим. Здесь следует несколько подробнее разъяснить ситуацию. Созданная Кальдерой и Бетанкур политическая система базировалась на двух основных документах: «Пакте о перемирии» и «Пакте Пунто-Фихо».

«Пакт Пунто-Фихо» получил свое название по месту подписания — крупнейшему на тот момент городу штата Фалькон Пунто-Фихо [3, с. 803], где тогда располагалась резиденция Рафаэля Кальдера [2, с. 116], в которой и был 31 октября 1958 г. подписан этот документ. Выработанный Кальдерой, имевшим профессиональное юридическое образование, при сотрудничестве с членами своей Социал-христианской партии, а также партии Демократическое действие, пакт был гарантом создаваемой

Рис. 2. ... и первого президентского сроков.

венесуэльской демократической государственности. По условиям этого соглашения, лидеры указанных трех крупнейших партий (ДД, СХП и Республиканско-демократического союза) гарантировали, что вне зависимости от результата выборов в Национальную Ассамблею однопартийное правительство не будет сформировано. Гарантировалось как минимум выслушивание правительством всего спектра мнений, отказ от сектанства (имевшего место быть в годы «трехлетия ДД» в 1945–48 гг.) в политике [4].

Другой основополагающий документ — «Пакт о перемирии» — был подписан между руководством предпринимательских организаций и профсоюзов еще в апреле 1958 г. В нем подчеркивалась недопустимость забастовок, вместо которых в случае трудовых конфликтов между предпринимателями и их наемными рабочими предлагалось обращаться к посредничеству арбитражных комиссий, состоящих из представителей государства, профсоюзов и организаций предпринимателей. Постулировалось также построение отношений между рабочими и предпринимателями на базе коллективных соглашений, а не индивидуальных договоров. [2, с. 117]

Особенностью обоих этих документов было то, что они были острее своим направлены против крайних левых сил. Пакт Пунто-Фихо устанавливал господство на легальной политической арене трех указанных партий, которые сформировали коалиционное правительство, не допустив к власти представителей КПВ. Пакт о перемирии исключал коммунистов из переговорного процесса между рабочими и предпринимателями.

Эти два документа, легшие в основу режима, определили его специфику — Республика Венесуэла в 1960–1998 гг. была государством безусловно антикоммунистическим. Коммунисты оказались исключены из большой политики, превращены в маргиналов [5, с. 58–59]. Возникшая трехпартийная (с начала 1970-х фактически ставшая двухпартийной) система могла быть устойчива лишь в условии наличия общего врага — левых, борьба с которыми сплачивала три партии, две из которых (ДД и СХП) стояли на центристских позициях, а одна — на правых (РДС).

Особенностью Венесуэлы в этих условиях было то, что наблюдалась весьма своеобразная форма социального контракта, когда находившиеся у власти центристы активно направляли доходы, получаемые от нефтеэкспорта, на социальную сферу в обмен на поддержку населением сложившейся политической системы. Этот нефтеэкономический договор позволял Венесуэле оставаться островком стабильности в бурные 1960–80-е гг.

Но резкое падение цен на нефть в конце 1980-х [6] и последовавшее за этим не менее резкое падение ВВП Венесуэлы [7] привели к прекращению действия этого социального контракта — у правительства кончились деньги для «выплат» по своим обязательствам. Неолиберальное правление Карлоса Андреса Переса подлило масла в огонь, резко поляризовав общество, финалом чего стала

попытка переворота, осуществленная левыми офицерами во главе с Уго Чавесом 4 февраля 1992 г.

В этой ситуации Кальдера понял, что Венесуэла идет к революционной катастрофе. Он попытался спасти ситуацию, выступив против президента Переса в Национальной ассамблее [8, с. 125]. Это обозначало для него неизбежное выступление со вполне левыми идеями, что, как уже было сказано выше, было абсолютно неприемлемо для венесуэльского истеблишмента, который ополчился против него. Кальдера был вынужден покинуть СХП, бессменным лидером которой он был с момента основания, и выступить на выборах 1993 г. самостоятельно [9, с. 48]. Его поддержал только созданный им же в процессе предвыборной кампании блок малых левых партий, получивший название «Конвекция». Вместе с тем, в такой ситуации ему удалось одержать победу над представителями традиционных «партий Пунто-Фихо».

Вновь пришедший к власти профессиональный юрист Кальдера недооценил значение экономики. Пытаясь установить социальный мир в стране, он не учел продолжающийся экономический кризис, который не позволял возобновить действие нефтеэкономического социального контракта. В этой ситуации его «Проект страны» оказался неосуществим и привел лишь к углублению кризиса и усилению протестных настроений в обществе [10, с. 35–36]. Кальдера оказался вынужден вернуться к неолиберальным методам Карлоса Андреса Переса. Введя в действие план «Задачи Венесуэлы», предусматривавший обширные неолиберальные преобразования, он был вынужден осуществлять и отстаивать политику, противоположную той, которую он обещал обществу в своей предвыборной программе. Так, в 1996 г. он заявлял: «Для снижения бюджетного дефицита до контролируемого уровня нужно приложить максимум усилий, предпринять болезненные для населения шаги, но иначе нам не удастся преодолеть кризис и отсечь голову гидры инфляции. <...> График приватизации будет жестко выполняться. <...> Одна из самых неотложных [мер — И.Д.] — либерализация обменного курса национальной денежной единицы — боливера» [11, с. 10–11].

Население, особенно беднейшие его слои, в ответ на эти слова покидали лагерь Кальдеры, который, по меткому выражению Марко Куполо, «под патронажем МВФ менял свою ориентацию» [9, с. 49]. Покидая его лагерь, они устремлялись к боливарианцам, лидер которых, Уго Чавес, заслужил славу непримиримого борца с IV республикой.

Ситуация с Уго Чавесом была еще одним стратегическим просчетом Кальдеры. После того, как в результате событий 4 февраля 1992 г. тот оказался в тюрьме, его тюремная камера практически сразу превратилась в боливарианский политический штаб, куда к опальному полковнику стекались все те, кто был недоволен существующим порядком вещей и хотел его изменить (или использовать желающего его изменить Чавеса в своих интересах). Оставлять Чавеса в тюрьме, создавая вокруг него геро-

Рис. 3. Уго Чавес после провала мятежа
4 февраля 1992 г.

ически ореол страдающего честного борца с режимом, было в высшей степени неразумно. В этих условиях для Кальдера самым верным было бы убрать Чавеса из Вене-

суэлы, т.е. выслать его как государственного преступника (благо, прецедент такого решения в отношении Переса Хименеса уже имел место быть [12, р. 287]) из страны. Но вместо этого Кальдера решил попытаться использовать Чавеса в своих интересах: действительно, Чавес, вставший на сторону Кальдера и выступающий как его наследник дал бы тому огромный политический капитал, тем более что Конституция 1960 г. не допускала переизбрания Кальдера. Кальдера амнистировал Чавеса, а тот ответил: «Нет, я не пойду с Кальдерой, а на улицу, в катакомбы, к народу» [8, с. 136].

В результате ситуация для Кальдера стала еще хуже, чем была тогда, когда Чавес сидел в тюрьме — оттуда он хотя бы не мог участвовать в выборах, на которые он пошел во главе «Движения V Республика». Само название этой политической силы указывало на их желание провести коренную перестройку венесуэльской государственности, чего так боялся и не хотел Кальдера.

Итогом просчетов Рафаэля Кальдера в политике и экономике стал приход этого радикала к власти. Кальдера, который делал все ради сохранения IV республики, фактически стал ее могильщиком. Инаугурация 2 февраля 1999 г. Уго Чавеса стала концом IV республики — того режима, сохранение и укрепление которого можно назвать целью всей деятельности Рафаэля Кальдера.

Литература:

1. Las 5 Repúblicas de Venezuela [Recurso electrónico]. — Régimen de acceso: http://www.venezuelatuya.com/historia/cinco_republicas.htm. — Data de acceso: 6.10.2012.
2. Дабагян, Э.С. Патриарх венесуэльской политики / Э.С. Дабагян // Латинская Америка. — 1997. — № 8–9. — С. 111–132.
3. Punto-Fijo // The New Encyclopaedia Britannica. — 15-th ed. — Ch., 2002. — Vol. 9. — P. 803.
4. Texto de Pacto de Punto Fijo // Analitica.com [Recurso electrónico]. — Régimen de acceso: http://www.analitica.com/bitbliblioteca/venezuela/punto_fijo.asp. — Data de acceso: 6.10.2012.
5. Дабагян, Э.С. Венесуэла: Основные вехи политического развития в XX веке / Э.С. Дабагян // Новая и новейшая история. — 2008. — № 5. — С. 48–67.
6. Oil Price History and Analysis // WTRG Economics [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.wtrg.com/prices.htm>. — Date of access: 20.09.2012.
7. GDP Growth Rate // Google Public Data Explorer [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.google.com/publicdata/explore?ds=d5bncppjof8f9_&hl=en_US&dl=en_US#!ctype=l&strail=false&bcs=d&nselm=h&met_y=ny_gdp_mkt_p_kd_zg&scale_y=lin&ind_y=false&rdim=region&idim=country:VEN&ifdim=region&tsort=-261370800000&tend=969397200000&hl=en_US&dl=en_US&ind=false. — Date of access: 20.09.2012.
8. Сапожников К. Уго Чавес / Константин Сапожников. — М.: Молодая Гвардия, 2011. — 470 [10] с.
9. Куполо, М. Нефть и политика / Марко Куполо // Латинская Америка. — 1997. — № 1. — С. 44–50.
10. Гонсалес, Ф. «Задачи Венесуэлы»: истоки, проблемы, перспективы / Франклин Гонсалес // Латинская Америка. — 1997. — № 1. — С. 34–43.
11. Кальдера Р. Альтернативы у нас нет [ежегодное послание президента Национальному конгрессу] / Рафаэль Кальдера // Латинская Америка. — 1997. — № 1. — С. 6–13.
12. Perez Jimenes, Marcos // The New Encyclopaedia Britannica. — 15-th ed. — Ch., 2002. — Vol. 9. — P. 286–287.

Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в.

Милюков Алексей Николаевич, учитель истории
СОШ №1013 (г. Москва)

Русско-монгольские отношения во второй половине XVII века носили несколько иной характер, чем в середине века. Обмен посольствами стал более регулярным, чем в предыдущие годы. Следует также отметить еще одно обстоятельство изменения характера русско-монгольских отношений XVII века. В этот период произошли большие изменения во внутреннем положении обеих заинтересованных стран. Укреплялись позиции русских в Сибири, где происходило медленное, но прочное заселение свободных земель русским крестьянством, где организовывалась и росла «государева пашня», т.е. происходили важные изменения в хозяйственной жизни, которые определили дальнейшие условия развития и историческую судьбу народов, вошедших в состав России, уже сложившейся в большое централизованное государство. Монголия, в свою очередь, все еще находилась в стадии феодальной раздробленности, сопровождающейся частыми междоусобными войнами. Он вместе с тем неоднократно проявлялось стремление объединиться, особенно перед лицом новой опасности со стороны Маньчжурской империи.

Отношения, складывавшиеся между Россией и Алтын-ханами в начале XVII века, не всегда имели мирный характер. В первые десятилетия они ограничивались обменом посольствами, который был прерван, но в 50-х годах вновь возобновлен в весьма напряженной обстановке и сопровождался открытым вторжением Алтын-хана в русские земли.

Дело в том, что в южные районы Томского и Енисейского воеводств неожиданно вступили отряды Алтын-хана, угрожая русским острогам и поселениям. С Алтын-ханом пришлось по этому вопросу вновь начать переговоры, обмениваться посольствами и постараться вновь заставить его признать присягу, принесенную в 1634 году. Однако, рассмотрев посольства Я. Тухачевского, С. Греченина и В. Старкова становится ясно, что Алтын-хан рассматривал принесение присяги как заключение дружеского союза с Российским государством. Именно поэтому, он продолжал вести себя как полновластный хозяин не только в собственных родовых владениях, но и в землях, ему не принадлежащих. Так, он претендовал на сбор ясака с «киргизских, матцких, тубинских людей» и других обитателей южной Сибири, уже присоединенной к русским владениям.

Прервав обмен посольствами с Алтын-ханом, московское правительство старалось проводить политику невмешательства в его дела и демонстрировало свое нежелание поддерживать с ним дальнейшие отношения. Однако через несколько лет Алтын-хан пытался возобновить связи с московским правительством. Это желание

выражено в письме, привезенным монгольским послом Тархан-ламой в Томск в 1645 году. Так, Алтын-хан пишет: «Да после де тово присланы были к нему, Алтыну, государевы послы Степан Греченин, а с тем де Степаном посланы были от него, Алтына, послы Мерген Дега, а утвердили де на том, что было беспрестанно промеж собою пословать» [1, с. 257]. По всей вероятности, Алтын-хан считал, что в ходе прошлых переговоров между сторонами была достигнута договоренность о непрерывном дипломатическом и торговом обмене. Подобную заинтересованность можно объяснить тем, что послы привозили с собой «государево жалованье», а также много разных товаров, которые легко находили сбыт «в мугалах».

Тархан-лама недолго задержался в Томске. Прибыв туда 2 мая 1645 года, он, не пропущенный дальше в Москву, уже 9 мая выехал обратно. Письмо было отправлено в Москву, а дары присланные Алтын-ханом — «Да за то де, что грамоту ево, Алтына-царя, за рассмотрение 50 соболей да 5 бобров» [1, с. 257] — были возвращены Тархан-ламе, так как томские воеводы, помня строгий приказ из Москвы о прекращении отношений с монгольским ханом, не решились принять их «без государева указа» [1, с. 258]. А через пять лет, в 1650 году, он еще раз попытался восстановить связи с русским государством, направив в Томск уже бывавшего там Мерген Дегу, который должен был выяснить, почему не было ответного посольства на визит Тархан-ламы в 1645 году. Однако и на этот раз монгольское посольство осталось без ответа.

Не получив ответа на свои посольства, Алтын-хан и его сын Лубсан-тайджи, вторглись в 1652 году в русские земли. Этот поход был организован, в первую очередь, против киргизов, добровольно принявших русское подданство и регулярно выплачивающих ясак. Еще до вторжения киргизы неоднократно сообщали в Томск и Красноярск, что «мугальские люди силою» собирают с них ясак в пользу монгольского хана. «Киргизских и тубинских всех лутчих князцов поимал Алтын-хан к себе силою 70 человек, и его Алтыновы люди у киргиз, и у тубинцев, и у всех иноземцев кони и скот отгоняют и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают» [2, с. 81] — так красноречиво описывает труднейшее положение Красноярский воевода, к которому киргизы обратились за помощью. Воевода отправил к Алтын-хану Степана Коловского. В результате переговоров Алтын-хан вынужден был уйти за Саяны, но при этом постарался дипломатично объяснить свое появление в русских пределах. Он уверял Коловского, что явился к киргизам только затем, чтобы представить им сына Лубсан-тайджи, которому собирается передать правление своим улусом.

Через пять лет в 1657 году, монголы вновь появились в киргизских землях. На этот раз во главе их находился Лубсан-тайджи, которому Омбо Эрдени уже передал власть. Лубсан-тайджи с войском разбил лагерь на реке Ербе, находящейся в пяти днях пути от Красноярска. Монгольский хан вел себя в русских землях как хозяин, грабил местное население, захватывал в заложники киргизских и тубинских князей, отбирал скот.

В то же время Лубсан-тайджи постарался наладить переговоры с томским воеводой. В 1657 году он отправил в Томск посла Мерген Дегу с письмом, в котором подчеркивал, что в прошлые годы между его отцом Алтын-ханом и Русским государством происходил обмен посольств с подарками: «В прошлом во 165 году октября в 18 день присылал в Томской мугальской Алтына-царя сын Лобзян Ирдений-тайчин посланника своего Мерген Дегу да с ним киргизсково мужика Турлана. И тот мугальской Алтына-царя посланник Мерген Дега подал воеводам князю Ивану Наумовичю Приимскову-Ростовскому да Алексею Ондреевичю Каковинскому мугальское письмо и речью Лобзяна, Алтынова сына, говорил, что наперед де сево великого государя послы и великого государя жалование ко отцу ево Алтыну-царю было» [3, с. 55] — а теперь эти отношения прервались и «государева жалования» ему не присылают. По указу Москвы в 1658 году к Лубсан-тайджи было отправлено посольство во главе с сыном боярским Степаном Гречениным.

Еще в 1657 году к Лубсану-тайджи был отправлен десятник Роман Кольцов, посланный красноярским воеводой с ответом на письмо монгольского хана. Кольцов должен был напомнить Лубсану-тайджи о присяге, принесенной его отцом и заставить его уйти из русских владений. Однако монгольский хан утверждал, что ему совсем не обязательно выполнять условия присяги, так как он ее не давал: «Отец де мой, хотя и шертвовал, он де стар, а лаба шертвовал — тот умер, Турал табун шертвовал в Томском городе, тот де умер же, а я де не шертвовал» [3, с. 50]. На требование Кольцова покинуть русские владения Лбсан-тайджи отвечал, что, в данный момент, находится в своих землях: «какая де земля вашего государя, земля де извеку наша» [3, с. 50]. Становится ясно, что все требования русского посла Романа Кольцова были проигнорированы монгольским ханом в довольно грубой форме, а значит, посольство не смогло выполнить свою задачу.

Как уже говорилось выше, в 1658 году по указу Москвы, было решено отправить к Лубсану-тайджи посольство во главе со Степаном Гречениным. Пока шла переписка и снаряжалось посольство Греченина, Лубсан-тайджи откочевал со своим войском в Монголию. Причиной этого внезапного ухода было известие о смерти его отца Алтын-хана Омбо Эрдени.

Во время поездки Степана Греченина через киргизские земли, многие киргизские князья были настроены к русским вполне доброжелательно и охотно пропускали посольство через свои земли, снабжая подводами и провод-

никами: «И в нынешнем же 168 году сентября в 20 день приехал я, Степан Грек, ис Томского города с служилыми людьми в Мугальскую землю. И октября в 2 день приехали в Киргизскую землю на урочище на Божье озеро в улус х киргискому князю Шянде Сеньчикеневу. И того ж месяца в 3 день князец Шянды дал подводы и проводных до отца своего князю Сенчикеню и сам проводил с частью от своего улуса» [3, с. 56]. Но чем дальше удалялось посольство от русских земель, тем менее приветливым становилось население. Так два киргизских князя, живших от Томска на более далеком расстоянии и поддерживавших тесные связи монгольскими феодалами, задерживали русских послов, отказывали им в лошадях и проводниках: «И оне, киргиские князцы Медячи и Мерген, великого государя указу не послушали, и к своей братье, х киргиским князцам, к Табуну с товарищи, на совет не приехали, и меня, Степана, с товарищи задерживали. И я, Степан Грек, ездил к ним, ко всем х киргиским князцам, к Медяче и к Мергеню с товарищи, 2 недели. И оне собрали с великою нужею со всей Киргиской земли и дали мне 7 подводишек. И те лошаденка сухи, что и ехать не на чем, не добре радеючи великого государя делом. А вожжа не дали и отказали: захошь де-ты сам едешь, а не захочешь — и ты и назад воротишься» [3, с. 57]. Отказал в подводах Греченину и алатырский князь Абака, подчеркнув, что русские не пришли на помощь, когда Лубсан-тайджи грабил алатырцев: «И те алтырцы в подводах отказали: как де вы себе хотите, так и едете. От нас де вам подвод нет для того: как де был в нашей земле Алтынов сын Лобзян и нас воевал и грабил, и в те де поры великий государь не велел нас оборонить, а ныне де вам дати подвод не за што» [3, с. 57–58].

В марте 1660 года после пятимесячного пути Греченин добрался до Монголии. Лубсан-тайджи, ставший к тому времени Алтын-ханом, находился в своих родовых кочевьях около оз. Убса. Он не сразу принял русского посла, так как в день его прибытия отправился в кочевье своего брата: «И марта в 11 день пришли в улус к Алтынову сыну Лобзяну на урочище Кентуйн Тюрю близ великого озера Упсы. И того ж числа Лобзян, Алтына-царя сын, поехал к брату своему х кутухте в улус, а приказал говорить человеку своему Тархан Юрухте, чтоб де великого государя послы не покручинились, доколе я, Лубзян, съезжу к брату своему х кутухте» [3, с. 58–59]. Лишь через три недели состоялась встреча Греченина с Алтын-ханом, которая не дала никаких результатов.

Греченин также встречался с братом Алтын-хана Лубсан-тайджи, который хотел вступить с русскими в переговоры и отправить в Москву послов: «И говорил кутухта. — К великому государю к Москве мочно ль де мне послать посланцев своих з братними Лобзяновыми посланцами вместе, великий государь принять велит ли, и что великому государю годно дары послать?» [3, с. 60]. Подобное намерение лишний раз свидетельствует о большом интересе монгольских феодалов к Русскому государству, о стремлении держать с ним связь, несмотря на

временные затруднения, возникшие по их же собственной вине.

По возвращению от хутухты, Греченин узнает, что у Алтын-хана скончалась старшая жена: «И приехали в улус к Лобзяну на Тесь-реку мая в 2 день. И тово ж числа в ночи у Лобзяна Сайн-контайчи жены ево большой имянем Мачика в животе не стало. И с того места в те ж поры скочевали вверх по Тесе-реке» [3, с. 62]. Шастина Н.П. объясняет подобное поведение монголов тем, что монголы избегали всего, что напоминает о смерти и что могло, согласно суеверным взглядам, принести несчастье [2, с. 84]. Пришлось Греченину вновь переезжать вместе с монголами вверх по реке Тес. Он пробыл у Алтын-хана Лубсана-тайджи недолго, так как, по монгольскому обычаю, во время траура в ставке не должны быть посторонние люди: «И мая в 12 день прислал Лобзян Сайн-контайчи казначея своего Мергень Шееджина ко мне, Степану, с товарищи и велел говорить. — Взять де было мне вас, великому государю послов, к себе всех и отпустить к великому государю с радостью, и против указу великого государя выговорить обо всем. И мне де взятии вас к себе нельзя: что стала ныне надо мною незгода большая, а у нас вера такова — сторонних людей многое время не пушаем» [3, с. 62].

При отъезде русского посольства Лубсан-тайджи пригласил к себе Греченина. На этой встрече состоялось обсуждение основных проблемных вопросов, затрагивающих интересы обеих сторон. Так, Алтын-хан объяснил свой приход в русские владения желанием усмирить киргизов, которые «з государевыми людьми воевались». Он заявил, что хочет поддерживать доброжелательные отношения с Москвой, но в то же время желает оставаться независимым и не считать себя русским подданным. Лубсан-тайджи так мотивировал свой отказ соблюдать присягу: «говорил ты, Степан, мне, Лобзяну Сайн-контайче, чтоб великому государю служить и прямить, и во всем добра хотеть, и бытии в подданстве, также как и отец мой был Алтын-царь. И великий государь пожалует меня, Лобзяна, также как и отца моего Алтына-царя. И мне де, Лобзяну, учинитца в холопстве — холопье надобе и делать, а написатца мне в подданстве — надобе погодно великому государю ясак платить. А меня де, Лобзяна, с такое дело не будет: великому государю я не хочу солгать. За холопство де и за подданство великий государь меня пожалует златом и серебром, и камением драгим, и всякими диковинами — и то де мне будет не прочьно: все изтлеет, только одно имянишко мое останетца. А естли будет великий государь меня пожалует своею царскою силою на неприятелей моих — и в те поры имянишко мое означитца. А я де за то ему, праведному государю, готов служить и прямить неподвижно и во всем добра хотеть в правду... Какая де прбыль великому государю, что я учинюся в подданстве, а на нашей де земле то бесчестье большое, взмолвят окольные моя братия, мугальские цари и князи и властели, что де Лобзян Сайн-контайчи над собою видел, что учинился великому государю

в подданстве и порабощения над собою не видя» [3, с. 64]. Становится понятным намерение Алтын-хана Лубсана-тайджи сохранить самостоятельность своего небольшого, но независимого владения. Следует отметить, исходя из речи Алтын-хана, что для него также важно сохранить личную свободу, собственное достоинство. Он предложил даже новую формулу для обозначения своей будущей зависимости от Русского государства: «Буди великий государь мне большей брат, а я, Лобзян, ему, великому государю, меньшей брат» [3, с. 65]. Но на подобное предложение Греченин ответил отказом: «что говоришь ты, Лобзян, нестаточное дело: отец твой Алтын-царь писался великому государю в подданстве, и шерть свою на том дал, и дань с себя платил, а ты, Лобзян, говоришь такие незбытные речи. И будет апреть у тебя услышу такие невежливые слова, и у меня с тобою посольства отнюдь не будет, и говорить с тобою о государевых посольских делах ни о каких не стану. А такова великово и сильного государя своими такими невежливыми словами себе на гнев воздвигнешь» [3, с. 65]. Не желая ссориться с русским послом, Лубсан-тайджи обещал: «Будет великого государя милость и жалованное слово на том ко мне будет, и какова великому государю шерть надобе, и такову шерть ему, великому государю, я, Лобзян Сайн-контайчи, и дам» [3, с. 65].

Можно сказать, что переговоры Греченина были далеко не безрезультатны, поскольку вновь выявлялось стремление монгольских феодалов, да и самого Алтын-хана, к сближению с Российским государством и началом обмена дипломатическими посольствами. Греченину, также, удалось настоять на рассмотрении Алтын-ханом принесения личной присяги, а также добиться соблюдения договора, заключенного с Алтын-ханом Омбо Эрдени, о территориальных границах. Забегая вперед, следует отметить, что Алтын-хан Лубсан-тайджи больше не вторгался в русские владения.

Нужно отметить, что Алтын-хан Лубсан-тайджи в начале 60-х годов находился на вершине своего благополучия. Он вернулся из русских владений с большой добычей, ограбив киргизское, тубинское, алатырское население. Влияние его в Монголии возросло, он смело требовал, чтобы престол Дзасакту-хана занял удобный ему претендент, и сместил с престола Ваншука, старшего сына Дзасакту-хана. Это вмешательство привело к новой феодальной войне, охватившей западные области Монголии.

Как раз в это время из Томска в ставку Алтын-хана было направлено посольство Петра Лаврова. Исходя из данных статейного списка Лаврова, это посольство должно было напомнить о присяге, принесенной Алтын-ханом Омбо Эрдени. По всей вероятности, инициатива отправки этого посольства исходила от Томских воевод, которые хотели в очередной раз удостовериться в намерениях Алтын-хана Лубсана-тайджи.

Данное посольство Петра Лаврова стало невольной жертвой феодальной войны в Монголии. Лавров сооб-

щает, что русские послы подверглись нападению со стороны монголов: «И как я, Петр, с товарищи приехал в Мугальскую землю к Алтынову сыну Лоджану и ево улусы на Тесь-реку, и августа в 4 день наехали нас альганутцково царя Ясактухановы воинские люди, и нас взяли в полон, и наказную память и животы наши взяли, и нас ограбили, держали нас день да ночь, и назавтрее нас отпустили нагих, меня, Петра, с товарищи, шти человек, дали нам по жеребенку. А товарищев наших, дву человек, Стеньку Замятнина да Кирюшку Микитина, убиты ли они или взяты в полон, тово мы не ведаем» [3, с. 89]. Шастина Н.П. сообщает, что впоследствии стало известно, что один из пропавших без вести казаков был продан в рабство в глубь Монголии, где и провел несколько месяцев, а затем был освобожден «кутухтою», который был родным братом Алтын-хана Лубсан-тайджи. Этот хутухта выкупил его на свободу и отправил на родину, так как стремился поддерживать добрые отношения с русским государством [2, с. 89].

Посольство Лаврова все же добралось до Алтын-хана. Можно с уверенностью констатировать, что оно достигло своей основной цели — напомнить Лубсан-тайджи о условии присяги, принесенной его отцом Омбо Эрдени Так Лавров в своем статейном списке сообщает: «А приехал он, Лоджан, в свои улусы, и взял нас, Петра с товарищи, к себе. И я, петр, велел говорить толмачю по указу великих государей. — Царьского величества воеводы Иван Васильевич Бутурлин да Прокофей Прокофьевич Поводов велели тебе, Лоджану, говорить, чтобы великих государей неизреченную милость и жалованья ты, Лоджан, помнил, на чем великим государем отец твой Алтын-царь и ты, Лоджан, шертвовали, и шерти бы своей не нарушал. А будет ты, Лоджан, станешь помнить шерть свою, и тебя велики государи пожалуют своим государевым жалованьем, как нперед сево ыль великих государей жалованье отцу твоему Алтыну-царю. И он, Лоджан, говорил. — Отец ево Алтын-царь, на чем великим государем шертвовал, и я де то помню» [3, с. 89–90]. Но, следует отметить, что данное посольство не смогло внести ясности в русско-монгольских отношениях.

При возвращении Лаврова из Монголии Лубсан-тайджи отправил с ним посла с письмом к русскому царю: «с ними Алтына-царя сын ево Лоджан послал посланцов своих Урана Конжина-убаши с товарищи, 4-х человек» [3, с. 92]. Монгольские послы благополучно доехали до Москвы и были приняты царем 13 июля 1663 года. На этом приеме монгольский посол Уран на вопрос о цели приезда ответил, что Лубсан-тайджи стремиться установить более тесный контакт с Русским государством. При этом он объяснил, что Лубсан-тайджи вел войну «с семью кочевыми государствами», и «неприятели стали невмочь, потому что у тех семи государств кочевных людей с тысячу, а у царя их только было со 100, и бой был у них с утра до вечера. И как де царю их стали те неприятели ево невмочь, поворотился в свое кочевье назад... и ныне, де... кочует на урочище в енисейских вер-

шинах» [3, с. 97]. Из этого рассказа становятся ясными причины посольства Урана. По всей вероятности, многие монгольские князья («семь кочевных государств») примкнули к законному наследнику престола Дзасакту-хана Ваншуку, поэтому Лубсан-тайджи пришлось отступить. Монгольский посол Уран также сообщил, что Алтын-хан Лубсан-тайджи просить выстроить для него город на истоках реки Кемчик, где он мог бы скрываться от неприятелей, а также выслать ему на помощь 10 тыс. войско, причем лучше конных воинов, так как «конные цырики хороши будут» [3, с. 97].

Предложение монгольского хана о постройке для него нового острога привлекло внимание русского правительства. Дело в том, что указанный регион был еще мало освоен русскими и данный острог представлял бы собой еще один форпост в новых землях. Поэтому, просьба Лубсан-тайджи в данном случае отвечала интересам России. Заинтересованность московского правительства в постройке нового города объяснялась стремлением не только укрепиться в местах, еще недостаточно освоенных, но и прекратить там всякие недружелюбные набеги и вылазки.

В Москве было решено отправить в Монголию новое посольство во главе с казачьим головой Зиновием Литосовым. Весьма интересны подарки, которые Литосов вез Алтын-хану Лубсану-тайджи: «Да великих государей жалованья — пищаль да панцирь, да 3 половинки сукна красново, 10 кож красных, дюжина очков, трупка приводная, и то все велено ему, Лобжану-царевичу, по росписи отдать» [3, с. 93], поскольку был издан указ, запрещающий дарить и продавать монголам огнестрельное оружие. Видимо, на этот раз русское правительство решило отступить от своего закона.

Алтын-хан принял русское посольство весьма доброжелательно, да и поведение Лубсан-тайджи значительно отличалось от предыдущих встреч с послами: «И Зиновей с товарищи пришли к Лобжану-царевичу в полатку, и Лобжан-царевич приподнялся на колени, и Зиновей с товарищи учел ему, Лобжану-царевичу говорить. — Великого государя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, жалованная грамота к тебе прислана. Лобжан-царевич встал. И великого государя грамоту и жалованья, что к тебе прислоно, прими честно. И Лобжан-царевич противу великого государя грамоты встал, и и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, жалованную грамоту Лобжан-царевич принял и поцеловал, положил на голову, и великого государя жалованье на присылке бьет челом» [3, с. 94]. Видно, что вместо заносчивых слов, отказа слушать чтение грамоты стоя, сняв при этом шапку, Лубсан-тайджи был весьма внимателен и любезен.

Алтын-хан не стал задерживать русских послов, как делал это раньше, а поскорее отправил их назад с очередной просьбой: «А мне, Зиновью, с товарищи говорил, чтоб велики государи изволили на Обакане-реке поста-

вить город, а он, Лобжан, своею головою и с своими убашами и с улусными людьми весь их, великих государей, и рад им, великим государем, служить, где оне, велики государи, изволят» [3, с. 94]. На тот момент военное положение Алтын-хана значительно ухудшилось, так как он уже просит построить город на р. Абакан, что значительно севернее предыдущего места. К тому же у Лобсан-тайджи вновь обострились отношения с ойратами, которые и так всегда были весьма враждебно настроены. Ойраты и Алтын-ханы оспаривали друг у друга право владения некоторыми кыштымами, и столкновения между ними были довольно частыми.

Результаты посольства Зиновия Литосова можно назвать весьма успешными. Алтын-хан сильно нуждался в поддержке Русского правительства, и уверял послов в готовности «встать под высокую государеву руку». Это также проявляется в доброжелательности приема послов, и в ответных дарах Алтын-хана русскому царю: «оргамак гнед, крушка серебряная, камень-хрусталь, камка лазоревая, дороги полосатая, 2 рыси, 2 бобра, осьмнатцать соболей» [3, с. 94]. Эти дары были значительно более ценные, чем отправленные ранее.

Пока в Москве принималось решение о строительстве города по просьбе Алтын-хана, в Монголии происходили следующие события. Осенью 1666 года теснимый с юга Тушету-ханом Лубсан-тайджи перекочевал на реку Упсу, и остановился в нескольких днях пути от Красноярска. В это же время в Южную Сибирь вторгся ойратский князь Сенге. Ойраты нередко приходили в этот регион для сбора ясака с киргизского населения. На этой почве произошло военное столкновение Сенге и Алтын-хана, плачевно закончившееся для последнего. Лубсан-тайджи потерпел сокрушительное поражение и был захвачен с семьей в плен. В июне 1667 года Сенге привез его в свой улус, в котором в это время находился русский посол П.И. Кульвинский, который и описал в своем статейном списке это событие: «Июня в 12 день Сенга тайша с мугальской службы в свой улус приехал, а с собою Сенга привез Мугальского царя Лоджана, детей ево — трех сынов, один лет в дватцат, а другой лет петинатцати, а третей лет десети, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по завить отсечь и сабачья мяса Лоджану велел в рот класть. И отдал ево, Лоджана, з двумя женами Онгонотцкому царю, да он же Сенга привез с собою мугальского полону добрых ближних людей и кыштымов з женами и з детьми тысячи з две, и Сенга тайша лутчих людей скотом наделил и велел жить подле себя, а держит в береженьи» [3, с. 102].

Сведения об Алтын-хане Лубсане-тайджи появляются лишь в 1678 году. В архивных материалах встречается сообщение о появлении его в указанный выше год восточнее Красноярска. А в 1679 году в Монголию было отправлено очередное посольство из Томска во главе со Степаном Тупальским. Целью данного посольства, было получение подтверждения принесенной ранее присяги Алтын-ханом.

Прием русских послов, по описанию Тупальского, начался с долгих препирательств, касающихся церемониала. Как и прежде, Алтын-хан не желал первым спрашивать про «многолетнее здоровье великого государя», не хотел снимать шапки и вставать при чтении грамоты. Следует отметить, что раньше, подобное поведение объяснялось военными успехами и могуществом Алтын-хана. Однако после разгрома и пленения, авторитет Алтын-хана сильно пошатнулся, да и территории были уже не те. К тому времени у Лубсан-тайджи оставалось всего лишь десять вассалов, причем не высокого ранга. Возникает вопрос: чем же причина подобного поведения Алтын-хана на приеме русских послов? На мой взгляд, причины две. Во-первых, Алтын-хан был недоволен действиями русской стороны, касающейся принесенной им присяги. Ссылаясь на грамоты, которыми он обменивался с русским царем, Лубсан-тайджи заявлял: «А ко мне Лоджану Алтыну Царю были две грамоты великого государя за веслыми красными печатями, а в тех грамотах было написано как де на меня, Лоджана Алтына царя, будут воинские люди и от воинских де людей ево, Лоджана Алтына царя, оборонить служилыми людьми из сибирских городов от верхотуря и острога было в ево земле поставить и пашни пахать», но помощь эту он не получил, когда «был от киргиз и от калмыцких людей в разорении» [2, с. 102]. А во-вторых, к 1679 году военная угроза вновь спала, и Алтын-хан вновь не нуждался в помощи российского государства, а значит опять считал себя независимым от Москвы. Только после длительных споров и препирательств, Алтын-хан уступил Тупальскому, который потребовал от него подтверждения ранее принесенной присяги: «Также б и ты, Лоджан Алтын царь, со своими детьми и яйзаны и со всеми своими улусными людьми будь в подданстве у великого государя» [3, с. 122]. Все же Алтын-хан Лубсан-тайджи соглашается еще раз принести присягу русскому царю. При принесении присяги Алтын-хан согласился, что он будет «служить и прямит великому государю», а также обещал «под ево государьские города и остроги войною не приходить и русских людей не побивать и с ясашных татар, которые служат великому государю, ясаку с них на себя не иметь и не грабить» [3, с. 122].

Таким образом, посольство Тупальского выполнило поставленную перед ним задачу. Следует также отметить, что данное посольство 1679 года было последним, поскольку отношения между Россией и Алтын-ханами Западной Монголии на этом обрываются. По всей вероятности, Алтын-хан перестал играть какую-либо роль в русско-монгольских отношениях.

Тем не менее, обмен посольствами Русского государства с Алтын-ханами длился более полувека, начиная с 1616 по 1679 гг. И в истории внешнеполитической деятельности Русского государства на Востоке отношения с Алтын-ханами занимают определенное место. В истории Сибири они также оставили свой след.

Литература:

1. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636—1654 гг. М., изд. Вост. лит., 1974.
2. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в.. М., Вост. лит., 1958
3. Русско-монгольские отношения 1654—1685 гг. Сборник документов. М., изд. Вост. лит., 1996.

Косово: к вопросу о правовой легитимности обретённого суверенитета

Никитин Игорь Николаевич, студент

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь)

После того, как 17 февраля 2008 г. Косово объявило о выходе из состава Сербской республики и обретении независимости, у мировой общественности вновь появился повод разделиться на два противоборствующих лагеря. Первый отчаянно заявлял о неправомерности шага «самозванных» косовских властей, второй же в это время ликовал, пропуская мимо ушей все заявления обиженных сербов и их сторонников. С тех пор правоведы и политики, чаще всего в зависимости от своей национальной принадлежности, занимают ту или иную полярную позицию касательно обретённого Косово суверенитета. В данной статье автор намерен не доказать правоту той или иной позиции, а показать неоднозначность поднимаемого вопроса и недопустимость категоричности.

В российской новейшей историографии вопрос о Косово трактуется однозначно в сторону Сербии, что неудивительно, поскольку Россия противится насаждению на Балканах прозападных порядков. Однако подобная позиция вызвана к жизни не только «политическим эго» России. Эта позиция имеет под собой очень весомые документальные основания. В 1-ю очередь, речь идёт о столпе поствоенного устройства мира — Уставе ООН. В п. 4, ст. 2 данного документа содержатся свидетельства нарушения принципа территориальной целостности Сербии:

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» [11].

Развитие принцип территориальной целостности получил в принятой в 1970 г. Декларации о принципах международного права:

«Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны» [1]... В действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы

к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» [1].

Если отойти от общих правовых норм в сторону документов, касающихся непосредственно косовского кризиса, то первыми в списке стоят резолюции ООН, коих в отношении Косово было принято 4—1160, 1199, 1203 и 1244. Каждая из них «обещает» Косово статус автономии и не более того. В частности, в преамбуле Резолюции ООН 1199 говорится:

«Подтверждая цели резолюции 1160 (1998), в которой Совет выразил поддержку мирному урегулированию проблемы Косово, которое предусматривало бы повышенный статус Косово, существенно большую степень автономии и реальное самоуправление, подтверждая также приверженность всех государств-членов суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии» [6].

Подобные утверждения содержатся и в Резолюции ООН 1203 [7]. Но более всего противники Косовской независимости апеллируют к Резолюции ООН 1244. В преамбуле резолюции №1244 Совет Безопасности ООН подтвердил *«приверженность всех государств-членов суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии и других государств региона, выраженную в хельсинкском Заключительном акте», а также «содержащийся в предыдущих резолюциях призыв относительно существенной автономии и реального самоуправления для Косово».* Основопологающим принципом урегулирования косовского кризиса был объявлен *«политический процесс, направленный на заключение временного политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления для Косово, с полным учетом соглашений, подготовленных в Рамбуйе, и принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославии и других стран региона» [8].* В упомянутом в этом документе Соглашении Рамбуйе международное сообщество также заявляет о «приверженности суверенитету и тер-

риториальной целостности Союзной Республики Югославии» [9].

Провозглашение независимости Косово противоречит и Конституции Сербии 2006 г. Статья 8 данной Конституции утверждает:

«Территория Республики Сербия единая и неделимая. Границы Республики Сербия неприкосновенны и могут быть изменены согласно процедуре, применяемой для изменения Конституции» [4].

Как видно, противники косовского суверенитета обладают внушительным набором правовых актов, доказывающих их правоту. Чем же тогда обосновывают свои действия западные политики?

В первую очередь, из приведённых выше выдержек «Декларации о принципах международного права» можно заключить, что принцип территориальной целостности неприменим к государствам, не обеспечивающим равноправие проживающих в нём народов и не допускающим свободное самоопределение таких народов (по мнению ряда правоведов, принцип территориальной целостности вообще касается лишь внешнеполитической угрозы). Это стало одной из зацепок косовских властей и их западных патронов, заявивших, что равноправия в крае под управлением Сербии не было и не предвидится — данная мысль стала лейтмотивом доклада спецдокладчика ООН по Косово М. Ахтиссари [2]. Исходя из этого, совершенно логичным кажется обращение к другому международному праву — праву на самоопределение косоваров. Оно также было закреплено в Уставе ООН [11] и получило развитие в других международных документах. В ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. была зафиксирована следующая норма:

«Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие... Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право» [5, с. 225–226].

Уже упоминавшаяся Декларация о принципах международного права развивает данные положения:

«В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава»... Способами осуществления права на самоопределение могут быть *«создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»* [1].

Аналогичные принципы закреплены в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе —

Хельсинкском Заключительном акте 1975 г., Итоговом документе Венской встречи 1986 г., документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. и других международно-правовых актах.

Не смутила проамерикански настроенных политиков и статья сербской Конституции, утверждавшая неприкосновенность границ Республики Сербии. Формальным предлогом стало то, что данное положение конституции принято в одностороннем порядке уже в разгар «политического процесса» определения статуса Косово, а потому является недействительным.

А что же резолюции ООН? Если внимательно изучить их текст, то и здесь обнаруживается лазейка, удачно использованная ратующими за косовскую свободу политиками. Неоднократно повторенный в тексте резолюции принцип соблюдения «суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославии» (а не Сербии, в состав которой по конституции всегда входил Косовский край) стал той зацепкой, за которую ухватились албанские сепаратисты после того, как в 2003 г. прекратила свое существование СРЮ, а в 2006 г. — ее преемник в лице «Государственного сообщества Сербия и Черногория». Как отметил П. Искендеров, подмена понятия, сознательно заложенная авторами резолюции №1244 ещё в 1999 г., и позволила Западу открыто игнорировать и резолюции ООН, и конституцию Сербии [3].

В конце концов, с мешающими резолюциями ООН можно поступить и так, как это сделал американский дипломат Р. Холбрук. В 2007 г. в статье, посвящённой косовской проблеме, он заявил:

«Россия ссылается на то, что без согласия вовлечённой стороны нельзя менять границы. Но Косово это уникальный случай!» [12, с. 1].

Аналогичным образом, только уже на официальном уровне зазвучало мнение спецдокладчика ООН М. Ахтиссари:

«Единогласно приняв резолюцию 1244 (1999), Совет Безопасности в ответ на действия Милошевича в Косово лишил Сербию управляющей роли в Косово и поместил Косово под временное управление ООН, а также предусмотрел политический процесс, предназначенный для определения будущего Косово. Сочетание этих факторов обуславливает исключительность ситуации с Косово» [2].

Консультативное заключение Международного суда о соответствии Декларации независимости Косово международному праву в июне 2010 г. также стало предметом горячих дискуссий представителей 2 противоборствующих лагерей. Судьи сделали предметом своего заключения не собственно статус Косово, а лишь декларацию независимости, принятую косовской Ассамблеей 17 февраля 2008 года. Суд постановил, что «принятие декларации независимости 17 февраля 2008 года не нарушило основополагающее международное право, резолюцию Совета Безопасности ООН №1244 от 1999 года или Конституци-

онные рамки». В аргументационной части решения Международного суда ООН подчеркивалось, что резолюция Совета Безопасности ООН №1244 «не запрещает» авторам декларации о независимости принимать подобные акты [3]. Это факт стал яркой иллюстрацией юридических проблем, связанных с отсутствием кодификации международно-правового признания.

На основании вышеизложенных материалов автор статьи считает первоочередной причиной противостояния вокруг независимости Косово не столько геополитические расчёты США/ЕС и России, сколько существующее в современном международном праве противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности, создавшее основание для такого противостояния, а также «белые пятна» в международной правовой системе.

Случай Косово активизировал научные изыскания в пограничной области между правом территориальной целостности и правом на самоопределение. Особое внимание заслуживает диссертация А.С. Строевой, которая продемонстрировала не только наличие юридических пробелов в данной области, но и заключила о неправомерности признания за Косово права суверенитета. Такое заключение было вполне успешно обосновано отсутствием всех необходимых критериев государственности и неоправданным игнорированием Резолюции ООН 1244 на

основании прекращения существования «Государственного сообщества Сербии и Черногории», поскольку Косово являлось составной частью именно Сербии как части конфедерации [10, с. 13–14].

Среди практических решений данного вопроса выделяется резолюция ПАСЕ №1832 от 4 октября 2011 г., согласно которой:

«Право этнических меньшинств на самоопределение (...) не предусматривает автоматического права на отделение (и) в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств, как то означено в Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств и в резолюции Ассамблеи №1334 (2003) о положительном опыте автономных регионов как стимула для разрешения конфликтов в Европе» [13].

Как видим, прецедент Косово заставил политологов и правоведов всего мира обратить внимание на недоработки в международных юридических актах. Именно эти недоработки позволили 17 февраля 2008 г. придать хотя бы туманную завесу легитимности самопровозглашению независимости Косово. Появление работ, посвящённых теории данного вопроса и практические решения наподобие Резолюции ПАСЕ позволяют надеяться, что Косово останется единственным «нелегальным мигрантом» в мир независимости.

Литература:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г. // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. — Дата доступа: 22.09.2012.
2. Доклад Специального посланника Генерального секретаря по определению будущего статуса Косово: от 26 марта 2007 г., S/2007/168 // Миссия ООН по делам временной администрации в Косово [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2007/168>. — Дата доступа: 22.09.2012.
3. Искендеров, П. Балканы: кризис международно-правовой системы / П. Искендеров // Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/balkany_krizis_mezhdunarodno-pravovoj_sistemy_2011-01-17.htm. — Дата доступа: 22.09.2012.
4. Конституция Республики Сербия: принята всенар. голосованием 8 ноября 2006 г.: офиц. текст // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/369>. — Дата доступа: 22.09.2012.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. // United Nations Treaty Series. — Vol. 999. — P. 225–240.
6. Резолюция ООН 1199: принята Советом Безопасности ООН 23 сент. 1998 г.: офиц. текст // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1998/res1199.htm>. — Дата доступа: 22.09.2012.
7. Резолюция ООН 1203: принята Советом Безопасности ООН 24 окт. 1998 г.: офиц. текст // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1998/res1203.htm>. — Дата доступа: 22.09.2012.
8. Резолюция ООН 1244: принята Советом Безопасности ООН 14 мая 1999 г.: офиц. текст // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1999/res1244.htm>. — Дата доступа: 22.09.2012.
9. Соглашения Рамбуйе. Временное соглашение о мире и самоуправлении в Косово: международное соглашение от 23 февр. 1999 г., S/1999/648 // Миссия ООН по делам временной администрации в Косово [Элек-

- тронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/1999/648>. — Дата доступа: 22.09.2012.
10. Строева, А.С. Проблема международно-правового признания Косово: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.С. Строева; Моск. гос. юрид. акад. — М., 2011. — 24 с.
 11. Устав Организации Объединённых Наций: подписан 26 июня 1945 г.: офиц. текст // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>. — Дата доступа: 22.09.2012.
 12. Holbrooke, R. Russia's Test in Kosovo / R. Holbrooke // The Washington Post. — 2007. — March 13th. — p.1.
 13. National sovereignty and statehood in contemporary international law: the need for clarification: Resolution of PASE 1832 (2011) // Совет Европы [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/tal1/ERES1832.htm>. — Дата доступа: 22.09.2012.

Особенности торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Казахстан

Степанов Владислав Владимирович, старший преподаватель

Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева (г. Петропавловск, Казахстан)

Отношения Казахстана с Китайской Народной Республикой, вторым по величине соседом, занимают важное место во внешней политике Республики. Они затрагивали обширный спектр вопросов в политической, экономической, торговой, этнической, пограничной и военной областях. Китайский фактор является постоянно действующим для внешней политики РК.

В настоящее время, как и в начале 1990-х гг., на территории Казахстана, наблюдается своеобразный «китайский бум». Уровень товарооборота между странами с 1991 года вырос более чем в 11 раз. Казахстан среди всех стран Центральной Азии является ведущим торговым партнером Китая: объем торговли между двумя странами достиг 8,7 млрд долларов [5, с. 86]. Доля Китая во внешнем товарообороте Казахстана составляет около 16%. Если учесть объемы челночной торговли, доля КНР может составлять 22%, это только официальная статистика, неофициальные данные приводят цифру в 30% и более [5, с. 86].

Китай отчетливо демонстрирует свой интерес к региону, активно внедряясь в экономику. Активизация торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества наблюдается не только в двустороннем формате, но и в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. Во всяком случае, именно Китай является инициатором идеи создания на пространстве, объединяющем государства ШОС, зоны свободной торговли. Он же выделил 900-миллионный торговый кредит государствам — членам ШОС в 2005 г. и 10-миллиардный кредит на инфраструктурные объекты в 2008 г. [6, с. 83]

Что касается торговых контактов, то именно здесь в отношениях доминирует КНР. И это вполне закономерно. Главные статьи казахстанского экспорта в Китай — товары сырьевой группы: прокат черных и цветных металлов, металлолом, нефть, а также кожсырье, хлопок-

сырец, шерсть. Казахстан импортирует из Китая готовую продукцию, прежде всего, товары повседневного спроса, механизмы, электрооборудование, продукцию транспортного машиностроения и т.п. Причем китайский импорт в Казахстан характеризуется в большинстве случаев товаром невысокого качества, который составляет конкуренцию отечественному производителю в силу своей низкой цены и количества.

Многие китайские специалисты считают сложившуюся на сегодняшний день структуру казахстанско-китайского торгового баланса оптимальной и относят ее к одному из важных преимуществ двустороннего торгово-экономического сотрудничества. По их мнению, такая взаимодополняемость экономических структур, в основе которой лежит способность Казахстана производить первичное сырье, а Китая — его перерабатывать, в ближайшей перспективе будет сохраняться [5, с. 102].

Сегодня КНР, а точнее даже Синьцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР превращен в экспортно-импортную базу для торговли с Центральной Азией. Практически любой товар китайского производства можно приобрести или заказать в СУАР. И по мере стремительного роста китайской экономики потребность в сырьевых ресурсах Казахстана будет расти, хотя для Китая торговля с ним не играет существенной роли [1, с. 69].

Если же говорить о специфике торговых контактов КНР с Казахстаном, то она во многом аналогична специфике их внешнеэкономических связей с КНР в целом.

Во-первых, это рост объемов взаимной торговли, связанный с предоставлением Китаем торговых кредитов. Эти кредиты носят связанный характер и предназначены либо для приобретения китайских товаров, либо для реализации проектов с участием китайских компаний.

Во-вторых, торговый баланс между КНР и Казахстаном характеризуется устойчивым положительным

сальдо в пользу Китая. Причем особенно это заметно после 2005 г., когда Китай начал практиковать выдачу связанных торговых кредитов государствам Центральной Азии [2, с. 75].

В-третьих, по общему признанию экспертов центрально-азиатских государств, за республиками Центральной Азии, и Казахстаном в частности, постепенно закрепляется роль поставщиков в КНР сырья и природных ресурсов, а за Китаем — поставщика в регион готовой продукции. Другими словами, государства региона превращаются в сырьевую базу растущей экономики КНР и потребителя, производимых им промышленных, а в последние годы и сельскохозяйственных товаров.

В-четвертых, это деятельность китайских компаний на территории Казахстана и казахстанских в пределах КНР. Отметим такой неприятный факт — в Казахстане присутствуют практически все крупные компании КНР, а вот о присутствии на территории Китая казахстанских компаний, говорить нельзя. Их единицы — и не потому, что китайцы к себе не пускают. Особых ограничений нет. Просто, с одной стороны, вести бизнес в Китае для иностранцев довольно проблематично, а с другой получаемая прибыль не идет ни в какое сравнение с той, что можно получить, работая в государствах региона.

По-видимому, необходимо признать, что экономическое сотрудничество КНР с Казахстаном полностью подчинено общим задачам развития китайской экономики. Освоение Центральной Азии идет тем темпом, который соответствует китайским возможностям, при этом Китай стремится минимизировать издержки по поддержанию своего неспешного экономического продвижения в регион [2, с. 130]. Массированный товарный экспорт решает сразу несколько проблем китайской экономики.

Первое — это расширение рынка сбыта китайских товаров. Причем, главной целью является не столько расширение географии, сколько вытеснение других производителей и достижение значимых позиций на этих рынках за счет относительно низких цен на товары китайского производства.

Второе — перетягивание на себя, за счет цены, иностранных инвестиций, перспективных производств, а вместе с ними — и носителей лучшего инженерного и управленческого опыта со всего мира. Следствием этого процесса является закрытие национальных перспективных производств, не способных конкурировать с китайскими товарами, и перетек их в Китай [4, с. 38].

Беря на себя роль промышленной мастерской Китая, по сути, не оставляет Казахстану шансов на развитие сколько-нибудь значимого обрабатывающего сектора. При этом, в случае продолжающегося опережающего роста западных районов Китая, он имеет все шансы превратиться в ведущий финансово-экономический центр Центральной Азии и прилегающих, и близко географически расположенных российских регионов, иначе говоря, закрепить свое положение в качестве экономического центра.

Если судить с позиций принципов международной торговли, это является угрожающей тенденцией, потому как дальнейшая сырьевая направленность экспорта РК может привести к экономическому истощению региона. Кроме того, предстоящее вступление в ВТО, когда будут снижены ставки таможенных пошлин в торговле с Китаем, еще более усугубит данную проблему. Ведь китайские производители более конкурентоспособны, чем казахстанские. Факторы конкурентоспособности Китая всем известны: это и дешевая рабочая сила, и развитая технологическая база, и емкий рынок, и выход к морю.

Также можно выделить ряд отрицательных факторов осложняющих экономическое сотрудничество Казахстана и Китая.

В сфере двусторонней торговли это:

- нестабильность торговых контактов, вызванная значительной ролью в них неорганизованного, стихийного элемента;

- также серьезной общей проблемой казахстанско-китайского торгово-экономического взаимодействия является недостаток знаний об экономических возможностях партнера, неразвитость информационного обеспечения, консалтинговых услуг.

В валютно-финансовой сфере это:

- несовершенство системы взаимных расчетов, неразвитость сети взаимных корреспондентских связей между банками.

В сфере приграничной торговли это:

- неблагоприятная для казахстанской стороны структура приграничной торговли, ее организационная слабость, недостаточное знание возможностей партнера, отсутствие надежного механизма взаиморасчетов и урегулирования экономических споров;

- ввоз китайских дешевых товаров подрывает промышленную и сельскохозяйственную базу Казахстана;

- проблемы приграничной торговли формируют питательную среду для криминалитета, как для казахстанского, так и для китайского.

Проблемы двусторонних экономических отношений во многом носят объективный характер. Их наличие осознается руководством двух стран и соответствующими ведомствами, которые принимают меры для их решения.

Именно поэтому, создание и развитие промышленных производств в приграничных районах является одним из направлений развития сотрудничества между странами. Как показывает мировой опыт, при эффективной реализации приграничных торговых возможностей эффект роста экономики бывает достаточно высоким [3, с. 75]. Создание совместных предприятий по переработке сырья и снабжение готовой продукцией рынков станет очень перспективным направлением в экономическом сотрудничестве.

Кроме того, эти мероприятия потребуют создания соответствующей инфраструктуры, т.е. развития транспортных и логистических услуг. Это, в свою очередь, в долгосрочном плане поможет расширить торговлю, особенно с отдаленными странами, диверсифицировать географию

ческое распределение торговли и уменьшить связанные с этим издержки.

В целом, Казахстан, является главным объектом экономического интереса Китая в Центральной Азии. Масштабы присутствия КНР в РК на протяжении постсоветского периода поступательно растут и уже представляются значительными. Причем, если первоначально китайский экономический интерес затрагивал преиму-

щественно торговую сферу, что лишь в несущественной степени сопровождалось развитием транспортно-коммуникационных связей, то сегодня стали отчетливо просматриваться более системные усилия КНР по активизации проектно-инвестиционной деятельности в РК. Стала наблюдаться все более устойчивая тенденция диверсификации китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики.

Литература:

1. Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политических и социально-экономических трансформаций. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2007
2. Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006
3. Хафизова К. Казахско-китайская граница в прошлом и сегодня // Многомерные границы Центральной Азии. Вып. 2. М., 2000. Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко
4. Ходжаев А. О центрально-азиатской политике КНР (на основе китайских источников) // Центральная Азия и Кавказ, 2007, №3 с. 38
5. Центральная Азия — Китай: состояние и перспективы сотрудничества. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008
6. Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. — Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенности взаимоотношений союзов сельских общин Южного Дагестана с феодальными образованиями (XVIII – нач. XIX вв.)

Айгунова Тагират Садуевна, кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Союзы сельских общин Дагестана, сложившиеся на принципах федерации или конфедеративным путем, в подавляющем большинстве случаев были зависимы от соседствующих или дальних феодальных образований. Чаще всего речь шла не о свободе и независимости, а о характере и степени зависимости. И все же исследователи, так или иначе касающиеся вопроса характеристики союзов сельских общин Дагестана, сходятся на мнении, что в большинстве случаев союзы сельских общин в значительной мере здесь были самоуправляемыми, саморегулируемыми и самоконтролируемыми социально-политическими организациями. [1, с. 145–190].

Процессы социально-политического развития общества протекали не с одинаковой интенсивностью в различных регионах Дагестана.

Так, например, в Южном Дагестане, по сравнению с Северным и, особенно Центральным, феодальных образований было не много. Объясняется это тем, что проживающие здесь народы, будучи непосредственными соседями стран Закавказья, постоянно попадали под власть то персов, то турок, то Ширван-шахов, которые назначали им своих правителей.

В рассматриваемый период на территории Южного Дагестана были следующие феодальные владения: Дербентское султанство (ханство), Цахурское (Элисуysкое) султанство, Табасаранские майсумство и кадийство и Кюринское ханство.

В значительном отдалении от Дербента, в горной части Южного Дагестана, в среде рутульцев и цахуров существовали местные феодальные образования. В родословной таблице рутульских беков, обнаруженной Х.-М. Хашаевым в фондах ЦГА РД, перечисление начинается с Газибека, правившего в 1574 г. [15, с. 185]. Таблица была составлена со слов рутульского бека Магомедгасан-хана, а на русский язык переведена Мирзаали Абасбеком [16]. Местные феодалы были и у лезгин, что косвенно вытекает из переписки ханов и беков Рутула и Цахура с персидским шахом и турецким султаном [15, с. 186]. Сел. Цахур до XVII в. считалось центром Елисуysкого султанства, а затем, после восстания цахурского населения

против беков, центр феодального образования был перенесен в Закаталы, в сел. Елису [15, с. 185]. В 1842 г. бек Даниял-Султан просил военного министра не включать его султанство в состав Грузинско-Имеретинской губернии, закрепить за ним статус самостоятельного владельца, подотчетного только наместнику Кавказа [13].

До ликвидации из-за измены Даниял-Султана в 1844 г. Елисуysкого султанства, цахуры и отдельные селения рутульцев платили феодалу подати, выражавшиеся в 1/10 урожая или же в т.н. «кесмат» — в определенном количестве зерна независимо от урожая, а также несли личные трудовые повинности [15, с. 186].

Согласно источникам, рутульские беки имели пастбищные горы, за которые получали арендную плату. Однако к началу XIX в. в их прямой зависимости не осталось ни одного селения [16]. И позже рутульские беки чаще всего упоминаются как почетные лица, а не как владельцы. Так, генерал-майор Граббе в 1835 г. пишет, что в Рутульском магале есть кадий и «почетные беки» Гасан-хан и его двоюродный брат Ага-бек [15, с. 186]. Кюринцы и часть самурских лезгин в XVIII в. попадают под власть казикумухских ханов [14, с. 79]. Сел. Ялак и Луткун Самурской долины в XIX в. считались раятами беков [15, с. 186]. До 1811 г. кюринские лезгины и агулы находились в составе Казикумухского ханства [9, с. 211]. С 1811 г., было образовано Кюринское владение во главе с племянником Сурхай-хана-Аслан-ханом [15, с. 191].

«Страна Кюра, легко доступная для соседей, долго составляла предмет раздоров и борьбы между владельцами Дербента, Кубы и Казикумуха», — писал Е. Вейденбаум [5, с. 108]. До начала XVIII в., отмечает А.В. Комаров, «Кюра частью подчиняется кубинскому хану, Султан-Ахмед-хану, внуку Гусейн-хана, частью Дербенту, а горная ее часть считалась независимой» [10, с. 9]. В начале XVIII в. Кюра находилась под влиянием Казикумухского ханства и хотя по разграничению границ между Турцией и Россией попадала под влияние России, Сурхай-хан «их подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтоб от него отделены были» [6, с. 105]. В 1758 г. Кубинским ханом становится Фатали-хан, который вскоре овладеет Дербентом, ча-

стью Ширвана и Кюрой. Но в 1774 г. объединенные силы дагестанских владетелей разбивают его, и Магомед-хан Казикумухский присоединяет Кубу и Кюру к своим владениям [10, с. 9]. В следующем году Фатали-хан при поддержке русского отряда разбил Магомед-хана Казикумухского, разграбил селения Кюры и присоединил ее к своим владениям [4, с. 63; 3, с. 78–90; 10, с. 14–15; 9, с. 380]. Далее Фатали-хан приближает к себе старшего сына Магомед-хана Шихмардана и отдает ему в «ханское владение» часть Кюринского округа до Кабира и Гюнейский магал Кубы. Шихмардан сумел овладеть еще и Курахским магалом «и захватил, таким образом, весь Кюринский округ, который впоследствии остался навсегда во владении Казикумухского хана». Из кюринских магалов было образовано «особое Кюринское владение» [4, с. 162]. «Тем самым, — подытоживают Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов, — был положен конец союзам сельских общин кюринцев» [2, с. 225].

С отделением кюринцев от Казикумухского ханства и созданием ханства Кюринского феодальная эксплуатация узденей союзов общин усилилась. С 1812 г. по 1860 г. окружению ханов и бекам было роздано 15 селений, жители которых ранее ни податей, ни повинностей не отбывали [7, с. 67]. Юсуф-хан Кюринский получал подати и повинности на общую сумму в 18 тыс. руб. серебром [15, с. 192]. Если при этом учесть, что уздени ханства вносили в казну 1 тыс. червонцев, 3 тыс. четвертей хлеба, платили за содержание нукеров 6480 руб. и за содержание чапарных (вестовых) лошадей 2160 руб. [19], то картина чудовищной эксплуатации населения вырисовывается ясно. После создания Кюринского ханства жители сел. Барбаркент, Бюль-Бюль, Казаркент стали отбывать «душарлык», хлебную подать, как раяты, в размере рупы пшеницы и рупы ячменя в год. Кроме того, кто имел на низменности посеы пшеницы, ячменя или чалтыка, обязывался дополнительно платить беку 3 рупы посеянного. Каждая семья 9 дней в году работала на бека, выставляла 2 арбы для перевозки зерна и сена, доставляла беку арбу дров, 1,5 фунта масла с дойной коровы, одну овцу со ста голов, $\frac{3}{4}$ фунта меда с держащего пчел и обрабатывала за условную плату $\frac{2}{3}$ десятины посевов чалтыка. Стародавний обычай взаимопомощи «эврез» кюринские беки постепенно превратили в барщину. Все сказанное относилось также к населению сел. Аликент, Захрабкент, Бубкент, Хутун, Испик, Махмудкент и др. [15, с. 191–192].

Как бы сильны не были союзы сельских общин, отношения между ними и феодальными владетелями характеризовались наличием острых социальных противоречий. Феодальная верхушка, ханы и беки вели наступление на

территории союзов общин, особенно усилившееся к концу XVIII в. Феодалы захватывали общинные земли, закабальны население, заставляли свободных узденей выплачивать феодальную ренту и нести ряд повинностей.

Недовольство притеснениями феодалов и вспышки активного протеста происходили и в Салатавии, где к концу XVIII в. 5200 десятин земли было в собственности феодалов. Это были угодья, приобретенные или захваченные у обществ и им же сдаваемые в аренду [12, с. 724; 18] на кабальных условиях [8]. Правда, к началу XX в. часть этих земель салатавцы откупили у кумыкских владетелей [18].

В XVIII в. Нуцал-хан Курахский и Кубинский хан стремились подчинить союз общин Ахты-пара. Нуцал-хан направил ахтыпаринцам несколько писем, предлагая им стать его раятами и обязуясь в этом случае взять союз под свою защиту и покровительство. Ахтыпаринцы на все эти письма неизменно отвечали, что ни в чем покровительстве не нуждаются, чьими-то ни было раятами никогда не будут, а агрессору готовы дать достойный отпор. Дело дошло до откровенных военных действий, в результате которых ахтыпаринцы, неся потери, все же не дали отрядам хана взять верх. Более того, мстя хану за вероломство, ахтыпаринцы захватили караван хана, возвращавшийся из Нухи, перебили его охрану и разделили ханское добро между собой [11, с. 302–303].

Вес и значение феодального владетеля в значительной степени зависели от того, на какие союзы общин он мог рассчитывать как на союзников и опору в проводимой им внутренней и внешней политике.

Расширение феодалами своих территорий за счет общинных земель, как мы уже отмечали, весьма характерный процесс для внутренней жизни дагестанцев в рассматриваемое время. Однако феодалы откровенно опасались возмущения и гнева населения союзов общин, спаянного и боеспособного социально-политического образования, способного дать отпор агрессору. Поэтому они прибегали к дальновидной и гибкой политике покровительства, протектората по отношению к тому или иному союзу, обществу, в результате чего «опекаемый» субъект рано или поздно мог бы попасть в зависимость от своего «опекуна».

Все перечисленные и многие другие особенности взаимоотношений «феодал-союз-община» свидетельствуют в первую очередь о том, что развитие феодальных отношений в Дагестане протекало своеобразно по сравнению с другими краями и регионами. Своеобразие это, в частности, заключалось в том, что феодальное сословие здесь не могло не считаться с такой внушительной силой, как сплоченные союзы сельских общин.

Литература:

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII–XX вв.: Наука, 1988.
2. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII — нач. XIX в.: Историческая география Южного Дагестана. Махачкала: Изд. ИИАЭ Даг. НЦ РАН, 2001. Т. 2.
3. Алкадари Г.-С. Асари-Дагестан: Исторические сведения в Дагестане. Махачкала: Изд. ИИЯЛ Даг. НИИ, 1929; Юпитер, 1994.

4. Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-Ирам. Баку: Изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926; Элм, 1991.
5. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
6. Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочин. и перев. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Т.17. №8.
7. Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // ЭО. М., 1901. №3.
8. Записки о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства // РФ ИИАЭ.Ф.5. Оп.1. Д.79Л.30.
9. История Дагестана: В 4-х т.М.: Наука, 1967. Т. 1.
10. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 2.
11. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957.
12. Мансуров Ш.М. Салатавия: Социально-экономическая история в конце XVIII — первой половине XIX в. Махачкала: Юпитер, 1995.
13. Переписка начальника Главного штаба Дибича с командующим войсками на Кавказской Черноморской линии. 1814—1824 гг. // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—8.
14. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времён до начала XX в. Махачкала: Изд. ИИАЭ Даг. Филиала АН СССР, 1964.
15. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в.М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 185.
16. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 142. Л. 128.
17. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 12. Л. 33; Д. 4. Л. 19; Д. 6. Л. 42.
18. ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 276; Оп. 3. Д. 48. Л. 2.
19. ЦГА РД. Ф.90. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

Характеристика политических настроений крестьян Пермской губернии за 1920 г. на основе анализа информационной работы Пермской губЧК

Баранова Светлана Борисовна, студент

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Складывание политических настроений крестьян — это сложный и многогранный процесс, который включает в себя множество явлений политического и экономического характера, так или иначе повлиявшего на жизненный уровень крестьян, а также на их идейные и общественно-политические соображения, на материальное благосостояние. Именно поэтому необходимо, в первую очередь, рассмотреть те проблемы и процессы, которые существовали на период 1920 г. в крестьянской среде и которые непосредственно повлияли на формирование политических настроений определенного типа.

Период Гражданской войны очень сильно отразился на хозяйствовании всей страны. Россия в хаосе постоянной борьбы, в условиях непрекращающихся затрат, вызванных необходимостью материального содержания войск, претерпевала огромные убытки, а также спад экономических отношений буквально во всех сферах жизни общества. Даже те регионы, которые к 1920 г. уже не были непосредственно втянуты в активные боевые действия, также испытывали постоянное и все увеличивающееся снижение материальных средств и ресурсов.

Безусловно, сельское хозяйство и непосредственно крестьяне, в первую очередь, испытывали продовольственную нехватку. Так большой урон понесло и сельское хозяйство Урала (в том числе сельское хозяйство Пермской губернии). Прямые убытки крестьянства в ходе Гражданской войны составили 231850 тысяч рублей. По четырем губерниям Урала (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской) в 1920 г. посевные площади сократились к уровню 1916 г. до 81,1; площадей до 85,6; крупного рогатого скота до 67,8; мелкого скота до 55—68% [1, с. 20—21].

Здесь стоит отметить различного рода трудовые повинности, которые крестьяне должны были выполнять. К ним относятся: очищение железных дорог от снега, подвоз хлеба, дров и многое другое. Они были трудны, их оплата производилась валютой, практически вышедшей из оборота к 1920 г. [2, с. 2].

Более того, ощущались постоянные нехватки товаров первой необходимости. Так Троцкий в ответе на письмо крестьянина Пермской губернии Ивана Андреевича Сигунова, соглашаясь с ним, цитирует слова автора: «Соли нет. Чаю, сахару не достанешь. Керосину давно не видали.

Гвоздя не сыскать. Упряжи не купишь, телеги не найдешь. Да и лошадей гораздо меньше стало в деревне» [3, с. 1].

При этом в условиях продовольственной разверстки хлеб, в основном, весь забирался для обеспечения армии, а в обмен предоставлялись те товары, которые фактически никакой ценности не имели.

Непосредственно касаясь разверстки, нужно отметить применение круговой поруки сельского населения. Декрет от 5 августа 1919 г. «О товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов» провозглашал возмещение товарным пайком 10–30% от стоимости сданных селом продуктов по твердым государственным ценам [4, с. 24].

Однако сельские кооперативы получали товарный паек только несколько раз в год, т.к. выдача его зависела от выполнения разверстки в продовольственном районе, не имело значения — сдали ли конкретная деревня, конкретный домохозяин, а то и волость свою долю поставок. Действовала круговая порука. Сельское население волости, уезда отвечало своим имуществом за саботаж и нарушение монополии согражданами. В таких районах армии, продотряды содержались и получали натуральные премии за счет населения. На сельские районы налагались контрибуции в натуральной форме за невыполнение решений Советской власти [5, с. 6].

Описанные выше явления и процессы порождали массовые недовольства среди крестьянских масс. Крестьяне высказывали свое несогласие не только по поводу материальной нехватки средств, но и испытывали возмущение против всей сложившейся политической системы. Такое отношение снижало популярность новой власти, негативно сказывалось на ее позициях по стране и конкретно в Пермской губернии.

Именно поэтому назрела необходимость информационной работы со стороны чрезвычайной комиссии с целью осуществления контроля за крестьянскими настроениями и дальнейшим принятием мер государством.

Информационная работа, проводимая местными чрезвычайными комиссиями, была ключевым моментом в процессе контроля за политическими настроениями населения региона. Ее суть заключалась в регулярном направлении в центр информационной частью Пермской губЧК информационных бюллетеней [6, с. 48]. Последний становился еще и ячейкой комплектования секретных сводок под грифами «А» и «В». Научный интерес представляет сводка «А», где содержался отчет о политическом состоянии губернии за истекшие полмесяца. Он касался вопросов настроения населения и, в том числе, настроения среди крестьян. При этом нужно понимать, что под определением «настроение», в первую очередь, стоит отношение крестьян к советской власти.

Таким образом, целью данной работы станет попытка обозначить политические настроения крестьян, выявить причинно-следственные связи этих настроений путем анализа сводок «А» за 1920 г. Эта тема, безусловно, актуальна. С одной стороны, здесь затронут вопрос о кре-

стьянах Пермской губернии, которые, как видно из «Докладной записки в Президиум ВЧК», в корне отличаются от крестьян Центральной России. В документе говорилось, что «здешний крестьянин не батрак, это мелкий собственник, это хозяйчик. Речи о засилии помещика ему чужды... И он крепко держится за свое небольшое хозяйство» [7]. С другой стороны, в работе затрагивается 1920 г. — последний год существования продразверстки, который наиболее ярко способен отразить возникшие проблемы крестьянских масс, сильно повлиявшие на их политическое состояние.

Общее настроение пермских крестьян к 1920 г. описывается сводками как резко негативное, что подтверждается эпитетами: «настроение почти не поддается никакому учету» [8], «в некоторых местах переходит в открыто враждебное» [9] или же «крестьянство выражает сильное недовольство» [10]. При этом звучат лозунги против советской власти. В сводках констатируются происходившие собрания, где были слышны следующие речи: «Долой Советскую власть», «Не нужно нам никаких управителей» [11]. Для создания более точного представления о политическом настроении крестьян в 1920 г. необходимо сравнить аналогичное настроение в 1919 г. Обратившись к документам 1919 г., можно увидеть, что настроение было более мягким. Встречаются такие определения, как: «настроение в общем благожелательное» [12], «местами настроение благоприятное, местами безразличное» [13], или «политическое настроение улучшилось значительно» [14]. Таким образом, следует констатировать факт ухудшения политического состояния крестьян в 1920 г.

Такое ухудшение настроений связано с рядом причин, которые возникали еще в 1918–1919 гг., однако достигли наивысшей точки своего развития именно в 1920 г. Данные причины по своему характеру можно разделить на экономические и политические причины. И в первую очередь, следует обратиться к экономической составляющей, где будет отражено недовольство крестьян сферой хозяйствования государства. Крестьяне были недовольны, главным образом, изъятием излишков. Чекисты в сводках так представляют данную информацию: «...крестьяне сильно ропщут и возмущаются реквизицией скота и излишков хлеба» [15], «к сдаче хлеба крестьяне относятся особенно недоброжелательно» [16], а также: «крестьянство сильно недовольно хлебной разверсткой вообще, и в частности...действиями продотрядчиков» [17]. Более того, в сводках фиксируется отсутствие семенного материала у крестьян, что вело к голоду крестьянство. Так, например, сводки сообщают: «Ввиду отсутствия семенного материала у некоторой части крестьянства, крестьянство озлоблено и не знает, чем засеять площади» [18] или такое замечание: «...не хватает семян для обсеменения полей, и поэтому наблюдается злобное настроение против советской власти» [19]. Также крестьянство ощущает недостаток мануфактуры и обуви, что тоже является одной из экономических причин недовольства властью. В

сводках отражается это следующим образом: «В Пермском уезде крестьяне проявляют сильное недовольство невыдаче мануфактуры и обуви» [20], «В Оханском уезде в связи...с невыдачей населению мануфактуры...настроение крестьянства враждебное» [21]. Таковы экономические причины ухудшения политического состояния крестьян в 1920 г., сосредоточившиеся в проблемах: изъятия излишков, нехватки семенного материала и отсутствием мануфактуры.

Наряду с экономическими причинами существовали и политические, которые также охватывали несколько различных сфер. Здесь, в первую очередь, следует говорить о слабой политической агитации, при том указывается, что: «культурно-просветительная и политическая работа среди крестьянства почти не ведется» [22], более того «крестьянская молодежь...интересуется политической стороной жизни, но вся беда в том, что нет достаточного количества работников, которые могли бы исправить работу» [23]. Здесь стоит обратить внимание и на оказание влияния тех слоев населения, которые были неудобны советской власти. Например: «Благодаря злостной агитации кулаков настроение крестьянства вполне обостренное» [24] или «большое дезорганизирующее влияние на население имеет приезд беженцев Колчака» [25]. Помимо определенного влияния крестьяне также испытывают недовольство местными властями. Замечается, что «неправильные действия местных властей также озлобляют крестьян» [26].

Указанные факторы, как экономические, так и политические — имеют своим следствием бегство советских работников из партии и организацию восстаний. Так сводка сообщает: «Все мероприятия в деревне вызывают недовольство крестьянства, в некоторых местах переходящее во вполне серьезное положение, готовое вылиться в восстание» [27], «Некоторые советские работники ввиду отчуждения у крестьян хлеба и других продуктов и совершенной невыдачи чего-либо крестьянству — разочаровываются, устают, не выносят такого положения и бегут из партии» [28].

Подведем итоги. Во-первых, необходимо говорить о безусловной важности того материала, который содержится в сводках ЧК. Его использование, при внутренней критике источника, позволяет составить целостную картину о политическом состоянии крестьянских масс. Во-вторых, из контекста источника вырисовывается восприятие чекистами крестьянских масс как особого объекта политического контроля. В-третьих, материалы об экономических и политических проблемах, содержащиеся в сводках ЧК, логично использовать как аргумент в пользу тезиса о том, что на рубеже 1920—1921 гг. политическая система РСФСР вошла в полосу глубокого кризиса. Где недовольства крестьян и призывы к восстанию поставили под вопрос власть большевиков. А жестокое подавление данных недовольств без смены экономической политики приводило лишь к временному успокоению.

Литература:

1. Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919—1921 гг.) / Н.Н. Метельский. — Свердловск: УрО РАН, 1991. — 66 с.
2. Троцкий Л.Д. Письмо товарища Троцкого крестьянину Пермской губернии Ивану Андреевичу Сигунову / Л.Д. Троцкий. — Самара-Екатеринбург, 1920. — 11 с.
3. Там же.
4. Декреты Советской власти 1 августа 1919 г.-9 декабря 1919 г.Т. 6 / институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории СССР АН СССР. — М.: Издательство политической литературы, 1973. — 583 с.
5. Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919—1921 гг.) / Н.Н. Метельский. — Свердловск: УрО РАН, 1991. — 66 с.
6. Дианов С.А. Политический контроль в Пермском крае в 1919—1929 гг.: монография / С.А. Дианов. — Пермь: ОТ и ДО, 2008. — 202 с.
7. ПермГАНИ Ф. 557. Оп. 1 Д. 50 Л. 37
8. Там же. Д. 52. Л.6
9. Там же. Л.58
10. Там же. Л.141
11. Там же. Д. 52. Л. 104
12. ПермГАНИ Ф.557 Оп. 1 Д. 10 Л. 27
13. Там же. Л. 70
14. Там же. Д.10 Л.74
15. ПермГАНИ Ф.557 Оп.1 Д.52 Л.6
16. Там же. Л.141
17. Там же. Л.94
18. Там же. Л.94
19. Там же. Л.104
20. Там же. Л.103

21. Там же. Л.132
22. Там же. Л.132
23. Там же. Л.6
24. Там же. Л.141
25. Там же. Л.141
26. Там же. Л.132
27. Там же. Л.63
28. Там же. Л.141

Работа кинооператоров Куйбышевской студии кинохроники на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Заводчиков Василий Васильевич, соискатель

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Существующая сегодня в обществе необходимость осмысления героических и трагических страниц истории Великой Отечественной войны возрастает по мере удаления по времени от нас событий войны, ухода из жизни ее участников, ветеранов. Особое значение это имеет в связи с попытками искажения очевидных исторических фактов. Недопустимость фальсификации истории Великой Отечественной войны была подчеркнута 25 июня 2012 г. в выступлении В.В. Путина в израильском городе Нетания на церемонии открытия Мемориала победы Красной армии над фашистской Германией: «...Нужно беречь и отстаивать правду о войне: перелицовка истории преступна перед памятью миллионов и перед будущими поколениями» [1].

Особое значение в сохранении исторической памяти о войне играют дошедшие до наших дней кадры кинохроники. Беспримерное мужество и героизм народа в борьбе с врагом, самоотверженный труд в тылу, сила духа всего военного поколения нашли отражение в кинолетописи Великой Отечественной войны, весомый вклад в создание которой внесла Куйбышевская (ныне Самарская) студия кинохроники. Среди кинодокументов, созданных студией за 85-летнюю историю своего существования, кадры кинохроники Великой Отечественной войны имеют особую ценность. Участвуя в их создании, многие кинооператоры студии мужественно работали на фронте и в тылу. В их числе — Н.П. Киселев, А.Ф. Казначеев, М.И. Ципорин, С.И. Авлошенко, В.А. Косицын, Н.Я. Степанов, А.Я. Сухов, К.Ф. Мотков и другие.

Примером верности профессиональному и гражданскому долгу в годы войны была работа кинооператора Сергея Ивановича Авлошенко. В 1926 г. он окончил киноотделение театрального техникума в Саратове по специальности киноактер и стал работать как оператор-документалист на студиях кинохроники городов Саратова, Свердловска, Алма — Ата [2, с. 5]. В 1926–1929 гг. он работал оператором Нижне — Волжского отделения «Совкино», в 1930–1932 гг. — Уральского отде-

ления «Союзкино», в 1932–1934 гг. — Алма-атинской студии хроникально-документальных фильмов, в 1935–1940 гг. — Саратовской студии кинохроники [3, с. 6].

Работая на этих студиях, он снимал закладку Магнитки, Сталинградского и Челябинского тракторных заводов, строительство Уралмаша и Тагилстроя, медных рудников Карабаша и соляных Березняков и многие другие сюжеты, которые, были посвящены созидательному труду советских людей в годы первых пятилеток. Первым своим учителем он считал ленинградского кинооператора Василия Николаевича Беляева, который после съемок на Памире картины «Крыша мира» приехал в Саратов снимать фильм об образцовых хозяйствах немцев Поволжья. Через всю свою жизнь Сергей Иванович Авлошенко пронес дружбу с В.Н. Беляевым, который стал известным советским оператором и режиссером-документалистом [4, с. 44].

Многие его профессиональные советы пригодились Сергею Ивановичу, когда он в 1940 г. стал работать на Куйбышевской студии кинохроники, кинооператором которой он был до 1945 г. [5, с. 6]. С самого начала работы на студии С. Авлошенко участвовал в создании кинодокументов, которые отражали важные события, происходившие в Куйбышевской области, трудовые свершения волжан, их достижения в промышленности, сельском хозяйстве, культурном строительстве.

В период с возникновения в 1927 г. и до 1941 г. студия занималась в основном выпуском киножурналов «Средняя Волга», «Оренбургская область» и «Советская Мордовия». Кроме того, она делала специальные выпуски и короткометражные фильмы [6]. В документальных фильмах Куйбышевской студии кинохроники, выпущенных незадолго до войны, было показано преобразование Волги с ее новыми судами и портами, с людьми, которые совершенствовали формы работы речного флота, вводили прогрессивные графики, внедряли технические новшества [7, с. 160.] Над созданием одного из таких фильмов — киноочерка «На Волге» (1940 г.), в котором зрители увидели живописные, заповедные места Самарской Луки, С. Ав-

лошенко работал в качестве режиссера-оператора совместно с опытным режиссером О.Д. Покорским [8].

Активно участвуя в создании региональной кинохроники, С. Авлошенко в первый год своей работы на студии заснял 53 сюжета для киножурналов [9]. Все они отражали трудовые будни и праздники волжан, их мирную жизнь, которая была нарушена началом Великой Отечественной войны.

Кадры куйбышевской кинохроники сохранили эпизоды многочисленных патриотических митингов трудящихся, которые проходили в эти дни на предприятиях области. В съемках многих из них участвовал С. Авлошенко. Уже на третий день войны, 24 июня 1941 года, он был в составе съемочной группы (режиссер О. Покорский, операторы Н. Киселев, С. Авлошенко, Н. Степанов), которая в одном из сюжетов киножурнала («Средняя Волга», 1941, №24, 24 июня.) показала, как на улице куйбышевцы сосредоточенно, с гневом и болью на суровых лицах, слушали речь Молотова, правительственное сообщение о начале войны. На митингах и собраниях они выступали с патриотическими призывами отстоять Родину в войне с захватчиками. Камера запечатлела, как на митинге коллектива Куйбышевского станкозавода рабочий Бодин заявил: «Фашистские выродки задумали поработить наш великий народ. Не удастся, обезумевшие фашисты!». В сюжете было показано, как в Фрунзенский райвоенкомат непрерывно поступали заявления патриотов с просьбой зачислить их добровольцами в ряды действующей армии. Орденоносец, участник гражданской войны, командир запаса Нападов обратился с просьбой послать его на фронт: «На удар врага мы ответим тройным, несокрушимым ударом. Вперед, за Родину, за честь, за свободу!» [10].

Добровольцем ушел на фронт в 1941 г. и С. Авлошенко, оставив в Куйбышеве жену и годовалого сына. Он воевал в должности топографа 21-й армии, которая с упорными боями отступала от Бобруйска под Ельню. В конце 1941 г. его отозвали в Куйбышев [11, с. 45]. По просьбе Комитета по делам кинематографии при СНК Союза ССР он был демобилизован и направлен в кинохронику для работы по специальности во фронтовой киногруппе. Став фронтовым оператором, он снимал на Западном, Калининском, Волховском фронтах. [12, с. 350,362]. С. Авлошенко снимал бои под Ржевом, освобожденные, сожженные дотла города и села. В 1942 г. на Волховском фронте он снимал прорыв 2-й ударной армии [13, с. 45].

Будучи в составе киногруппы Калининского фронта, он снял ряд сюжетов (часть из них совместно с другими операторами): «Собаки — истребители танков», «Награждение истребителей», «Боевая работа саперов», «Прямой наводкой», «Вручение Знамени», «Город Зубцов», «Бои за Р.», «Сбор трофейного лома», «Колхозники помогают фронту» и другие сюжеты. Однако не все снятые им сюжеты получили положительную оценку. В заключении Главкинохроники по некоторым сюжетам указывались замечания по отсутствию должной оперативности в про-

ведении съемок, по большому расходу пленки, по некоторой наигранности снятых кадров и т.п. [14, с. 349—351, 452—453].

Отчасти это было связано с тем, что у руководителей фронтовых киногрупп не было единства взглядов на то, как надо снимать войну — отдавать предпочтение подлинному кинорепортажу о реальных событиях или более выразительному «образу действительности», построенному методом «организованных съемок». Эти вопросы в ходе острых дискуссий обсуждались 12—13 мая 1942 г. в Москве на специальном совещании начальников фронтовых киногрупп. Руководство Главкинохроники решительно выступило против метода «инсценировок». Эта принципиальная позиция нашла отражение в суровых приказах о наказаниях, а впоследствии и изгнании из фронтовой хроники целого ряда операторов за инсценированные съемки. В их числе оказался и С.И. Авлошенко. Приказом Комитета по делам кинематографии при СНК Союза ССР от 29 января 1943 г. он был отчислен из фронтовой хроники за инсценированные съемки боевых действий [15, с. 335—336, 350].

В 1943 г. С. Авлошенко продолжил работу оператором на Куйбышевской студии кинохроники, деятельность которой с первых дней войны была подчинена задачам военного времени по усилению морального духа народа, укреплению в общественном сознании чувства патриотизма, решимости выстоять и победить врага. Непосредственное участие в решении этих задач принимал С. Авлошенко.

Главной темой куйбышевских кинодокументалистов были патриотизм и трудовая доблесть тружеников тыла, вера людей в разгром врага. В кадрах кинохроники нашло широкое отражение несокрушимое единство фронта и тыла. С особой силой оно проявилось в патриотическом движении за создание Фонда обороны, по сбору средств на строительство танковой колонны «Куйбышевский колхозник» и эскадрильи самолетов авиаполка «Валериан Куйбышев».

Всенародной помощи защитникам Родины были посвящены многие сюжеты киножурнала «Поволжье», производство которого (3 номера в месяц) студией было начато с 1 июля 1942 г. [16]. Так, в сюжете «От народа — в фонд Победы» («Поволжье», 1943, №7.), снятом С. Авлошенко совместно с кинооператорами Г. Фиргангом и М. Капланом, рассказывалось о том, как трудящиеся Куйбышевской области передали на вооружение Красной Армии танковую колонну «Куйбышевский колхозник» [17].

Помощь тружеников тыла защитникам Родины проявлялась и в их участии в шефстве над ранеными воинами. Домохозяйки, школьники, колхозницы, ученые, педагоги, деятели искусства постоянно помогали в госпиталях медицинским работникам, ухаживали за ранеными. Многочисленные сюжеты киножурналов были посвящены этой теме. В одном из таких сюжетов («Поволжье», 1945, №8.) оператор С.Авлошенко запечатлел, как в одном из подшефных куйбышевских госпиталей горожане посе-

щали раненых, приносили им подарки, приготовленные с большой любовью и благодарностью за их ратные подвиги во имя победы [18].

С. Авлошенко принимал участие в съемках нескольких произведенных Куйбышевской студией фильмов, посвященных героизму тружеников тыла. В их числе — фильмы «На боевом посту» (1943 г.), «Урал кует победу» (1943 г.), «Возрожденный завод» (1944 г.), «Поток» (1944 г.), «Возрождение Сталинграда» (1945 г.), «Гордость страны» (1945 г.).

Фильм «На боевом посту» (режиссер В.И. Будилович; кинооператор С.И. Авлошенко; музыкальное оформление Б. Мерцилова; звукооператор Л.П. Герцикова) был посвящен героическому труду работников железнодорожного транспорта в годы войны [19].

О тыле, производящем оружие для фронта, для победы, о героическом труде тружеников тыла, о природных богатствах Урала — «арсенала страны», о его мощной оборонной промышленности рассказывал полнометражный документальный фильм «Урал кует победу» (авторы сценария Б.Н. Агапов, В.Н. Бойков, Ф.И. Киселев; режиссеры В.Н. Бойков, Ф.И. Киселев; Главные кинооператоры О.Б. Рейзман, Н.Я. Степанов; кинооператоры С.И. Авлошенко, Н.А. Блажков, П.А. Ногин, Г.Е. Родниченко, А.Я. Сухов; музыкальное оформление Н. Аносова, Д.С. Штильмана; звукооператоры В.А. Котов, М.Ф. Соколов), созданный совместно Куйбышевской и Свердловской студиями кинохроники [20].

О доблестном труде работников эвакуированного на Волгу авиационного завода, сумевших в кратчайший срок наладить на новом месте производство самолетов, рассказывалось в фильме «Возрожденный завод» (автор сценария А.К. Дымовой; режиссер В.Л. Каштелян; операторы С.И. Авлошенко, Л.В. Куянов; звукооператор Л.П. Герцикова) [21].

Самоотверженному труду в тылу был посвящен и фильм «Поток» (режиссер О.Д. Покорский; кинооператор С.И. Авлошенко; музыкальное оформление Б.В. Мерцилова; звукооператор Л.П. Герцикова), который повествовал о внедрении поточного метода производства на заводе боеприпасов [22].

Фильмы «Гордость страны» и «Возрождение Сталинграда» были посвящены трудовому подвигу народа по восстановлению города-героя. В фильме «Гордость страны» рассказывалось о восстановлении сталинградского тракторного завода (режиссеры-операторы Н.Я. Степанов, С.И. Авлошенко, звукооператор Л.П. Герцикова) [23].

Полнометражный документальный фильм «Возро-

ждение Сталинграда» был выпущен Куйбышевской студией кинохроники совместно с Центральной студией документальных фильмов (сценарист Б. Агапов, режиссер И. Посельский, операторы А. Хавчин, В. Доброничий, В. Цитрон, В. Косицин; музыкальное оформление — А. Ройтман; звукооператор В. Котов; текст читает Л. Хмара) [24]. В течение двух лет группа режиссера И. Посельского наблюдала за городом, приезжая в него каждые полтора-два месяца для производства съемок, чтобы показать на экране историю восстановления Сталинграда [25, с. 134].

Трудовой доблести народа, благодаря которой шло восстановление и строительство предприятий, жилья, памятников культуры, всего, что так беспощадно было разрушено войной, были посвящены и многие выпуски киножурналов. В одном из таких выпусков («Поволжье», 1945, №7.) С. Авлошенко совместно с оператором Н. Степановым показали, как в Сталинград прибыла молодежь из Югославии помогать восстанавливать разрушенный город [26].

С. Авлошенко участвовал в съемках многих сюжетов киножурналов, посвященных Великой Победе. Его камера запечатлела всенародное празднование волжан в связи с подписанием акта о безоговорочной капитуляции Германии (сюжет «День Победы великого советского народа», режиссер В. Каштелян, операторы М. Ципорин, С. Авлошенко, Г. Амиров, Н. Белоусов, К. Лавыгин, «Поволжье», 1945, №19–20.), многотысячные митинги рабочих завода имени Масленникова, посвященные капитуляции Японии (сюжет «Уничтожен последний очаг войны», режиссер В. Каштелян, оператор С. Авлошенко, «Поволжье», 1945, №35.) и др. [27].

Эти и многие другие кинодокументы, в создании которых участвовал С.И. Авлошенко наряду с другими кинооператорами Куйбышевской студии кинохроники, являются бесценным свидетельством исторического подвига народа в годы Великой Отечественной войны. Работая в мирное послевоенное время на других отечественных студиях, С.И. Авлошенко оставался верным своей профессии кинооператора. Он снял ряд документальных фильмов, около 1500 сюжетов для кинопериодики [28, с. 6]. Любовь к кинооператорскому мастерству он сумел передать своему сыну и внуку, положив начало династии кинооператоров Авлошенко [29, с. 44]. Снятые им и другими кинооператорами Куйбышевской студии кинохроники в годы Великой Отечественной войны уникальные исторические кадры играют неоценимую роль в сохранении священной памяти о войне.

Литература:

1. Латухина К. Белые крылья надежд // Российская газета, 2012, 26 июня.
2. Барыкин Е. Саратовский кинословарь. — М.: «Дубль — Д», 1996. — 152 с.
3. Документальное кино XX века. Кинооператоры от А до Я. Справочник — каталог / Авт.-сост. В. Горбатский. Отв. ред. А. Дерябин. — М.: «Материк», 2005. — 248 с.
4. Богма С. Династия кинооператоров Авлошенко // Техника и технологии кино. 2007. №2. С. 44–49.

5. Документальное кино XX века. Кинооператоры от А до Я. Указ. Соч.
6. Пospelов А. 25-летие Куйбышевской студии кинохроники // Волжская коммуна, 1952, 30 декабря.
7. Шестаков К. Волга на экране // Волга. — 1982. — №5. — С. 157–162.
8. Фильм «Гигант на Волге» // Волжская коммуна, 1940, 8 мая.
9. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. ОП.32. Д.144. Л.113.
10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.4095. ОП.1. Д.20. Л.171, 174.
11. Богма С. Династия кинооператоров Авлошенко. Указ. Соч.
12. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Документы и свидетельства / Авт.-сост. В.П. Михайлов, В.И. Фомин. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010. — 1048 с.
13. Богма С. Династия кинооператоров Авлошенко. Указ. Соч.
14. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Документы и свидетельства. Указ. Соч.
15. Там же.
16. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.20. Л.7.
17. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.30. Л.222.
18. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.9. Л.187.
19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 966. ОП.2. Д. 805. Л.210.
20. Там же. Л. 217.
21. Там же. Л.220.
22. Там же. Л.235.
23. Там же. Л.250.
24. Там же. Л.247.
25. Гринберг И., Большинцов М. Кинохроника в дни войны // Звезда. — 1945. — №5–6. С. 124–134.
26. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.3. Д.9. Л.86.
27. Там же. Л.Л.71, 133–134.
28. Документальное кино XX века. Кинооператоры от А до Я. Указ. Соч.
29. Богма С. Династия кинооператоров Авлошенко. Указ. Соч.

Некоторые аспекты военной организации гуннов

Карсакова Гульмира Болатовна, старший преподаватель
Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова (Казахстан)

Переворотом в жизни и в военном деле кочевых народов древнего Казахстана, да и не только его, стало великое переселение народов с Востока. И связано это событие было прежде всего с сюнну, известными также под названием гунны. Первая империя кочевников Центральной Азии была создана в III в. до н.э. союзом кочевых племен сюнну. Она возникла на востоке Великой степи, на территории, примыкающей к нынешнему Казахстану. К III в. до н.э. полновластными хозяевами здесь стали сюнну, племена монголоидного расового облика, говорившие предположительно на одном из языков алтайской языковой семьи, ветвью которой являются тюркские языки, в том числе казахский. В мирное время племена сюнну находились под управлением старейшин 24 родов. На время войны сюнну формировали боевые отряды и вся власть сосредоточивалась в руках шаньюя, которого избирал совет старейшин.

К концу III в. до н.э. у сюнну произошла небывалая ломка традиционных отношений, итогом которой стало создание государства. Китайский историк древности Сыма

Цянь так излагает эти события: «В то время шаньюем у сюнну был Тоумань. Он имел двух сыновей от разных жен. Старшего, Маодуня, отец не любил, а младшего, любимого, вопреки законам предков собирался сделать своим наследником. Чтобы старший не роптал и не противился, Тоумань отослал его к юэжам в заложники» [1, с. 140].

Сюнну стали подлинным бедствием для китайской империи Хань. Кочевников не могли остановить ни плетеные из ивняка заслоны, ни глубокие рвы, ни крепостные стены. При их приближении население, бросая скот и пожитки, стремилось укрыться за стенами укреплений, а воины получали строгий приказ оборонять крепости изнутри, ни в коем случае не ввязываясь в бои вне крепостных стен, и не устраивать погоню. Китайские военачальники уже имели горький опыт борьбы с кочевниками: сюнну нападали малыми силами, выманивали китайцев из крепостных стен и, притворно обратившись в бегство, завлекали преследователя в расположение своих сил. Даже Великая Китайская стена, это монументальное дорожное сооружение, специально созданное огромным напряжением сил для защиты от кочевников, оказалась

неспособной защитить своих строителей. Признавая могущество сюнну, Поднебесная империя пыталась добиться благосклонности их правителей. Когда Маодунь прислал китайскому императору верблюда, двух верховых лошадей и две конские упряжки четверней, то в качестве ответного дара получил вышитый халат, золотой венчик для волос, отделанный золотом пояс с пряжкой из кости носорога и десять кусков шелка. В 162 г. до н.э. император Сяо Вэнь-ди направил сыну Маодуня Лаошаню послание, в котором писал: «Хань [то есть Китай, управляемый династией Хань] и Сюнну суть два соседних равных государства» [2, с. 122].

Но сюнну было мало такого признания, хотя для китайцев с их уже сформировавшейся и закрепившейся в сознании широких слоев общества идей «Китай — центр мира, а окружающие его народы — варвары» это было пределом падения. Сюнну хотели получать из Китая хлеб, ткани, изделия из металлов и предметы роскоши в обмен на скот, шерсть, шкуры, кожи, войлок, навязывая условия, которые порождали кризисы в их взаимоотношениях. Войны не прекращались и отношения с сюнну были для древнего Китая вопросом жизни и смерти. Войско гуннов под командованием Маодуня насчитывало 140 тысяч всадников. Основой этой армии были отряды по 10 тысяч конников, которые назывались «тьма». Во главе с командиром-«темником» тьма делилась на тысячи, сотни, десятки, к которым приписывалось все мужское взрослое население, способное держать оружие. Известно также, что в армии сюнну было четыре конных корпуса, различавшихся мастью лошадей [3, с. 24].

Ставка шаньюя хорошо охранялась, есть сведения о личной гвардии повелителя сюнну, так называемых ланчжунах. В составе войск были и отряды из покоренных племен. Верховным главнокомандующим армии сюнну был шаньюй, которому принадлежало последнее, решающее слово в вопросах объявления мира, направления походов, задач конкретных кампаний. В крупных походах войска возглавлял сам шаньюй, а в мелких и в набегах — военачальники по его распоряжению.

В основном войско сюнну представляло собой легкую конницу, вооруженную дальнобойными луками.

Главным приемом тактики был бой на расстоянии в рассыпном строю, чтобы, как пишут китайские летописцы, «противопоставив неприятелю лучшую конницу, в поле под тучею стрел решать победу». В ходе боя сюнну стремились выманить врага в открытое поле, охватить его с флангов. Излюбленным приемом сюннов было притворное бегство. Основной расчет в бою делался на дальнобойность луков.

Эффективная стрельба, поражавшая противника на расстоянии при неуязвимости лучников, часто приводила к победе. Но это обусловило их слабость в ближнем бою. Если противник проявлял стойкость и атаковал, не нарушая строя, сюнну бросались в повальное бегство. Так, недостаточная оснащенность и неподготовленность войска к ведению ближнего боя не позволила Маодуню,

окружившему в 200 г. до н.э. китайскую армию с императором Гаоди и державшему ее в осаде семь дней, победить, несмотря на солидный перевес в людской силе.

Основным оружием у сюнну был сложносоставной лук со стрелами. Стрелы быстро преодолевали большие расстояния, нанося врагу болезненные рваные рапы. На лопастях стрел делали небольшие отверстия или надевали на черенок стрелы костяной шарик-свистульку. При полете такие «поющие стрелы» издавали свистящий звук, наводя страх на неприятеля. Стрелы с трех- или четырехгранным наконечником предназначались для поражения врага, закованного в броню, а плоские — для стрельбы по легковооруженному противнику. Для охоты использовались иные стрелы — с наконечниками из кости и дерева, которые не поражали, а оглушали зверя, например, пушного, не портя драгоценного меха. На вооружении сюнну имелись мечи, копья, булавы, а также щиты, наручьи, поножи — для защиты тела воина от оружия врага в рукопашном бою.

Основное в стратегии и тактике сюнну — внезапность нападений, опустошение земель врага, глубокое проникновение в тыл противника и уход по возможности без потерь. Вероятно, сюнну стремились атаковать врага лавой, когда тот дрогнул, нарушил построение и начал отступать. Тогда сюнну получали шанс решительной атакой ускорить победу.

Главным стимулом в набегах был захват военной добычи: «Где видят корысть, там ни благополучия, ни справедливости не знают». Согласно обычаю, кто из сюнну «в сражении отрубил голову неприятелю, тот получит в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу», а «кто убитого привезет из сражения, тот получит все имущество его. Захваченные — и мужчины, и женщины — поступают в неволю, и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью» [4, с. 25].

Сюнну в результате походов подчинили себе кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, установили контроль над Великим шелковым путем через Восточный Туркестан, навязали китайской империи Хань договоры «о мире и родстве», по которым китайцы платили дань.

Однако незаметно держава гуннов приходила в упадок, в 55 гг. до н.э. распалась на части. Во главе южных сюнну встал шаньюй Хуханье, признавший «покровительство» Китая, а северные сюнну под началом его брата Чжи-Чжи, вступив в союз со среднеазиатскими племенами, откочевали на запад. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но сделал это с помощью других кочевых народов — усуней, дунху и динлов с Енисея. Северные сюнну вели длительную кровопролитную борьбу со своими южными сородичами, за которыми стоял Китай, и с сяньби — предками монголов. До середины II в.н.э. они сопротивлялись китайскому продвижению на запад, а в первой половине II в. началось их переселение в Восточный Казахстан и Семиречье. Здесь они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем вместе с угорскими племенами Западной Сибири откочевали в Приуралье, Прикаспийские и Заволжские степи. Глава их государ-

ства принял традиционный титул — шаньюй. Находясь на новом месте, шаньюй продолжал обмениваться посольствами и с северокитайским государством Вэй и даже вступил с ним в союз против жуань-жуаней [5, с. 258].

Уцелевшие от разгрома сюнну покинули родные кочевья и через степи Казахстана постепенно двигались па запад. В V в. их потомки, смешавшиеся с предками тюрков, монголов, тунгусов, иранцев, славян, известные как гунны, почти забывшие свое славное прошлое и мало напоминавшие предшественников внешне, но не утратившие их бойцовских качеств, предстали перед пришедшей в ужас Европой. Под предводительством Атилы они нанесли сокрушительный удар Римской империи. Это была последняя победа потомков неукротимых сюнну. После смерти Атилы они исчезают с исторической арены.

Нет ничего вечного в этом мире, пришло время, и некогда могущественные сюнну и авары утратили свое владычество в Центральной Азии, длившееся столетия. Хотя название сюнну и их потомков гуннов сохранилось как синоним воинственности, варварства, необузданной жестокости, тем не менее невозможно игнорировать их влияние

не только на историю Казахстана, но и на дальнейший ход мировой истории. Часто гуннам приписывают роль катализатора тех исторических потрясений, которые привели к падению оплота рабовладельческого строя — Западной Римской империи. А победы сюнну и гуннов, как и их предшественников, были следствием их превосходства в военном деле. Племенная сплоченность кочевников, «варварская» храбрость и первобытная жадность к добыче делали их непобедимыми в бою.

Завоевания сюнну положили конец сакско-скифскому периоду в древней истории Казахстана и ознаменовали наступление эпохи, которая стала связующим звеном между древностью и средневековьем. Влияние могущественной империи сюнну распространялось на гигантские пространства Великой степи, отразилось на военном искусстве, привело к образованию новых форм материальной культуры и общественных норм, бытовавших затем очень долгое время. И не случайно именно с сюнну связывает письменная традиция происхождение многих народов и племен средневекового Казахстана, в том числе таких известных, как тюркп.

Литература:

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1, Москва, 1950, с. 140.
2. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Т.1, Москва, 1989, с. 140.
3. Исторический опыт защиты Отечества. Алмата, 1999, с. 351.
4. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и ентральной Азии. Новосибирск, 1986, с. 120.
5. Бичурин Н.Я. Указ. Соч. Т.2, Москва, 1950, с. 280.

Настроения крестьянства Ишимского округа Уральской области в 20-е годы XX века (по материалам сводок ОГПУ)

Мастерских Елена Андреевна, студент

Ишимский государственный педагогический институт имени П.П.Ершова

Кокончанию Гражданской войны положение в стране начало ухудшаться. Крестьянство, отстояв в боях с белогвардейцами и интервентами землю, все настойчивее выражало нежелание смириться с удушавшей всякую хозяйственную инициативу экономической политикой большевиков. Последней каплей в чаше терпения крестьянства, самого многочисленного социального слоя страны, было проведение продразверстки. В разных концах страны вспыхнули антиправительственные выступления крестьян, которые, в результате заставили власть по-новому отнестись к выстраиванию экономической политики государства. Здесь нельзя не отметить крестьянское восстание 1921 г., прошедшее в Ишимском уезде, которое явилось крупнейшим звеном в цепи антикоммунистических выступлений.

В этой связи большую роль для руководства страны, в частности в период НЭПа, стали играть госинфсводки, а также информационные письма ОГПУ о положении в стране внутренних дел.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, образованное при в 1923 г. В своих функциях ОГПУ являлось приемником ВЧК, оно также проводило борьбу с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом [11, с. 136.]. В ноябре 1923 года образован Тюменский окружной отдел Полномочного представительства ОГПУ по Уралу. В 1920-х годах в бывшей Тюменской губернии, вошедшей в ноябре 1923 года в состав Уральской области, были созданы отделы Полномочного представительства ОГПУ в Тюмени, Ишиме, Тобольске [12].

Со второй половины 20-х годов в ОГПУ стали составляться обобщающие документы по отдельным аспектам деревенской жизни. В период НЭПа они оперативно сообщали важную информацию о настроениях крестьян по отношению к власти, об их отношении к проводимой политике и реформам. Это было необходимо, чтобы предотвратить возможность повторения антиправительственных выступлений. Данные сводки носили долгие десятилетия гриф «секретно». И лишь с недавних пор стали доступны исследователям, в частности краоведам г. Ишима и Ишимского района.

Сводки наиболее оперативно, полно и достоверно представляли высшему руководству страны реальные настроения различных слоев населения, экономическое положение и деятельность всевозможных учреждений и организаций «от Москвы до самых до окраин». Руководство, как на местах, так и в Москве было заинтересовано в том, чтобы иметь наиболее достоверную информацию, характеризующую отношение крестьян к выбранному властью курсу развития страны. Эти данные были необходимы для принятия решения о способах проведения принятой правительством программы экономических и социально-политических преобразований [10].

Таким образом, материалы ОГПУ в данном случае являются достоверным источником. Этот исторический источник полезен тем, что донёс до наших дней не изменённую официальной пропагандой жизненную позицию крестьян второй половины 1920-х годов. Он может являться достаточной основой для воссоздания и изучения социальной психологии населения обширного округа в период нэпа.

На основании хранящихся в ГУТО «Государственный архив в г. Ишиме» документов можно выделить ряд наиболее ярко проявлявшихся настроений крестьянства Ишимского округа в рассматриваемый период.

В первую очередь можно выделить формы недовольства крестьян по отношению к проводимой властями экономической политикой в деревне.

Документы сохранили множество фактов, иллюстрирующих проявления данного несогласия со стороны крестьян, в частности касающихся сельхозналога, который ложился тяжелым бременем на хозяйства. В информационном письме за июнь 1926 года сообщалось: «Необходимо остановиться на местах крестьянского населения, по отношению в веденного подоходного с/х налога. Зажиточный слой крестьянства и почти равный к нему середняк, а так же некоторый несознательный бедняк недовольны новым подоходным сельскохозяйственным налогом: например, богатый и близкий к нему середняк заявляют, «Что довольно нас обманывать», говорили, что из года в год сельхозналог должен быть меньше, а выходит на оборот, что на будущий год будем столько же сеять сколько сеет бедняк» [1].

Кроме того, в информационном письме за июль 1926 год по Абатскому району указывается: «Имеются недовольства в отношении сельхозналога, что налог в 26/27

году тяжел и отдельные крестьян заявляют на собраниях, что придется сокращать посевную площадь и скот и по подсчетам отдельных хозяйств на зажиточный класс налог выражается в настоящем году приблизительно увеличен до 300 %, на средняцкие хозяйства до 100 % и бедняцкие хозяйства некоторые в старой мере налога и есть повышение до 80 %...» [2].

В итоге, как отмечалось в информационном письме за 1926 Председателю Ишимского Окрисполкома, что зажиточный и близкий к нему середняк на будущий год собираются сократить свое хозяйство, и «поддерживая не сознательный бедняк говорит: что они своим хозяйством приносят государству большую пользу», при этом в самом письме отмечается «и если политику будете вести в дальнейшем, то на будущий год они могут действительно сократить своё хозяйство в итоге государство не получит дохода и кто же тогда будет платить с/х налог» [3].

Отчетливо в настроениях крестьян выступает недовольство низкими закупочными ценами на хлеб. В Инф сводке о политическом и экономическом состоянии Ишимского Округа с 10 по 25-е сентября 1925 г. отмечалось: «Ропот и жалобы бедняков по поводу продажных цен на хлеб не утихают. Это явление явившееся в процессе заготовок имеет громадный политический минус для Соввласти. Продававшие свой хлеб бедняки по 60—70 коп. сейчас таковой покупают по 1р. 50 коп....». Кулачество же умудряется либо продавать свой хлеб втридорога, либо придерживать его до повышения закупочных цен. [4].

В плане политических настроений Ишимского округа выделяется борьба кулачества и бедняков. А также пути воздействия, которыми кулаки пытаются уронить авторитет советской власти в глазах других крестьян. Цитата из сводок ОГПУ 1924—1926 гг. в подтверждение: «Настроение населения крестьянства в большинстве своем по отношению к Соввласти и РКП (б) удовлетворительное, кулаки же по прежнему враждебно относятся как к Соввласти, так и к РКП (б) и всеми силами стараются распространить неправдоподобные и ложные слухи, а также при всяком удобном случае стараются уронить авторитет Соввласти в глазах крестьянства...» [5]. В качестве политической активности кулачества и его воздействия на деревню отмечается, что «Кулаки, чувствуя себя экономически сильными стараются всяческими способами заполучить себе и политические права... нередко путем экономического воздействия на бедноту стараются привлечь на свою сторону, например констатируется ряд случаев в Петуховском, Частоозерском и Голышмановском и др. районах, что кулачество «филантропствуя» раздает беднякам лишних лошадей, рогатого скота и даже под долгосрочный кредит с безусловным процентом наложением в виде трудовой услуги в страдное время начинает агитировать среди этой бедноты, что вот дескать коммунисты говорят что они помогают мужикам а что дали кроме того что берут налоги ничего и опять вы беднота идете за помощью к нам...Кулачество старается забрать в свои руки органы правления первичных коопе-

ративов на местах, особенно сельско-хозяйственных товариществ и через последние проводит антисоветское влияние...» [6].

В сводках часто можно встретить высказывания отдельных крестьян или групп населения в сторону соввласти, и проводимой ею политике. Поэтому Отдельной группой возможно выделить отношение крестьян к ВКП (б) и советской власти. Примеры из сводок 1926–1928 гг. иллюстрируют данное утверждение: «Деревня Святополка Голышмановского района кулак Франкович Осип распространяет слухи, что Соввласть вместе с коммунистами шкуродеры и с крестьян сдирают последнюю шкуру, т.е. в прошлом году взяли продналогу 30 руб.» [7].

«Частоозерский район: Ямов Е.Е. бедняк с. Сивково на общем собрании, на котором стоял вопрос о выделении излишков земли по совхоз: «Приезжающие в деревню представители Соввласти обманывают крестьян, говоря, что сельское хозяйство растёт, промышленность тоже, поднимается производительность труда. А что имеем на самом деле, заводы закрываются, рабочие выбрасываются за борт, обречённые на голодную смерть, товаров с каждым годом все меньше. Обещали крестьянам землю, а теперь ее отбирают под совхозы, оставляя мужику камыши и болото». [8]. В целом чувствуется разочарование и недовольство Советской властью. И не смотря на то, что часть бедных крестьян выражала удовлетворительное отношение к соввласти, часть бедняков, а также середняки, поддерживали агитацию кулачества, что свидетельствовало о возрастании антикоммунистических настроений.

Кроме того, среди ишимского крестьянства, как отмечают осведомители ОГПУ, были широко распространены слухи о скорой расправе над коммунистами, возвращении царя Николая II, а также о войне СССР с каким-либо го-

сударством. Это подтверждают следующие характерные высказывания:

«Попов Евгений Семенович — зажиточный и подстрекает население на то, что пора крестьянам проснуться и собраться вынести постановление для подавления всех коммунистов, т.к. в скором времени Соввласти не будет и на месте ее заступит Правителем вся Русь — Николай II-й, который жив и находится во Франции. Попов кроме вышеуказанного проповедует, что в Китае идет война и только как сильно она разрадется то среди крестьян СССР начнутся бунты — будут резать всех коммунистов. Он же Попов обещает при первом восстании лично бить коммунистов. (дер.Соловьевки Усть-Ламенского района.)

Гр-н с. Каменского Петуховского района Михайлов Мартемьян Степанович — середняк, в разговоре с гр-ном Жолудевым Иваном — середняком сказал, что «Положение Советской России весьма плохое, что ей не избежать войны, т.к. на Польской границе, говорит Михайлов, уже идут бои. должна быть мобилизация. в первую очередь возьмут коммунистов. Пусть сами коммунисты и воюют, а не крестьяне. Аналогичные слухи распространяются и в самом центре Петуховского района, т.е. с. Юдино, где инспектор РИК'а Галкин говорил, что «Скоро будет война с Польшой»». (1925г) [9].

Таким образом, можно сделать заключение, что настроения крестьянства в рассматриваемый период свидетельствовали об опасности возникновения чрезвычайных ситуаций, ввиду тяжелого материального положения деревни, осуществлением нэпа в сельском хозяйстве, а также столкновением различных социальных слоев и групп крестьянства. Поэтому отслеживание ОГПУ происходивших процессов в обществе имело большое значение для советской власти, позволяя подобрать пути и методы осуществления её внутренней политики.

Литература:

1. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 24, л. 114
2. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 24, л. 115
3. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 24, л. 129
4. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 97, л. 274
5. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 97, л. 31
6. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 97, лл. 190–191
7. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 98, л. 6
8. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 100, л. 484
9. ГУТО ГА в г. Ишиме, Ф. 3, Оп. 5, д. 97, л. 403–404
10. Берелович А., Данилов В..Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ladim.org/st004.php>
11. Коржихина, Т.П. История государственных учреждений СССР: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высш. шк., 1986. — 399 с.
12. Региональное управление ФСБ России по Тюменской области. История. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.tyumen.fsb.ru/history.htm>

Возникновение и развитие городского транспорта в г. Уфе и г. Стерлитамаке в 30-х гг. XX века

Матвеева Венера Раилевна

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Актуальность вопроса о развитии городского транспорта в современных условиях обусловлена тем, что с каждым днем ценность времени в умах людей все больше возрастает, каждая минута на счету и ценится на вес золота. В силу этого особый интерес приобретает вопрос о том, когда же и каким образом появился городской транспорт, какие его виды преобладали в тот или иной период времени, как он развивался и на каком этапе находится в современности.

Хотелось бы отметить тот факт, что в начале XX века жители города Уфы передвигались либо пешком, либо на лошадях. Состоятельные горожане имели личные экипажи; кроме этого, в городе было около 400 извозчиков. Первые автомобили в Уфе появились в самом начале XX века: по полицейским сводкам 1914 г., в личном владении горожан имелись 15 легковых автомобилей и 8 мотоциклов. Грузовых автомобилей в это время еще не было, лошади (их называли просто «ломовые») оставались единственным средством перевозки грузов по городу [1, с. 20].

Стоит отметить, что в этот же период времени в городе Стерлитамаке был единственный маленький автобус ЗиС-155, совершавший в сутки два рейса от вокзала до гостиницы [8, с. 325]. Однако, уже вскоре в городе появляются 2 автомобиля, которые обслуживали учреждения и частных лиц. Что касается улиц города, то замощенных улиц в городе не было [9, с. 77].

Очень интересным фактом является то, что в первые годы XX века Россия не имела собственного автомобилестроения. Зарубежные производители легко удовлетворяли потребности пока еще небольшого русского рынка. В страну было ввезено в 1901 г. — 40, 1902 г. — 37, 1903 г. — 71, 1904 г. — 115 автомобилей. Заметную роль в содействии развитию автомобильного транспорта сыграло Российское автомобильное общество (РАО), организованное автолюбителями в 1903 г. Его устав был утвержден министром внутренних дел. В ту пору было модно устраивать различные соревнования, пробеги и путешествия на автомобилях. РАО принимало активное участие в организации и проведении этих мероприятий [2].

С середины 1920-х годов в городе Уфе открылось автобусное сообщение по маршруту Верхнеторговая площадь — железнодорожный вокзал «Уфа» — Сафоновская пристань. Сначала по линии ходил всего один автобус, который часто ломался, и пассажирам нередко приходилось его толкать, чтобы завести двигатель. Первые междугородние пассажирские машины переделывали из грузовиков, предназначенных для чего угодно, только не для перевозки людей — рессор, как на телеге, не было и

в помине, пассажиры чувствовали каждую кочку, каждую выбоину на дороге [1, с. 23].

В 1921 г. было создано Башкирское центральное управление местного транспорта при Совете Народных Комиссаров республики. В первый год существования этого управления в его распоряжении насчитывалось 26 автомобилей, которыми было перевезено 88,7 тыс. пудов груза и 718 пассажиров [2].

С 1922 г. на уфимских улицах начались ремонтные работы. Мостили проезжую часть и мостовые по улицам Пушкина, Зенцова, Бекетовой (ныне ул. Мустая Карима), Большой Ильинской (ул. Фрунзе), Уфимской (ул. Чернышевского), Александровской (ул. Карла Маркса), Достоевского и Аксакова. Булыжником вымостили заново одну из центральных улиц — Большую Казанскую (ныне ул. Октябрьской революции). К концу 1920-х гг. общая протяженность улиц Уфы составила 150 километров, из них было вымощено 30 км. В это время восстанавливались старые скверы и сады.

К концу 1930-х гг. были заасфальтированы улицы Ленина, Карла Маркса, Сазонова, Советская площадь, площадь у Дворца труда (бывшего Аксаковского народного дома). Появились асфальтовые тротуары на улицах Пушкина, Октябрьской революции, благоустраивались мостовые в Старой Уфе, Нижегородке, Восточной слободе. Всего было замощено около трети уфимских улиц [1, с. 25].

В 30-е годы XX века произошли коренные изменения в организации городского транспорта Уфы. До этого пассажирский транспорт Уфы был представлен гужевым (извозчики), автобусным и наконец рельсовым (трамвай). Вплоть до начала 1930-х годов гужевой транспорт оставался самым распространенным. Более 100 пролеток выезжало ежедневно на улицы. Плата с пассажиров за проезд взималась по тарифу, утвержденному горкомхозом. Постепенно извозчики все больше вытеснялись расширявшимся автобусным движением. Еще в 1928 г. было лишь два автобусных маршрута, по которым ходили 5 машин. К 1934 г. маршрутов стало уже пять. Они соединили центр города с железнодорожным вокзалом, Сафоновской пристанью, Затонам, моторным заводом и макаронной фабрикой. В том же году автобусный парк вырос на 10 новых 24-местных машин марки АМО. К 1940 г. жителей города обслуживали 30 автобусов.

По другому обстояло дело в г. Стерлитамаке. В 1929—1930 гг. в стране было произведено новое административное деление, в результате чего Стерлитамакский кантон был реорганизован в Стерлитамакский район, центром которого стал город Стерлитамак с общей численностью населения в 23 тысячи человек. Долгие годы после

того, как столица Башкирии была перенесена в Уфу, и до начала освоения ишимбайской нефти, Стерлитамак оставался городом мелкой кустарной промышленности, в котором практически не велось жилищного строительства. Капиталовложения из центра были минимальными. О каком-либо развитии городского транспорта речи также не велось [9, с. 86].

С середины 30-х годов большое количество рабочей силы было занято на строительстве железной дороги Уфа-Ишимбай. Так, в 1933 году трудовое участие стерлитамаковцев в дорожных работах исчислялось суммой в 409871 руб. [9, с. 90].

Рост населения в годы второй пятилетки поставил перед Стерлитамаком много проблем, санитарное состояние города. Обо всем этом с тревогой говорилось в специальном постановлении Президиума ЦИК БАССР от 29 мая 1936 г. «О состоянии советского хозяйства и культурного строительства Стерлитамака» [10, л. 39].

25 проц. Жилого фонда, костяк которого составляли одноэтажные деревянные дома, как правило, перенаселенные, без малейших удобств, требовали капитального ремонта. Большинство улиц города были немощеными. В 1935 году городской Совет смог замостить всего 500 метров центральных улиц. Однако окраины города продолжали находиться в антисанитарном состоянии [9, с. 91].

Однако общая картина развития транспорта была более позитивной. Установилось регулярное автобусное сообщение Уфы с районами республики. Летом 1937 г. открылся автовокзал на перекрестке улиц К.Маркса и Свердлова. Здесь были оборудованы зал для ожидания, комната матери и ребенка, читальный зал. Сотни пассажиров уезжали отсюда в Белорецк, Оренбург, Мелеуз, Янаул, Караидель, Ямагуш, Дюртюли, Кушнаренково.

Однако быстро растущий, растягивающийся на значительную длину город испытывал серьезные транспортные трудности. В их преодолении большую роль сыграл трамвай, строительство которого велось с 1935 года. А с 1 февраля 1937 г. уфимский трамвай вступил в эксплуатацию. Движение открылось на шестикилометровом участке от горсовета до улицы Пермской и от горсовета до современной улицы Бабушкина с веткой к Советской больнице. Там был построен парк на 20 трамвайных вагонов. В последующие годы проложили двойной путь к вокзалу и по улице Революционной до теперешней остановки трамвая «Сельхозинститут». Затем эта линия продолжилась еще на 8,7 километра до ЦЭС [4, с. 340]. К 1941 г. длина одиночного трамвайного пути достигла 20 километров. По трем маршрутам курсировали 24 трамвайных вагона [3, л. 202].

Летом 1938 г. на улицах города Уфы появились первые таксомоторы. Город получил 5 четырехместных легковых машин марки М-1. Стоянки такси организовали у железнодорожного вокзала и на Верхне-Торговой площади [4, с. 341].

Что касается развития речного транспорта в республике, то общая картина его состояния перед Октябрем

ской революцией выглядела следующим образом. В 1913 г. было всего 1367 км судоходных путей, только 860 км, т.е. больше половины, имели обстановку. К этому времени в паромоводстве насчитывалось 38 паровых судов с общей мощностью 10690 лошадиных сил. Путевое хозяйство имело в своем распоряжении лишь несколько мало-мощных дноочистительных снарядов. Все погрузо-разгрузочные работы производились вручную. На речном транспорте наблюдалась большая текучесть и сезонность рабочей силы, недостаток квалифицированных кадров. В 1916 году Товарищество «Ф. и Г. Братья Каменские и Н. Мешков» и паромоводство «Д. Д. Якимов» совместно установили две ежедневные товарно-пассажирские линии: одну между Нижним Новгородом и Уфой, другую между Казанью и Уфой. Это были последние навигации частных компаний [6, с. 11].

27 апреля 1918 года на заседании Уфимского городского совета рабочих депутатов слушался вопрос о готовности национализированного флота бельского паромоводства к навигации. Речники информировали, что к выходу подготовлено 86 судов: 17 пассажирских и 12 буксирных, 40 деревянных и 17 металлических барж [7, с. 82].

Таким образом, с этого времени началась новая эпоха в развитии речного транспорта Республики Башкортостан.

С вводом в 30-х годах в строй канала Москва — Волга открылась регулярная связь со столицей нашей Родины и водным путем. 10 июля 1938 г. из Москвы в Уфу пришел первый пассажирский пароход «Софья Перовская». Этот рейс длился 9 дней. Всего на московском направлении курсировало 11 судов Московско-Окского паромоводства и 8 — Бельского [5, с. 2]. По водным путям за 1926 г. в Уфу поступило 96,8 тыс. и отправлено 5,9 тыс. тонн [12, л. 50], а за 1939 г. — соответственно 261,3 и 90,9 тыс. тонн груза [13, л. 99].

В завершении статьи, хотелось бы отметить тот интересный факт, что виды городского транспорта как-будто специально были разделены между городами Республики. Например, в городе Уфе по-нашим представлениям использовали если не все, то большинство видов городского транспорта — автобусы, трамваи, автомобили, пароходы. В то же время в Стерлитамаке были представлены лишь автобусы и частные автомобили. Однако ситуация измениться 11 февраля 1961 года, когда впервые не только в Стерлитамаке, но и в Башкирии на улицы города выйдет в рейс первый троллейбус, пассажирами которого были работники троллейбусного хозяйства [11, с. 3]. Продолжая мысль о преобладании определенного вида транспорта следует отметить, что в г. Салават основным видом городского транспорта был трамвай, а в Ишимбае — автобус.

Подводя итоги данной статьи следует отметить, что с момента возникновения и до начала 1940-х годов городской транспорт г. Уфы и г. Стерлитамака прошел довольно большой путь развития. К концу 30-х годов он практически сформировал основную картину транспортной

системы этих городов. Однако, следует отметить, что на тот период времени в Уфе и Стерлитамака пока не было троллейбусного сообщения, которое появится позже (в

1962 в Уфе). Но несмотря на данное обстоятельство основные линии и штрихи транспортной системы Стерлитамака и Уфы были уже сформированы.

Литература:

1. Синенко С.Г. Уфа. Старая и новая. Популярная иллюстрированная энциклопедия. — Уфа: ГУП «Государственное республиканское издательство «Башкортостан»», 2007. — 272 с.
2. <http://02.gibdd.ru/istoriya.htm> Управление ГИБДД МВД по РБ и г. Уфа, 2009 год.
3. ЦГА БАССР ф.394, оп.3, д.239, л.202.
4. История Уфы. Краткий очерк. 2-е изд., исправл. и доп. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. — 608 с. ил.
5. «Красная Башкирия», 1938, 15 июня.
6. Смольников А.Д. Изначальный период // Бельский речник. — 2003. — №5. — с. 10.
7. Спицкий В.В. Из истории развития речного транспорта республики Башкортостан // Вестнике Башкирского университета. — 2007. — Т.12. — №2. — С. 81–82.
8. Морозова Т.П. Пристань поколений. История Стерлитамака. — Уфа: Китап, 2011. — 408 с.: ил.
9. История города Стерлитамака / отв. ред.: А.С. Аюпов, М.И. Минеев. — Уфа: Изд-во БГУ, 1994. — 277 с.
10. ЦГА ОО РБ, ф. 788, оп. 1, д. 170, л. 39.
11. «Стерлитамакский рабочий», 1961, 11 февраля.
12. ЦГА БАССР ф.472, оп.6, д.822, л.50.
13. ЦГА БАССР ф. 472, оп. 6, д. 824, л.99.

Сущность и принципы социальных технологий

Насимова Гульнар Орленбаевна, доктор политических наук, профессор
Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, декан
Университет «Болашак» sguzelru@mail.ru (г. Кызылорда, Казахстан)

В современных условиях все более востребованными становятся наиболее эффективные приемы, способы предотвращения и урегулирования политических конфликтов, выработка конструктивных технологий, направленных на обеспечение стабильности общества. Непрерывно возрастающее значение приобретают изыскание и применение новых и разнообразных конструктивных технологий, которые предоставят возможность противостоять деструктивным воздействиям. В истории существует немало примеров, когда именно отсутствие конструктивных технологий предотвращения конфликтов препятствовало эволюционному развитию общества.

Термин «технология» широко применяется не только в научной, но и в повседневной жизни. Однако, в современной зарубежной и казахстанской науке нет единого подхода к определению данного понятия.

В научной литературе понятие «технология» впервые появилось в Европе в конце XVIII века с развитием машин, трубопроводов, фабрик и промышленной индустрии. В науке, как считают ученые, данный термин начал применяться в начале XIX века, в связи с выходом первой части учебника по химической технологии И.А. Двигубского «Начальные основания технологии, или краткое

показание работ, на заводах и фабриках производимых» (1808 г.), выпуска первого номера сборника «Технологический журнал» (1840 г.), выпуском учебника «Курс химической технологии» (1851 г.).

Таким образом, в химии «технология» утверждается как специальный научный термин. В других сферах деятельности и научной литературе, по-прежнему, вместо понятия «технология» нередко использовали такие термины, как «искусство», «ремесло», «дело».

Вместе с тем, особую сложность в признании технологии как самостоятельного понятия представляло проникновение в науку на первый взгляд похожего термина «техника», который нередко даже заменял понятие «технология». Достаточно привести пример того, что в классификациях научных дисциплин технологию относили к техническим наукам.

Однако, отдельные исследователи утверждали о более широком научном использовании технологии, чем у технических дисциплин. Согласно точке зрения одних ученых, техника является областью цивилизации и культуры, отражающую степень овладения человеком природой, областью в которую входят материальные средства для достижения целей экономической деятельности. Ряд других

авторов подразделяли технические науки на две большие группы: науки о материальном составляющем техники и предметов труда, и науки о структуре и функциях технических систем. Технологию они причисляли ко второй группе наук, выделяя при этом несколько направлений: технологию металлообработки, технологию машиностроения, технологию строительного производства, химическую технологию и т.д.

Анализ эволюции терминов «техника» и «технология» позволили А.Д. Бондаренко систематизировать многообразное смысловое их значение и представить в следующей хронологической последовательности:

Первый (начало XIX в. — третья четверть XIX в.): проникновение термина «технология» в специальную литературу и его закрепление в химии и химическом производстве.

Второй (третья четверть XIX в. — конец XIX в.): распространение термина «техника» и его толкование как совокупности навыков, умений, приемов и знаний по овладению силами природы.

Третий (конец XIX в. — первая четверть XX в.): господство термина «техника» и толкование его как мастерства в отдельных сферах человеческой деятельности.

Четвертый (вторая четверть XX в.): возрождение термина «технология», его распространение и утверждение во всех отраслях промышленности. Технология дифференцируется на научную (описательную) и практическую. Термином «техника» начали обозначать в основном материальные носители труда.

Пятый (третья четверть XX в.): строгое разграничение терминов «техника» и «технология» при дальнейшей дифференциации последней. Сделана попытка сформулировать предмет теоретической технологии: «... наука, изучающая процессы целенаправленного преобразования форм существования материи...». Данный период исследователи называют этапом утверждения научной технологии.

Шестой (последняя четверть XX в.): дальнейшая дифференциация технологии, обособление, становление и развитие ее теоретической части. Термин техника окончательно отделен и стал вполне самостоятельным [1].

В толковом словаре «Социальные технологии» данный термин трактуется как совокупность средств, при помощи которых человек оказывает влияние на предметы труда в процессе материального производства.

Однако, содержание понятия «технология» многообразно, поскольку выделение в ее рамках научной, теоретической и практической сфер создает серьезные трудности при решении проблем общественного развития.

Как известно, понятие «технология» рассматривалось, прежде всего, в связи с промышленным производством, техническим прогрессом, техническими конструкциями и с системами производственного процесса. Обусловлено данное представление влиянием того факта, что исторически технология возникла и начала развиваться главным образом в сфере материального производства.

В этой связи уместно обратить внимание на исследование К. Маркса, который, рассматривая закономерности развития технологических процессов, выявил сущность технологии, определил направления дальнейшей технологизации производства и социальных процессов. Под технологией он понимал не науку о технике или о средствах и орудиях труда, а сам объективный процесс образования органов. Технология рассматривалась им как процесс, сознательно и планомерно расчлененный на операции. Таким образом, К. Маркс впервые обратил внимание на то, что технология не что-то присущее только производственному процессу, но и проявление взаимосвязи с социальными системами. Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений.

Таким образом, идея универсальной применимости понятия «технология», в том числе и к вопросам социального развития получила широкое признание. Появились первые попытки исследовать сущность социальной технологии, раскрыть ее специфику в системе общественных наук. Социальная технология предполагает преобразование и оптимизацию общества. Иными словами, социальная технология — это целостная система обновления общества посредством различных способов и методов, направленная на эффективность решения ее проблем.

М. Марков выделил следующие признаки технологии, рассмотрение, которых, на наш взгляд, даст нам представление о ней.

Первым признаком технологии является разграничение, разделение, расчленение данного процесса на внутренне между собой связанные этапы, фазы, операции. По его мнению, смысл данной процедуры заключается в точном определении границы имманентных требований к субъекту, действующему по данной технологии. Чем точнее описание будет соответствовать объективной логике, тем вероятнее возможность достичь высокого эффекта деятельности людей, занятых в этой сфере.

Вторым признаком технологии является координированность и поэтапность действий, направленных на достижение искомого результата. Последовательность действий, порядок их исполнения должны базироваться на внутренней логике функционирования и развития данного процесса. Вместе с тем, реализация данного признака вовсе не означает, что субъект должен быть «привязан» к установленной этапизации. У него всегда есть возможность вмешаться в ход процесса, изменить его порядок, установить другой темп процедур и операций в зависимости от изменяющихся требований к скорости их выполнения, эффективности и целесообразности.

Третий признак технологии предусматривает однозначность выполнения, включенных в нее процедур и операций. Это неременное условие достижения результатов, адекватных поставленной цели. Чем значительнее отклонения в действиях субъектов от параметров, пред-

писанных технологий, тем реальнее и серьезнее существует опасность деформировать весь процесс и получить результат, не соответствующий ожидаемому. При этом деформация одной процедуры или операции отражается на всей технологической цепочке и заранее предопределяет неудовлетворительные последствия. Безусловно, последнее требование особенно касается технологий в сфере производства, поскольку для социальных технологий возможен гораздо больший диапазон отклонений [2].

Соглашаясь с М. Марковым, следует учесть то, что в процессе динамики политического конфликта может сложиться такая ситуация, когда будут ликвидированы породившие их причины, устранены противоположности интересов и целей противоборствующих сторон. Или при трансформации первоначальной цели субъектов конфликта также возможно изменение способов и методов достижения результатов. В этой связи данная ситуация будет требовать не только отклонения предусмотренных процедур и операций, но и установления новых.

Поэтому в современных условиях все большее значение приобретает вариантное решение проблемы, сфера проявления которого весьма широка и многообразна. Так, например, многофакторность сегодняшних политических конфликтов чрезвычайно усложняют процесс технологизации их предотвращения. Поэтому вопрос вариантов занимает исключительно важное место, поскольку при выборе лучшего технологического способа необходимо изучить различные способы.

Исследование закономерностей в объективном развитии позволяет выявить различные возможности реализации социальных технологий. Принципиально возможно при решении социально-экономической и политической проблемы необходимо очертить круг возможных технологий, из которых будет выбран оптимальный вариант.

В этом процессе можно выделить несколько *процедур*:

- определение цели, которая будет реализована в результате применения данной технологии;
- построение системы критериев для выбора возможных вариантов;
- обозначение круга возможных вариантов;
- выбор оптимального варианта;
- внедрение избранного варианта.

При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что проблема выбора оптимального варианта ставится в зависимости от конкретных обстоятельств и сложившейся ситуации. Например, задача обеспечения политической стабильности решается в разных странах по-разному.

Одним из условий проектирования эффективных социальных технологий является рассмотрение вопросов, связанных с ее структурой, которая своеобразна и уникальна. При этом, в первую очередь, она зависит от вида социальных технологий. Так, в процессе предотвращения политических конфликтов широко применяются различные способы и методы, и выделение в нем своеобразных этапов становится необходимым условием. Вместе с тем

имеются и общие для всех видов социальных технологий черты, позволяющие построить универсальную модель их структуры.

Таким образом, технологический процесс подразделяется на этапы, а они — на процедуры и операции. Поэтому уточнение понятий «этап», «процедура», «операция», выявление критериев их разделения в методологическом плане является сложным, но важным моментом.

Под *этапом* понимается некоторый отрезок процесса, который ведет к качественному изменению объекта и в котором реализуется цикл «процесс входа — центральный процесс — процесс выхода» [3].

Любая технология проходит через следующие этапы:

- а) постановка задачи, включая определение целей, средств, условий исследования;
- б) сбор информации;
- в) формулировка предварительных гипотез;
- г) теоретическая разработка;
- д) эксперимент и сопоставление его результатов с теорией;
- е) окончательная формулировка и оценка полученных результатов.

Этап выражает суть данной технологии и состоит из *операций*, т.е. из действий, реализующих его закономерности и требования.

Операцию можно характеризовать как непосредственно практическое действие, направленное на решение определенной задачи в рамках данной *процедуры* управления.

При этом операция — это однородная, логически неделимая часть процесса управления, направленная на достижение определенной цели, она выполняется одним или несколькими исполнителями.

В общем виде разделение этапов на операции обычно ученые представляют следующей схемой (рисунок 1).

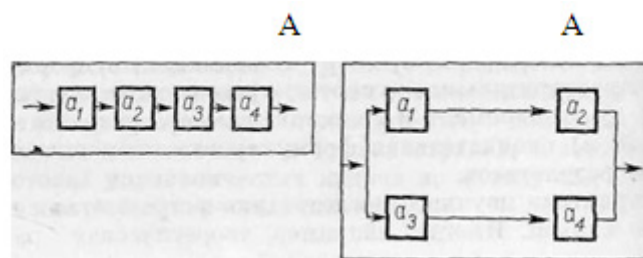

Рис. 1. Разделение этапа на операции

В этой связи социальная технология понимается как предварительно определенный ряд операций, направленных на достижение поставленной цели или решения конкретной проблемы. При этом реальная проблема заключается не в том, возможно ли в принципе технологизировать социальные процессы, а в том, как это сделать.

Ж. Тощенко обращает внимание на следующие признаки социальной технологии: совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального социального резуль-

тата; определенный способ достижения общественных целей; пооперационное осуществление деятельности (операции разрабатывают предварительно, сознательно, планомерно с использованием научных знаний).

В процессе разработки учитывается специфика области, в которой осуществляется деятельность. При этом, социальная технология выступает в двух формах: как проект, содержащий процедуры и операции; как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом [4].

Н.С. Данакин считает, что «технологический» эффект достигается за счет:

1) расчленения деятельности на определенное число операций, необходимых и достаточных для ее эффективного осуществления, исключения тем самым «пустых» и бесполезных действий;

2) четкого распределения операций между исполнителями и исключения «необеспеченных» операций, функций;

3) координации действия исполнителей и исключения или «минимизации» возможных сбоев;

4) алгоритмизации деятельности и экономии ресурсов за счет сокращения времени на поиски, выбор вариантов и т.п. [5].

Литература:

1. Бондаренко А.Д. Современная технология: теория и практика. — Киев: Вища школа, 1985. — 171 с.
2. Марков М. Технологии и эффективность социального управления. — М.: Прогресс, 1982. — С. 39.
3. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. — М.: Прогресс, 1976. — С. 186.
4. Тощенко Ж.Т. Социология. — М.: Мысль, — 2001. — С. 458—459.
5. Данакин Н.С. Конфликты и технология их предупреждения. — Белгород, 1995. — С. 34.

Вклад промышленности Стерлитамака в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере завода «Авангард»)

Николаев Олег Сергеевич, аспирант

Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Бишшевой

Великая Отечественная война и Южный Урал. Эти два понятия связаны между собой столь же неразрывно, как понятия Великая Отечественная война и Московская битва. Великая Отечественная война и Сталинградская эпопея. Великая Отечественная война и Курская битва. В годы войны Южный Урал сыграл роль основного арсенала советских вооруженных сил. Предпосылки для этого были заложены еще в период довоенного мирного индустриального строительства.

Важнейшую составную часть Южного Урала составляет Башкирская АССР, обладающая как огромными и разнообразными запасами природных ресурсов, так и мощным промышленным потенциалом. Именно эти качества выдвинули БАССР в первый ряд среди индустриальных регионов страны, стали базой для создания

Таим образом, социальные технологии включают в себя совокупность конкретных практических процедур, методов и средств воздействия на процессы, происходящие в обществе. Реализация любого технологического процесса, нацелена на достижение определенной цели. Для этого деятельность должна подразделяться на этапы и операции, последовательно приводящие к осуществлению социально значимой цели. Например, в политике при выработке программ, заранее устанавливают последовательность этапов и процедур. При этом необходимо учитывать, что любая технология отражает активное и целенаправленное стремление человека воздействовать на ее объект. Объектом же социальных технологий являются человек, социальные группы и социальные отношения.

В то же время следует согласиться с тем, что социальная технология является элементом человеческой культуры и возникает двумя путями: «вырастает» в культуре эволюционно, либо строится по ее законам как искусственное образование. Что касается разработки технологии, необходимо отметить, что она должна основываться не только на обобщении теоретического и практического опыта, но и на применении новейших достижений науки.

мощной промышленности, способной обеспечивать не только мирные, но и военные потребности государства [5. с. 283].

Экономическая и военная победа над врагом была невозможна без прочного тыла. В.И. Ленин в свое время правильно подметил: «Для ведения войны по настоящему необходим организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции будут немедленно истреблены, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены». «Ни одно государство, какой бы сильной экономикой оно не обладало, — справедливо замечает Нарком вооружения Б.Л. Ванников, — не выдержит, если оборонная промыш-

ленность еще в мирный период перейдет на режим военного времени. Полностью потребности современной войны могут быть удовлетворены лишь непрерывным развертыванием во время военных действий производственного аппарата всей промышленности, всех отраслей народного хозяйства». [9. С. 76]

Война потребовала от партийных органов Стерлитамака перестройки всей организационно-массовой и пропагандистко-воспитательной работы, направленной на мобилизацию сил и средств в деле быстрого разгрома врага, на воспитание трудящихся в духе глубокого патриотизма и беспредельной преданности Родине.

Уже в ночь с 22 на 23 июня 1941 года на заседании бюро ГК ВКП (б) приняло решение, в котором говорилось: «Обратить внимание секретарей парторганизаций и руководства промышленности на недопустимость в связи с проводимыми мероприятиями по мобилизации ослабления руководства промышленностью, особенно в период войны. Потребовать от секретарей парторганизаций и руководства предприятий повседневно укреплять трудовую дисциплину, используя производственный подъем трудящихся и на основании самоотверженного отношения к труду обеспечить выполнение и перевыполнение планов промышленными предприятиями, обеспечивая тем самым еще большее укрепление мощи нашей Красной Армии». [10. С. 178].

Перебазирование производительных сил на восток — одна из ярчайших страниц Великой Отечественной войны. Эвакуация промышленных предприятий и населения из прифронтовой полосы в глубокие тыловые районы с целью сохранить основные фонды народного хозяйства для создания военной экономики являлась составной, хотя и вынужденной, частью перестройки социалистической экономики на военный лад.

Гитлеровское руководство рассчитывало, что с захватом важных промышленных и сырьевых центров СССР советская промышленность потерпит крах, а потери сельскохозяйственных баз вызовут голод в стране. Коммунистическая партия и Советское правительство сорвали замыслы врага, развернув в огромных масштабах беспрецедентное в истории перебазирование производительных сил страны в безопасные районы тыла.

Партия и правительство в первые же дни войны экстренно принимали все необходимые меры для того, чтобы эвакуировать население, промышленные предприятия, продукцию сельского хозяйства, а также транспорт из зоны военных действий. Перед советскими людьми была поставлена задача не только не дать врагу овладеть оборудованием фабрик, заводов, электростанций, но и вывезти все это в глубокий тыл и там восстановить [11. С. 113].

Стерлитамакский завод «Авангард» относится к поколению предприятий, построенных и введенных в действие в годы Великой Отечественной войны. Решение о строительстве нового завода на Урале было принято в предвоенные годы ЦК ВКП (б) и Советом Народных комиссаров согласно директивам XVIII съезда ВКП (б) (10–21 марта

1939 г.) о дальнейшем развитии промышленности и укреплении индустриальной мощи страны. Совнарком БАССР своим постановлением от 10 декабря 1940 года отвел площадку под строительство номерного завода №850 на северной окраине Стерлитамака [3. с. 126].

Стерлитамак к тому времени был незаметным провинциальным городом с кожевенным заводом, мелькомбинатом, ликероводочным заводом и мелкими организациями местной промышленности.

Начавшаяся война внесла свои коррективы в сроки строительства. Смертельная угроза, нависшая над Отечеством, требовала таких темпов и сроков, какие в другой обстановке могли бы казаться невозможными. Строительство будущего завода началось с подсобных помещений (склады, дороги) и временного жилья (землянки, бараки). У завода не было ни кадров, ни строительной базы. Так продолжалось до конца июля 1941 года. Затем строительство было передано подрядной организации, позднее постановлением ГКО была переименована в особую строительно-монтажную часть №50 (ОСМЧ-50) и руководителем назначен В.А. Кучеренко (будущий президент Академии архитектуры СССР) [4. с. 237]. Осенью 1941 года на строительную площадку завода начали прибывать эшелоны с оборудованием и людьми с эвакуированного завода №59 им. Г. И Петровского из села Петровеньки Ворошиловградской области Украины, который в предвоенные годы был пионером в производстве нитроглицериновых порохов [8. С. 176].

Эвакуированных и строителей разместили в городе и ближайших деревнях, в землянках, сооруженных вокруг строящегося завода. Создание коллектива началось с оформления администрации завода в марте 1941 года. Директором был назначен И.П. Кузнецов (до ноября 1942 года), главным инженером — В.А. Васильев [2. с. 98].

Коллектив завода начал складываться задолго до пуска, в ходе строительства. Ядром стали специалисты, прибывшие вместе с заводом по эвакуации, а также 18 специалистов, прибывших в конце 1942 года после окончания Ивановского химико-технологического института. К ним присоединилась местная молодежь, не знавшая специфики завода, но пожелавшая посвятить себя новому делу. Было им по 16–20 лет. Многие из них пришли по направлению местных органов управления и комсомола, после окончания ФЗО.

Коллектив, тогда еще малочисленный, своими силами изготавливал специальное технологическое оборудование. В условиях Стерлитамака это было совершенно новое производство. Опытных кадров не было. Их готовили из 16–17-летних девочек, прибывших из районов республики по мобилизации.

Первый колышек в основание будущих цехов вбил В.А. Киреев, а первый кирпич в фундамент заложила бригада С.И. Шафикова. К концу 1942 года были построены линия электропередачи от Ишимбаево, электроподстанция, котельная, артезианская скважина, насосная станция, хлебопекарня, две столовые и медсанчасть,

введена жилплощадь первой необходимости. В 1942 году директором был назначен В.Г. Давыдов, главным инженером — Н. А. Руфель [6. с. 284].

В результате самоотверженного труда строителей через год и три месяца после начала строительства запустили первую технологическую линию и быстро освоили выпуск зарядов к ракетному миномету «катюша».

23 февраля 1943 года главный инженер завода Клавдий Иванович Баженов положил на стол президиума торжественного собрания по случаю 25 годовщины Красной армии изготовленную на заводе пороховую шашку к знаменитым гвардейским минометам БМ-13У «катюша». И этот день утвердился как день рождения предприятия. На востоке страны появился завод, выпускающий нужные для фронта заряды из баллистических порохов к артиллерийским и ракетным системам. Не случайно уже в марте 1943 года для практического руководства на завод приехал по указанию И.В. Сталина зам. наркома боеприпасов Г.И. Кожевников [7. с. 348].

Но все равно в стране пороха не хватало: потребность фронта покрыта за счет собственного производства в количестве 399784 тонн, закуплено в Америке и Англии

86030 тонн. Доля завода №850 в общем объеме военной продукции составляла около 13%. Достаточно сказать, что за годы войны было изготовлено и поставлено фронту 572, 4 млн. зарядов, в том числе зарядов к «катюшам» — 15, 8 млн. штук. За счет устранения «узких» мест предприятие стало наращивать темпы роста производства и уже с июня 1943 года начало перевыполнять план [1. с. 134].

После окончания Великой Отечественной войны завод переходит на мирный труд. Развернулось строительство по новым, совершенным проектам. В июне 1946 года всем работавшим в годы войны были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вклад завода №850 в дело Великой Победы навсегда золотой строкой вписан в историю этого предприятия и города.

Таким образом, период с июня по декабрь 1942 года был самым тяжелым испытанием для предприятия и города в целом, но с 1943 года и вплоть до 9 мая 1945 года промышленный Стерлитамак стал успешно наращивать производственные мощности, всеми силами помогая наступающим советским войскам.

Литература:

1. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.А. Антуфьев. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1992. — 349 с.
2. Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Текст] / Т.Х. Ахмадиев. — Уфа, 1995. — 224 с.
3. Ахмадиев Т.Х. Вклад Башкортостана в Великую Победу [Текст] / Т.Х. Ахмадиев. — Уфа, 1995. — 347 с.
4. Ахмадиев Т.Х. Вклад трудящихся Башкирии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 [Текст] / Т.Х. Ахмадиев // Память. Кн. 1. Уфа, 1994. — 478 с.
5. Аюпов Р.С. Башкортостан в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Р.С. Аюпов. — Уфа, 1994. — 389 с.
6. Башкирия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Под ред. Г.Д. Иргалина, Г.Р. Мухаметдинова. — Уфа, 1995. — 365 с.
7. Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [Текст] / А.Ф. Васильев. — М., 1982. — 756 с.
8. Урал в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Информационные материалы. Отв. ред. А.В. Бакунин. — Свердловск, 1986. — 239 с.
9. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Г.С. Кравченко. — М., 1979. — 323 с.
10. Серов А.Г. Законодательные и административно-правовые акты военного времени [Текст] / А.Г. Серов. — М., 1987. — 327 с.
11. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я.Е. Чадаев. — М., Мысль, 1985. — 456 с.

Педагоги Иркутского девичьего института: судьбы, вклад в образование города и формирование женской интеллигенции

Пихтина Любовь Сергеевна, учитель истории
МОУ СОШ №15 (г. Иркутск)

В первой половине XIX века в Иркутске начинают открываться женские учебные заведения: Сиропитательный дом, Девичий институт, затем гимназии. Становление женского образования Иркутска было важным социокультурным явлением городской жизни. Сначала женскую интеллигенцию города представляли только приезжие женщины, присланные в Иркутск для педагогической деятельности, а с 60-х гг. XIX в. появляются местные интеллигентки. Изменяется общественное сознание, общественные позиции сибирячек. Уже не редкостью были женщины, основывавшие свои школы для среднего образования, и даже высшие курсы, принимавшие активное участие во всей жизнедеятельности общества. Несомненно, это было важным фактором культурного роста городов Сибири и содействовало их прогрессу в целом.

Немалая роль в формировании образа сибирской женщины середины XIX — начала XX вв. принадлежит педагогам Иркутского Девичьего Института. Имеется много материала об Институте и других женских средних учебных заведениях г. Иркутска: их внутреннему устройству, структуре обучения и т.д. Из информации о преподавателях имеются лишь фамилии и только иногда очень краткая биография. А ведь именно они стали первыми представительницами женской интеллигенции города, именно они дали толчок ее дальнейшему развитию и совершенствованию. Отсутствие столь важной информации я считаю значительным пробелом в истории женского образования.

Особую роль играли начальницы, которые должны были следить за воспитательной частью институтского образования, за моралью и нравственным образованием девушек. Всего за годы существования института в нем работало 8 начальниц. Первые две начальниц в силу жизненных обстоятельств оказались близки к кругу декабристов, что оказало существенное влияние на воспитание девиц. Самой первой начальницей была Каролина Карловна Козьмина — жена чиновника 10 класса Козьмина, воспитательница детей декабриста Н.М. Муравьева. Она занимала эту должность в течение 1845—1849 годов. Каролина Карловна рано овдовела и, вынужденная заняться какой-нибудь службой, стала гувернанткой — служила в Московском доме Муравьевых. Весной 1834 г. по настоянию матери ссыльных декабристов Екатерины Федоровны она отправилась в Сибирь для воспитания дочери Никиты Муравьева. Хотя с братьями Муравьевыми у Каролины Карловны сложились не очень простые отношения, другие декабристы высоко ценили ее знания и постоянную готовность быть им полезной.

Живя у Муравьевых и Трубецких, постоянно бывая в доме Волконских, видя их традиции в воспитании детей — уважение личности, чтение книг, музыкальное воспитание, любовь к родине, Каролина Карловна эти традиции привнесла в институт, став его первой начальницей. Когда графиня Лаваль, бабушка дочерей Трубецкого, стала ходатайствовать об устройстве внучек в институт, Сергей Петрович сначала был против этого. Его беспокоило, что уровень провинциального института не будет соответствовать тем принципам, которым он сам пытался следовать в воспитании своих детей. И только узнав, что начальницей нового учебного заведения назначена Каролина Карловна, он согласился отдать туда младших девочек. Несмотря на первоначальное опасение, С.П. Трубецкой остался доволен образованием своих детей. По отзывам современников, его дочери обладали не только основательными знаниями, но и твердыми нравственными убеждениями.

Не один Сергей Петрович так относился к К.К. Козьминой, но и в целом современники отзывались о ней как об умной, энергичной и деятельной женщине. Даже предвзято настроенный по отношению к Каролине Карловне Александр Михайлович Муравьев в письмах к матери писал, что признает ее педагогический талант.

Каролина Карловна была немолодой начальницей. Как свидетельствует письма декабриста А.С. Муравьева в 1849 г. она стала слаба здоровьем и думала об отпуске после первого выпуска, ибо управление столь большим учреждением требовало сил, здоровья и молодости. А к этому времени она проработала всего 4 года в институте. Соответственно, женщина, уже успевшая стать вдовой, была зрелого возраста.

До самой смерти К.К. Козьмина работала в Институте. И хотя уже за три дня до кончины она почувствовала себя плохо, утром она проинспектировала классы, не желая ничего менять в устоявшемся порядке. Иркутское общество было искренне опечалено смертью первой начальницы Девичьего института. Хоронил ее архиерей Нил с большой почестью [3, с. 192]. Учитывая скромное социальное и материальное положение этой женщины, внимание высшего в Восточной Сибири иерарха можно объяснить ее педагогической деятельностью, личными качествами и близким знакомством с декабристами, особенно с Трубецким, очень чтимыми архиепископом Нилом.

После смерти Козьминой К.К. в 1849 году начальницей института стала не менее интересная личность — Мария Александровна Дорохова, ранее работавшая в Сиротском институте Петербургского воспитательного дома. Мария Александровна происходила из знатной и богатой семьи

Плещеевых. Ее отец, член литературного общества «Арзамас», был близок с Пушкиным, Жуковским, состоял в родстве с Карамзиным. Вместе с сестрой Мария Александровна получила прекрасное домашнее образование. Декабристы Ф.Ф.Вадковский и З.Г.Чернышев приходились ей двоюродными братьями по матери. Два ее старших брата также привлекались к следствию по делу тайных обществ, а впоследствии находились под полицейским надзором. Поэтому, приехав в Сибирь в качестве начальницы Девичьего института, она оказалась среди родных, близких ей по духу людей. Здесь на чужбине она еще больше сблизилась с ними.

Происхождение и воспитание Марии Александровны не предполагали необходимости зарабатывать на жизнь нелегким педагогическим трудом. Выйдя замуж в 1830 г. за Руфима Ивановича Дорохова, сына героя Отечественной войны 1812 г., она пыталась найти соратника, близкого друга, а муж оказался человеком, ищущим славы в бесконечных войнах и походах. В конечном итоге Мария Александровна вынуждена была разъехаться с ним. Надо сказать, что в тот период брачные коллизии не были делом удивительным, поэтому этот разъезд, фактически развод, не повлиял на репутацию начальницы. Не найдя утешения в замужестве, она наполнила свою жизнь заботой о дочери Нине, но тяжелая болезнь, а затем и смерть девочки заставили ее отказаться от личного счастья и обратиться к общественному служению. 18 августа 1849 г. состоялось назначение Дороховой начальницей Иркутского Девичьего института.

Крайне доступная для всех воспитанниц, Дорохова особенно охотно вводила в круг своих знакомых воспитанниц старшего класса и тем давала им возможность знакомиться со взглядами, приемами и навыками декабристов. Она довольно часто водила учениц старшего класса на литературные и музыкальные вечера М.Н.Волконской. И эти девочки, выросшие в купеческой семье и видевшие до этого только пример собственной матушки, озабоченной состоянием дома и подсчетом доходов и провизии, вдруг оказывались в совершенно других условиях. Они встречали женщин изящных, образованных, знающих и ценящих литературу, умеющих высказывать свое мнение и это мнение отстаивать, и понимали, что к женщинам в этой среде относятся совсем по-другому — прислушиваются к ним и ценят их. Своеобразным образцом для иркутских барышень стала Мария Николаевна, которая никогда ни при каких обстоятельствах не позволяла себе плохо выглядеть или держать себя недостойно. Волею неволей воспитанницы привлекали к их обществу, стремились быть похожими на них, выбирали для себя иную социальную роль. Ведь неспроста многие воспитанницы института нашли себя на педагогическом поприще, работали в разных городах, находились во главе ученых заведений Иркутска.

В 1852 г. Дорохова узнала о смерти мужа. Это положило конец ее двусмысленному положению в обществе и позволило надеяться если не на счастливое, то на

спокойное и уважительное семейное будущее. Знакомство с Петром Александровичем Мухановым, общность их интересов и печальный опыт прошлого, выпавший на долю обоих, способствовали зарождению чувства дружеской приязни, желания поддержать друг друга. Важно было еще и то, что сблизилась она не только как два страдавших человека, Петр Александрович был близок Дороховой еще и своим интересом к просвещению.

С большим уважением к Марии Александровне относились декабристы, причем не только иркутские, но и расcеянные по всей Сибири. Со многими она познакомилась по дороге в столицу Восточной Сибири — в Тобольске, Ялуторовске, Красноярске.

Петр Александрович сделал ей предложение, и она подала прошение об отставке. К сожалению, этому браку не суждено было сбыться. 12 февраля 1854 г. Петр Муханов скоропостижно скончался. Горе Марии Александровны было огромно. Говорили, что даже если бы у нее были враги, так и те бы сочувствовали ей.

Поскольку отставка ее была уже принята и на ее место была назначена новая начальница, оставаться в Иркутске, не имея достаточных средств к существованию, не было смысла. С большим сожалением иркутские декабристы простились с начальницей института. С.П. Трубецкой писал Г.С. Батенькову об ее отъезде: «Марья Александровна уедет после всех, с нею вы будете говорить и о нас, и о ваших институтках. Оне ее, конечно, не забудут. Во время ее управления жена моя часто имела случай их видеть, и не мудрено, что оне ее полюбили, для них достаточно ласкового слова и малейшего оказанного внимания, чтоб тронуть их нежные сердца» [22].

1 апреля 1855 г. Дорохова была назначена начальницей Нижегородского Мариинского института.

С марта 1854 года по 1858 г. начальницей была Е.П. Липранди. Она, окончив Петербургский Екатерининский Институт, работала в Петербургском воспитательном доме, Патриотическом институте и Московском Елизаветинском институте. С 1854 г. стала начальницей Девичьего Института. По характеристике, данной Е.П. Липранди в Историческом отчете по Девичьему институту, у меня сложилось впечатление о ней как об очень серьезной даме, ответственной, немного строгатой. Преподавание она вела строго по программе. Педагог по призванию, посвятившая всю свою жизнь воспитанию юношества, строгая и требовательная, но умеряющая свою строгость, начальница внесла в институт лучшие стороны порядка и традиций столичных институтов, в которых она сама выросла, воспиталась и приобрела свой педагогический опыт. Под ее руководством сформировался кружок воспитательниц, впоследствии долго и успешно служивших Иркутскому институту. Ей обязан институт и значительным улучшением его хозяйственной части, введением по образцу Патриотического института. Вследствие отсутствия учителя французского языка, Липранди преподавала и этот предмет. Сильно развивающаяся с годами хроническая болезнь заставила Екатерину

Петровну в начале 1858 года отправиться в Европейскую Россию в шестимесячный отпуск, а затем и вовсе оставить службу и поселиться в Петербургском Вдовьем доме, где она и закончила свою жизнь. Таким образом, она 4 года проработала начальницей Девичьего Института Восточной Сибири.

Быкова Анна Петровна была выпускницей Смольного Института, затем долгое время работала там классной дамой и была направлена в Иркутск, чтобы занять должность начальницы Девичьего Института. Анна Петровна 19 лет управляла Институтом Восточной Сибири (1858–1877 гг.). Приняв его от своей предшественницы вполне сформированным и установившимся институтом, она с редким умением применила к нему весь ряд последовательных реформ институтского воспитания, учения и внутреннего распорядка. Личные заслуги начальницы занимают одно из главных мест. Ее время управления институтом называют золотым временем, а результат — вышедшие при ней по окончании курса воспитанницы, из среды которых вышли начальницы и руководительницы почти всех местных женских учебных заведений — горюит сам за себя.

Последней начальницей института была жена бывшего Иркутского губернатора И.П. Моллериус Анастасия Петровна Моллериус (1914–1917 гг.). Она не только занималась педагогической деятельностью, но и была близка к политической жизни Иркутска. Ее муж — И.П. Моллериус в 1897 году иркутским губернатором был назначен правителем дел канцелярии иркутского генерал-губернатора. С 1897 года она являлась попечительницей первой иркутской женской гимназии.

Я назвала только пять начальниц из восьми. Еще три женщины: Быстрова К.Е., Котц Е.В. и Кисель-Загорянская Е.К. также внесли свой вклад в дело развития института. Начальницы Девичьего института были талантливыми руководителями, педагогами. Они сохранили многие традиции воспитания юных сибирячек, заложенные первыми двумя начальницами, связанными общностью с декабристами, что позволило институту стать своеобразным культурным центром города.

Из классных дам я хочу отметить некоторых приехавших в Иркутск, по распоряжению императрицы. Первым по времени назначения на службу в институт классными дамами были Мария Павловна Стахович (1845–1860) и две сестры Эк — Софья Андреевна (1845–1852) и Дарья Андреевна (1845–1849). Последняя совмещала эту должность с преподаванием уроков музыки в 1845–1848 гг. До приезда в Иркутск они служили классными дамами в Петербургских институтах и приглашены были на службу в институт Восточной Сибири начальницей К.К. Козьминой, с которой они и приехали ко времени открытия института. Из них только одна Мария Павловна Стахович прослужила в институте 15 лет. Дарья Андреевна Эк прослужила только до первого выпуска, а Софья Андреевна — до 1852 года. Их заменили, прибывшие в Иркутск позднее две сестры Боборыкины — Наталья, которая совмещала

роль классной дамы и учителя музыки и Анна Андреевны. Все они были опытные, ранее служившие в других заведениях воспитательницы. Из них Дарья Андреевна Эк отличалась знанием музыки, которую она и преподавали в институте. Анна Андреевна Боборыкина в 1856 году вышла замуж за чиновника Пфафиуса. В связи с выходом в замужество прекратила педагогическую деятельность в Иркутском институте, проработав там три года. Впоследствии была первой ко времени начальницей Иркутского женского училища (впоследствии гимназии).

При Е.П. Липранди начала свою службу в Иркутском институте Любовь Мещерская — классная дама 1857–1872 годов и учитель рукоделия в 1862–1874 гг., а также Александра Иосифовна Заржицкая — 1854–1862 гг. Первая занимала Должность классной дамы 8 лет. А.М. Заржицкая, прослужив классной дамой с 1854 по 1862 года, вышла замуж за польского уроженца Деко. Довольно долгое время преподавала в институте русский и французский языки. Так как по уставу Института замужним дамам запрещалось работать в учебном заведении, она заняла должность начальницы Иркутского женского училища.

Таким образом, приезжие начальницы и классные дамы института имели столичное образование и педагогический стаж. Они являлись опытными воспитательницами.

Также хочу уделить внимание местным педагогам, чей вклад в развитие женского образования города не менее важен.

В 1860 году впервые должность классной дамы заняла воспитанница института Восточной Сибири первого выпуска (1849 г.), затем пепиньерка Мария Гавриловна Тюменцева. Расставшись с институтом в 1851 году, 9 лет спустя, заняла в нем должность классной дамы (к этому времени ей приблизительно 26–28 лет) и, прослужив в этой должности 3 года, оставила его, чтобы заняться сначала частной педагогической практикой, а затем учреждением в Иркутске Детского сада, которым она в качестве начальницы и руководила в течение 22 лет до самого дня своей смерти. Умерла она летом 1891 года.

Второй классной дамой из воспитанниц института была Анастасия Петровна Степанова — дочь подполковника. В 1863 г. окончила курс Девичьего Института с золотой медалью и осталась по окончании курса пепиньеркой. С 1865 г, когда ей было 19 лет, она заняла должность классной дамы и до 1880 года выполняла свои обязанности. Таким образом, в родном институте она прослужила 15 лет. В 1883 г. была назначена на должность начальницы Сиропитательного дома. В это время ей было 38 лет. В данном учебном заведении прослужила не менее 13 лет. Благодаря ей чистота, опрятность и вообще внешний и внутренний порядок в Сиропитательном заведении были доведены до совершенства. Она подняла заведение в нравственном отношении, заботливо охраняя репутацию своих питомцев. Анастасия Петровна строго следила, чтобы всегда была доброкачественная пища и питье, сле-

дила за одеждой, за медицинской помощью, состоянием здоровья. Строго вела контроль за нравственностью учащихся и не оставляла без взыскания их проступков. Заботилась, чтобы учителя и надзирательницы были добросовестными по отношению к своим обязанностям и служили для детей примером. Наблюдала за развитием религиозного чувства, за посещением церкви. Дети ей доверяли, уважали. Надо отметить, что Анастасия Петровна была первой смотрительницей заведения из местных педагогов. До нее все начальницы были направлены из столицы, имели столичное образование. Анастасия Петровна вторая из выпускниц Девичьего Института, после Тюменцевой М.Г., кто продолжил педагогическую деятельность во благо родного города. Стоит подчеркнуть, что Степанова очень добросовестно относилась к своей работе и даже отмечали, что за годы ее работы в этой должности учебное заведение поднялось в нравственном отношении. Сравнив с работой приезжих женщин, думаю, можно даже сказать, что время работы Анастасии Петровны самое лучшее для Сиропитательного заведения. Она не оставляла без внимания ни одну сторону жизни заведения, следила за порядком во всем. Выпускница Девичьего Института настолько сильно любила вверенное ей заведение, что отдавалась ему всей душой. Считаю, это можно объяснить тем, что ей Иркутск был ближе, роднее, чем столичным дамам, которых просто направили сюда по распоряжению. Естественно, что они не с такой любовью и преданностью относились к работе, более того, тяготясь разлукой, они просили правительство направить их в города, находящиеся ближе к столицам. И хотя они полностью выполняли свою работу, той искренности к работе у них, предполагаю, не было. А Анастасия Петровна сама выбрала этот путь, это учебное заведение и, конечно, со всей душой отдавалась работе. Считаю, что Анастасия Петровна Степанова внесла большой вклад в образование города Иркутска.

В 1881 г. должность классной дамы заняла еще одна выпускница — Белозерова Анемаиса. Родилась Анемаиса в Забайкальской области в 1860 году. Должность классной дамы она совмещала с преподаванием музыки и математики. В 1889 г. окончив Петроградские Высшие женские курсы, вернулась в институт и преподавала там до 1892 г. Прослужила в родном институте она 15 лет. С

1919 г. заведовала читальным залом при Иркутском Государственном Университете.

Хочу уделить внимание некоторым преподавательницам, которые окончили Иркутский Институт благородных Девиц, но работали за его пределами. 11 выпускниц института, после получения образования, уехали из Иркутска. В Кяхтинской гимназии трудилось 7 человек. Там они работали учительницами. В Читинской гимназии и приюте тоже встречаются выпускницы Института Восточной Сибири. Одна из них даже занимала должность начальницы — Аринкина А.П. Она была выпускницей 1861 г. Преподавателем этой же гимназии работала ее младшая сестра Аринкина Р.П. Она окончила институт в 1867 г. Еще одна начальница работала в Нерчинской гимназии — Калугина А.Ф. Окончив учебное заведение в 1865 г, она уехала в Нерчинск. Таким образом, удалось выявить и исследовать выпускниц Иркутского Девичьего Института, которые несли педагогическую службу за пределами города Иркутска и оставили огромный вклад и светлую память о себе.

Таковы судьбы выдающихся педагогов Девичьего Института. Каждая судьба по-своему интересна и неповторима. Заслуга приезжих женщин в том, что оторванные от дома и семьи, тяготясь разлукой, они внесли вклад в развитие женского образования города. Они использовали опыт столичного образования и реализовали его в Иркутске. Педагоги развивали разные методики преподавания, искали подход к девочкам. Все это в целом способствовало укреплению, дальнейшему развитию и усовершенствованию женского образования, что приводило к повышению грамотности в городе, появлению все большего числа образованных местных дам. Многие из выпускниц института продолжали дело своих наставниц, взяв их за образец подражания. В городе стали появляться местные интеллигентки, их число все росло, и спустя совсем немного времени выпускниц института благородных девиц можно было встретить в самых разных уголках Сибири в роли учительниц, воспитательниц и начальниц.

Преподавательницы Иркутского Девичьего Института способствовали становлению нового образа женщины-иркутянки: интеллигентной, образованной, ответственной, независимой.

Литература:

1. Быкова В.П. Записки старой смолянки/В.П. Быкова. — С-П.: Тип. Сиб. Акц. Общ-ва Е.Евдокимова. — 1899. — ч. 2. — 396 с.
2. Воспоминания А.В.Богодаровой // Резонанс. — 1992 г. — №2. — с. 1–3
3. Дунаева А.П. Первые директрисы Иркутского Девичьего института и декабристы / Сибирь и декабристы. Выпуск №6. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009 — с. 187–198
4. Дунаева А.П. Теория и практика воспитания русской дворянки на примере Смольного Института//А.П.Дунаева, Т.А.Перцева. — Вестник ИГУ. — 2004. — с. 66–67
5. Тридцатилетие Иркутского Девичьего института//Сибирь. — 1875. — №2. — 6 июля. — с. 1–2
6. 4. ГАИО, фонд 64 (Отчет о деятельности Института), опись 1, дело 5.
7. ГАИО, фонд 64, (Формулярные списки), опись 1, дело 49.

8. ГАИО, фонд 64, (Формулярные списки служащих), опись 1, дело 72.
9. ГАИО, фонд 64, (О переменах в личном составе), опись 1, дело 73.
10. ГАИО, фонд 64, (О службе преподавателей и классных дам), опись 1, дело 87.
11. ГАИО, фонд 64, (О преподавателях и служащих), опись 1, дело 94.
12. ГАИО, фонд 64, (Формулярные списки работников института), опись 1, дело 112.
13. ГАИО, фонд 64, (О денежных средствах), опись 1, дело 115.
14. ГАИО, фонд 64, (Отчет о деятельности института за 1891 г.), опись 1, дело 119.
15. ГАИО, фонд 64, (Отчет о деятельности института за 1892 г.), опись 1, дело 124.
16. ГАИО, фонд 64, (Отчет о деятельности института), опись 1, дело 154.
17. ГАИО, фонд 64, (Годовой отчет за 1906 г.), опись 1, дело 235.
18. ГАИО, фонд 64, (Белая С.И.), опись 1, дело 361.
19. ГАИО, фонд 64, (Белозерова А.А.), опись 1, дело 362.
20. ГАИО, фонд 64, (Коллан О.П.), опись 1, дело 430.
21. ГАИО, фонд 64, (Черепанова М.Е.), опись 1, дело 529.
22. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. В 2 т. Т. 2. Письма, дневник 1857—1858 гг./ Изд-во подготов. В.П.Павловой. Иркутск, 1987 г. — С. 215

Отзывы читателей «Нового Мира» как проявление общественных настроений в СССР в середине 50-х годов XX века

Плужников Сергей Владимирович, аспирант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Середина 50-х годов XX века — один из немногих переломных моментов в современной истории России, который оказал значительное влияние на общественное сознание многих поколений советских людей. XX съезд партии и секретный доклад Н.С. Хрущева привел к резкому изменению отношения к недавнему прошлому: к фигуре И.В. Сталина, к коренному пересмотру сложившегося положения дел в стране среди части населения СССР. Вместе с тем критика культа личности, процесс реабилитации привел к ощущению необратимости перемен в обществе. Серьезные изменения затронули и творческую сферу. Писатели и публицисты впервые громко заговорили о необходимости коренных изменений в литературе. Это проявилось, прежде всего, в постановке новых жизненно важных проблем на страницах периодической печати, о которых раньше нельзя было говорить открыто. Такие вопросы поднимались при обсуждении произведений и статей на читательских конференциях, среди студенческой среды, в многочисленных письмах и откликах, отправленных в редакцию журналов и газет. Они передают общественную атмосферу тех лет. Литературные дискуссии, большая корреспонденция, отправленная в периодическую печать, свидетельствует о том, что литературное обсуждение того или иного произведения, зачастую переходило в иную плоскость: к насущным проблемам реальной жизни. Наиболее известным произведением, который вызвал общественный резонанс в середине 50-х годов прошлого века, был роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованный на страницах журнала «Новый Мир». Главный герой — изобретатель —

самоучка вел активную борьбу против бюрократического аппарата, пытаясь дать своему изобретению жизнь. Произведение не было литературным шедевром, но сразу же нашло отклик среди советского общества. Так как в нем поднимались актуальные по тем временам проблемы: борьба с бюрократизмом, коррупция, творческая свобода и пр. Роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» был очень популярным, его читали везде в «...метро, в автобусах, в троллейбусах...» — вспоминал в своем письме москвич Л.Г. Усиченко [2]. Столь пристальное внимание читателей к очередному выпуску журнала было не только в Москве, но и в Ленинграде, Красноярске, Одессе и других крупных городах. За романом «Не хлебом единым» выстраивались большие очереди, в которых люди стояли не один час. Читатели записывались в живую очередь в библиотеках, чтобы прочесть этот роман: «...каждый номер журнала дают только на один день» — писал в своем письме читатель Г.И. Гайдук из г. Риги [3]. Роман переписывали от руки, передавали друзьям, близким и просто интересующимся на несколько часов, на ночь и пр. Его читали поодиночке, а кто-то вслух и в кампании внимательных слушателей. Как писал Л. Гончар ««Не хлебом единым переболела вся читающая Россия» [4]. Многочисленные дискуссии проходили не только на литературных собраниях, но и в более узких кругах, дома, на рабочем месте, и пр. Как вспоминала Р. Орлова: «...у столов, заставленных разнокалиберной посудой, за едой, которая чаще всего сводилась к водке с селедкой и винегретом, а потом к чаю с печеньем происходили многочасовые роскошные пиршества мысли, создавались и оспаривались

теории, ниспровергались старые авторитеты, утверждались новые» [1].

Одним из свидетельств пристального внимания к роману В. Дудинцева являются многочисленные отклики, присланные читателями в редакцию журнала. Письма общественности тех лет, являются первыми послеслесталинскими проявлениями общественного сознания 50-х годов. Они передают изменившуюся психологию, повседневную жизнь и представления различных людей. Письма и отзывы позволяют окунуться в общественные настроения и атмосферу, царившую вокруг романа В. Дудинцева. Конечно, утверждать, что они точно передают сложившуюся атмосферу в стране не приходится, но они приближают нас к пониманию характерных особенностей эпохи «оттепели».

В архиве редакции «Нового Мира» было обнаружено свыше 700 писем, написанных более чем 800 читателями. Эти отклики были написаны как отдельными личностями, так и разными коллективами и группами. В них читатели выражали свое отношение к роману, зачастую, приводили примеры из собственной жизни. Одной из особенностей таких откликов была попытка расширить круг проблем, озвученных автором. Но все же многие из писем несли в себе элементы старого сознания. Например, Н. Садовой, учитель — пенсионер из г. Москвы писал: «На мой взгляд, роман представляет собой ни что иное, как пасквиль на советскую интеллигенцию» [5]. Среди писем широко была распространена идея о том, что это произведение не несет в себе никакой пользы, кроме вреда. Оно опошляет и искажает реальную картину жизни. В некоторых письмах читатели требовали дать «прямую, честную и объективную оценку романа не только с художественной точки зрения» [6]. Этот пример очень характерен для того времени, так как многие не могли понять против чего выступал В. Дудинцев, и за что его ругала официальная критика, партийное руководство и государственные чиновники.

Большинство писем положительно отзывалось о романе В. Дудинцева. Например, интересная характеристика дается в письме рабочего-грузчика из Ростова-на-Дону Н.И. Болдырева: «Ваш роман...настолько правдив, талантлив, полезен, своевременен...» [7]. Это свидетельство ценно тем, что показывает большую популярность «Нового Мира» не только среди творческой интеллигенции, но и людей занятых физическим трудом. Читатели подчеркивали заслугу В. Дудинцева в том, что он был первый, кто не побоялся заговорить о трудных взаимоотношениях между простым человеком и бюрократическим аппаратом. Многие из написавших, восприняли эту публикацию «Нового Мира» как струю чистого воздуха в серой литературе. По мнению большинства читателей, публикация романа В. Дудинцева на страницах известного журнала, должна была привести к улучшению ситуации и в других жизненно важных сферах советского общества. Многие указывали на то, что лесть, многочисленные слова о различных достижениях приводит не к улучшению положения, а еще боль-

шему ухудшению ситуации в стране. Главная заслуга В. Дудинцева была в том, что он заострил свое внимание на злободневных проблемах и, «...правдиво изобразил и показал их во всей своей отталкивающей, неприглядной наготе...чем безусловно помогает их искоренению...» — писал инженер Есиков из г. Москвы [8]. В некоторых письмах прямо говорилось о том, что критика бюрократического аппарата не пройдет просто для автора и редакции «Нового Мира». Так как многие положения и идеи его романа правдивы и наносят большой вред бюрократам, которые: «...не только живут в промышленности. Они есть и в партии и в литературе, их очень много везде» — говорилось в одном из писем [9]. Таким образом, многие из читателей хотели коренных изменений не только в своей жизни, но и улучшения положения дел во всей стране.

В некоторых письмах особенно остро подчеркивалось неприятие официальной критики, звучавшей со страниц периодической печати. У многих читателей складывалось мнение, что неприятие романа В. Дудинцева среди служащих государственного аппарата, связано со страхом потерять свою работу [10].

В архиве редакции «Нового Мира» хранятся и отрицательные отзывы о романе. Негативно восприняли публикацию В. Дудинцева лишь 27 читателей, около 50 высказывались нейтрально о ее достоинствах, 15 как соглашались с ее положениями, так и отвергали их. Так, например, даже те, кто отрицательно высказывался о романе, подчеркивали его общественное значение, «...вскрывающего гнойники...» [11]. Социальный состав написавших в редакцию «Нового Мира» был разнообразен. В большинстве это были инженеры, учителя, студенты, профессора и простые рабочие. Читатели заостряли свое внимание на борьбе между бюрократическим аппаратом и изобретателем, которые олицетворяли собой противостояние консервативных и прогрессивных сил.

Многие из читателей верили в гуманитарный прогресс, в большое значение Советского Союза. В их письмах прослеживается вера в писателей как знаменосцев и глашатаев общественных идеалов, выразителей общественных ожиданий от власти. Читатели проводили аналогии из романа на существующую реальность. Общественная аудитория воспринимала литературные произведения как политические манифесты, призывы к действию. Однако кампания против В. Дудинцева набирала обороты, и связано это было с внешними обстоятельствами: волнениями в Польше и в Венгрии, которые тоже начинались с малого: активной критикой бюрократического аппарата литературным кружком имени Петефи. Эти события в странах социалистического лагеря не могли не вызвать опасения среди партийного руководства страны. В результате чего критическая кампания против автора «Не хлебом единым» и журнала усилилась и привела позднее к снятию со своего поста его главного редактора — К. Симонова.

Таким образом, можно констатировать, что роман В. Дудинцева, опубликованный в «Новом Мире» был в центре общественного внимания. Неоднозначность его

публикации, прямые аналогии с существующими порядками вещей вызывали бурю эмоций среди населения. Многочисленные письма и отклики читателей «Нового Мира» свидетельствуют о спектре различных мнений и оценок в советском обществе, которые коренным образом отличались от официальной точки зрения на роман В. Дудинцева. В ответ на страницах периодической печати публиковались резко негативные рецензии на него, что еще больше подогревало интерес у читателей. Сложившаяся ситуация неопределенности была недолгой — события в Польше и в Венгрии привели к обострению ситуации вокруг В. Дудинцева и журнала. Позднее автора «Не хлебом

единым» еще долго критиковали, а главного редактора «Нового Мира» К. Симонова заменили А. Твардовским. Однако публикация романа В. Дудинцева нанесла существенный удар по монолитному, как казалось в те годы, общественному сознанию. Большая корреспонденция «Нового Мира» свидетельствовала о начале переосмысления читателями процессов, происходивших в стране. Значение романа В. Дудинцева было в том, что автор заострил внимание на раздутость бюрократическом аппарата. Пожалуй, главный вывод можно свести к тому, что многие люди начали осознавать необходимость коренных изменений в управлении государством.

Литература:

1. Орлова Р. Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990. с. 20.
2. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.242. Л.111.
3. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.240. Л.15.
4. РГАЛИ. Ф.1702. Оп. 8. Д.269. Л.18.
5. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.240. Л.1.
6. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.240. Л.39.
7. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.240. Л.106.
8. РГАЛИ. Ф.1702. Оп.6. Д.240. Л.90.
9. Там же. Л.15
10. Там же. Л.41.
11. Там же. Л.35.

Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. – начале XX в.

Простакишина Надежда Павловна, доцент

Филиал ФГБОУ ВПО «Владивостокский университет экономики и сервиса» в г. Находке

Обобщение исторического опыта переселенческого движения на российский Дальний Восток является актуальной задачей общероссийской и региональной истории. Важность изучения переселения на восточную окраину России определяется огромным практическим значением этого региона в прошлом и настоящем. Сегодняшний Дальний Восток, образующий Дальневосточный Федеральный округ Российской Федерации, в демографическом отношении представляет проблемную территорию. За последнее десятилетие его население уменьшилось более чем на миллион человек.

Дальневосточная колонизация имела коренные отличия от аналогичных процессов, происходивших в других регионах страны: она осуществлялась в самые поздние сроки и в самом отдаленном регионе (следовательно, была самой затратной); ее формы и методы были обусловлены факторами внутреннего развития России во второй половине XIX в. и внешнеполитическими отношениями с восточными соседями, причем последнее имело превалирующее значение.

После заключения Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров Российская империя и Китай разграничили свои владения, что способствовало завершению административно-территориального деления восточной окраины России в XIX в. После воссоединения Приамурья и Приморья с Россией важнейшее значение приобрело заселение и хозяйственное освоение богатейших районов Дальнего Востока.

Переселенческое движение получило достаточно широкое освещение в работах исследователей. Особенности переселенческого движения на Дальний Восток отражены в трудах Ф.Ф. Шперка [1], О.И. Сергеева [2], Н.В. Слюнина [3]. Работы этих авторов содержат информацию о заселении восточной окраины, о социальном, национальном и численном составе переселенцев, об особенностях адаптации новоселов в регионе, о видах и размерах помощи переселенцам.

Некоторые сведения о переселении крестьян на Дальний Восток можно найти в работе А.П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке». Автор исполь-

зовал фонды Приморского губернского архивного бюро, что позволило указать на следующие причины переселения: малоземелье, (главная), широкие льготы, предоставлявшиеся переселенцам правительством, легенды о богатстве дальневосточного края, а также жажда обогащения и наживы. Исследователь выделяет три этапа заселения Дальнего Востока:

I этап — 1859—1882 гг.;

II этап — 1883—1899 гг.;

III этап — 1900—1917 гг. [4, с. 20].

А.П. Георгиевский отмечает, что при выборе места поселения крестьяне руководствовались опытом и знаниями, принесенными и усвоенными ими на родине, что позволило жителям северных губерний быстрее приспособиться к природно-климатическим условиям нового края.

Так же следует отметить работу А.Г. Коровина «Очерки заселения Приморья», в которой автор разделил все переселение на Дальний Восток России на два периода: до 1862 г. — принудительное, осуществлявшееся путем водворения в крае казаков и штрафных солдат, и после 1862 г. — добровольное [5, с. 168].

История заселения Дальнего Востока получила отражение в трудах Н.И. Рябова и М.Г. Штейна. Исследователи отмечают, что первые крестьяне-переселенцы добивались на российский Дальний Восток сухопутным путем в течение двух-трех лет. Селились достаточно широко, но в основном по берегам рек рядом с городами [6, с. 113—114]. Тем не менее, как верно отмечено Н.И. Рябовым и М.Г. Штейном, колонизация шла очень медленно. Катализаторами переселения стали открытие морского пути, а также развитие железнодорожного строительства. Отрицательно на интенсивности колонизационного потока сказывались неустойчивость переселенческой политики правительства, интересы помещиков, опасавшихся потерять дешевую рабочую силу, а также действия чиновников и полиции на местах выхода и во время следования в дальневосточный край. [7, с. 121—122].

Для создания экономической заинтересованности крестьян в переселении на Дальний Восток государство разработало систему льгот, включавшую в себя наделение переселенцев крупными земельными участками, послабление в податях и повинностях, первоначальное обеспечение продовольствием, денежные ссуды. В соответствии с «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 г. предполагалось, что указанные земли могут заселяться как отдельными семьями так и целыми обществами [8, с. 192]. При этом размер обществ устанавливался не менее чем в 15 семей. Норма наделения земель — до 100 десятин на семью [9, с. 192]. Помимо этого закон позволял свободный выбор мест вселения. Провозглашая право пользования землей первому заявившему о своем желании [10, с. 195].

Таким образом, десятки тысяч крестьян, освободившись от крепостной зависимости, отправились на

Дальний Восток из различных областей центра России, главным образом, из Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Пермской и других. С 1859 по 1882 гг. в Приморье прибыло свыше 5 тысяч переселенцев. Появились десятки населенных пунктов: Ольга, Раздольное, Пермское, Никольское, Шкотово, Астраханка. Часто наименование населенных пунктов крестьяне давали по местам, откуда сами прибыли.

С целью ускорения заселения Дальнего Востока в 1882 г. был принят новый земельный закон. По нему переселенцы могли получать земельный надел в размере 15 десятин земли на человека, но не более 100 десятин на семью. Однако закон разрешал переселение только тем крестьянам, которые могли предварительно внести значительный залог, что конечно было недоступно крестьянам-беднякам. Сначала часть расходов, связанных с переселением, государство брало на себя, но вскоре эта льгота была отменена. С 1882 г. переселенцы стали добираться на Дальний Восток водным путем: Одесса — Владивосток через Суэцкий канал, что позволило сократить время пути с полутора лет до 40—45 дней. Правительство разработало «Правила для руководства при переезде на пароходах Добровольного флота», которые предусматривали проведение мероприятий: санитарных (мытье в бане, стирка белья, медицинский осмотр переселенцев, поддержание санитарного состояния на пароходе); продовольственных (питание в пути); организационных (формирование отделений из переселенцев для проведения общественных работ на пароходе, распорядок дня, запреты на спиртные напитки и курение) [11, с. 223—225].

Таким образом, отмечает исследователь Васильченко О.А. [12] столь подробная регламентация передвижения и первоначального обустройства семей переселенцев свидетельствовала о серьезном подходе к этому мероприятию со стороны правительственных чиновников.

В эти же годы продолжалось и сухопутное переселение на Дальний Восток. До Томска добивались по железной дороге, далее до Читы на лошадях и телегах, от Читы спускались на плотах. Но, несмотря на видимый рост населения, оно оставалось крайне малым по сравнению с тем пространством, которое занимал дальневосточный край.

Тем не менее, цель — экономическое развитие региона с ориентацией на сельское хозяйство, не была достигнута. Проблема продовольственного обеспечения русского Дальнего Востока обострилась. Это обусловлено тем, что природно-климатические условия были малоприспособлены для интенсивного сельскохозяйственного производства (муссонный климат, резкие перепады температуры); во-вторых, использовалась не новая, а традиционная агротехника без учета специфики региона; в-третьих, существовала слабая подготовленность региона для организации в нем сельскохозяйственного производства. В результате произошел отток крестьян из сельского хозяйства в промышленность, которая постепенно стала играть ведущую роль в структуре экономики региона.

Особую группу населения составляло казачество, в распоряжение которого в конце XIX века было выделено 9 млн. десятин лучших земель. Эти земли находились в полном распоряжении войскового правления Уссурийского казачьего войска и на них не допускались крестьяне-переселенцы. Первое казачье переселение осуществилось в 1855–1862 гг. принудительным способом. Оно преследовало две цели: основную — заселение и хозяйственное освоение новых территорий по Амуру и Уссуре, обеспечение их обороны и дополнительную — увеличение численности казачьего населения. Для реализации этих целей на Дальнем Востоке создавалось новое Амурское казачье войско, формирование которого было закреплено именным указом, подписанным императором Александром II 29 декабря 1858 года [13]. Переселению семей на новые места жительства в значительной мере способствовало строительство Сибирской железной дороги. В целях заселения территорий вдоль железнодорожного полотна и охраны дороги со стороны Китая царская администрация решила вновь привлечь казачество. С этой целью 3 июня 1894 г. было принято решение государственного совета «О заселении казаками пограничной полосы Приамурского края» [14].

Таким образом, формирование дальневосточного казачества отличалось от подобного процесса на Украине, Дону и в других местах европейской России. Здесь не сложились вольных общин, основным ядром казачества явилась служилая, а не вольная часть казаков. Документы свидетельствуют о том, что в 1908 г. на Дальнем Востоке проживали 7 тыс. казачьих семей [15, с. 90].

Особенности освоения Дальнего Востока отмечает Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г., где указывает на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, место того, чтобы туда принести свое» [16, с. 211]. В брошюре великого князя Александра Михайловича, посвященной усилению русского флота на Тихом океане (1896 г.), отмечалась отличия российской колонизации от западноевропейской. Европейские колонисты, переезжая в Америку, Австралию или Африку, по его словам, теряют связь со своей родиной, образуют новые государства, тогда как наши переселенцы на имперских окраинах остаются «теми же сынами одного Самодержавного Царя», укрепляя российское владычество в Азии [17, с. 46].

В середине XIX в. на западе России границы были оформлены и укреплены, на востоке лишь предстояло это осуществить в условиях борьбы с соседними азиатскими государствами, грозившими опередить Россию в заселении восточных территорий. Поэтому внешнеполитический фактор в дальневосточной колонизации превали-

ровал над другими на протяжении всей ее истории. На эту черту русской колонизации указывал Ф.Ф. Буссе [18].

На рубеже XIX–XX вв. министр финансов С.Ю. Витте так же обращает внимание на изменение геополитического пространства империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа». Именно русский крестьянин-переселенец, по мнению Витте, призван изменить цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги» [19]. Это позволило бы прекратить «такое уродливое и неестественное явление, как эмиграция в Бразилию и другие южно-американские страны». С колонизацией Сибири С.Ю. Витте связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в «неминуемой борьбе с желтой расой». Именно это население даст силы и средства для защиты «интересов империи». В противном случае, предупреждал он, «вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины» [20].

Таким образом, влияние внешнеполитического фактора на всю дальневосточную политику России было превалирующим над всеми другими. Процесс русского заселения восточной территории находился под постоянной угрозой его опережения другими государствами, поэтому скорейшее заселение пустующих земель стало стратегической целью царского правительства.

Определенным поворотом в государственной политике заселения и освоения дальневосточной окраины в начале XX в. стало принятие положения комитета Сибирской железной дороги «Об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» [21, с. 221]. Этот документ указывает на изменение отношения правительства России к переселенческому процессу. Если раньше государство было заинтересовано в появлении на восточной окраине достаточно крепкого, с экономической точки зрения населения, то с принятием этого положения были созданы экономические предпосылки для появления большого количества малоимущих семей в среде новоселов. Приоритетом правительства становилось переселение максимального числа семей из центральных районов страны, испытывающих социальную напряженность из-за нехватки земельных угодий. Среди переселившихся около 80 % составили русские, украинские и белорусские крестьянские семьи из 20 губерний и областей России. Основным местом заселения по-прежнему оставалось Приморье.

Таким образом, характерной особенностью этого периода стало изменение социального состава крестьянских переселенцев: вместо середняцких и зажиточных семей в переселениях преобладали бедняцкие семьи из украинских и центральных губерний России. Их экономиче-

ское положение было значительно худшим по сравнению со старожилами, поскольку селились они на необжитых местах, им достались наделы с меньшей долей удобной земли, они попадали в кабальную зависимость от старожилов.

С началом проведения аграрной реформы (1906 г.) приток крестьян на дальневосточную окраину возрастает. В 1909 г. Столыпин П.А. формирует Комитет по переселению на Дальний Восток и разрабатывает широкомасштабную программу освоения Дальнего Востока. Программа предоставляла переселенцам различные льготы: право переезда за казенный счет, безвозвратная ссуда от 100 до 200 рублей в зависимости от района переселения, предварительные землеустроительные работы. В местах переселения были созданы школы и фельдшерские пункты, построены шоссейные дороги.

Несмотря на имеющиеся недостатки (местный бюрократизм, формальное отношение к нуждам переселенцев, недостаточное финансирование), переселенческая политика П.А.Столыпина имела прогрессивное значение. Увеличилось население Дальнего Востока. В 1907–1913 гг. темпы среднегодового переселения превышали 40 тыс. человек. Согласно данным исследователя П.Д. Лежнина, в период с 1859 по 1912 гг. в дальневосточный регион прибыли 383 692 переселенца [22, с. 18]. Новоселы освоили миллионы десятин земли, построили тысячи сел, дав толчок развитию производительных сил Дальнего Востока.

Колонизация Дальнего Востока на первом этапе имела ряд отличий от колонизации других территорий, отмечает доктор исторических наук, профессор Васильченко О.А. в своей работе [23]. Они влияли на формирование дальневосточного социума, на специфику зарождения и развития общественных процессов и явлений. Среди отличительных черт колонизации восточных земель можно выделить следующие:

1. Заселяемая территория была по существу необжитой. Коренные народы Дальнего Востока были весьма немногочисленными, а так как они занимались в основном рыбной ловлей и охотой, то не противились сельскохозяйственной колонизации.

2. Колонизация по преимуществу являлась крестьянской. Однако в отличие от других районов на Дальнем Востоке земледелие не стало основным занятием переселенцев. Оно не обеспечило полностью потребности региона в хлебе и других продуктах

3. Освоение Дальнего Востока началась в середине XIX века. Россия уже имела опыт колонизационной политики на севере и юго-востоке, в Приуралье, Сибири, Новороссии, Бессарабии и на Кавказе.

4. Царское правительство, опасаясь оставить помещичьи хозяйства без рабочих рук, препятствовало массовому переселению крестьян в обживаемые районы страны. Исключением стал Дальний Восток, заселение которого поощрялось властями ввиду той роли, которую играл этот регион во внешней политике России. Скорейшее заселение пустующих земель на востоке стало стратегической целью правительства.

5. Государство несло значительные затраты на переселение, оказание помощи переселенцам в организации сельскохозяйственного производства, проведение казенных работ.

Таким образом, переселенческая политика на Дальнем Востоке имела свои особенности, обусловленные спецификой региона, его богатым ресурсным потенциалом, суровыми природно-климатическими условиями, дефицитом свободной рабочей силы. Дальний Восток являлся для России, прежде всего, военным форпостом на берегах Тихого океана. Процесс освоения Дальнего Востока отвечал политическим интересам России. Быстрый рост населения Дальнего Востока создал благоприятные условия для экономического и культурного подъема региона.

Литература:

1. Шперк Ф.Ф. Россия Дальнего Востока. СПб., 1885.
2. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVIII-XIX вв. М., 1983.
3. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908.
4. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Владивосток, 1926.
5. Коровин А.Г. Очерк заселения Приморья // Приморье. Его природа и хозяйство. Владивосток, 1923.
6. Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока. Хабаровск, 1958.
7. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью Т. 8. Ч. 2. Иркутск, 1884.
8. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. Выпуск VIII. СПб., 1901.
9. Васильченко О.А. Страницы истории законодательное регулирование практики семейных переселений на Дальний Восток России (1860–1917 гг.). М., 2005.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). II. Т. XXXIII. 1860. Отд. П. №33988.
11. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909.
12. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995.
13. Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. СПб., 1905.
14. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб., 1896.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.
16. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8–9.

17. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб. 1901. Выпуск VIII. с. 221.
18. Лежнин П.Д. Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922.

Н.Н. Оглоблин как исследователь деятельности воевод и служилых людей Якутского и Мангазейского уездов (XVII в.)

Силаева Ирина Александровна, кандидат исторических наук, специалист по кадрам
ООО «СОТАКС»

В широко известном «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» видного историка и архивиста рубежа XIX — XX вв. Н.Н. Оглоблина получили разностороннее освещение судьбы административного аппарата и служилого населения Азиатской России. В частности, исследователь обращался к этим вопросам на материалах Якутского и Мангазейского уездов XVII в.

Среди различных документов Сибирского приказа, рассмотренных Н.Н. Оглоблиным, встречаются доклады о якутских приказных людях. Каждый из докладов, по свидетельству ученого, содержал сведения (выписки) из разных документов.

Отписка якутского генерала и воеводы М.О. Кривкова сохранилась в виде пометы на выписке 1685/86 г. доклада о вестях из Удского острога [1, с. 7].

В докладе 1686/87 г. сообщается о беглом якутском стрельце, обнаруженном в Москве уже при выполнении других обязанностей [1, с. 10].

Некоторые доклады содержали сведения об уменьшении или увеличении хлебного, денежного или соляного жалованья ружников и служилых людей. Такие доклады зафиксированы в 1703 г., в том числе по Якутску [1, с. 11].

Доклад 1686/87 г. сообщает об ограблении казны и убийстве в 1682/83 г. приказного казачьего десятника С. Брусенкина с пятнадцатью товарищами, совершенном юкагирами под Ковымским зимовьем Якутского уезда [1, с. 16].

В докладе за 1686/87 г. сообщалось о починке судов в Илимске и Якутске [1, с. 18].

Доклад 1686/87 г. посвящен проведению стрельбы на празднованиях в Якутске. Приговор на докладе разрешает стрельбу только на Богоявление [1, с. 20].

Н.Н. Оглоблин в числе документов по истории Сибири XVII в. выделял указы. Так, указ 1689/90 г. сообщает о возврате из Якутского острога ошибочно (без позволения тобольского воеводы боярина князя И.Б. Репнина) направленной дьяком М. Прокофьевым грамоты о поверстании подьячего К. Ушницкого в дети боярские [1, с. 22–23]. О регулярной (6 раз в год) отправке отписок государю говорилось в указных грамотах 1696/97 г., адресованных и якутским воеводам [1, с. 28]. Им же в 1702 г. была отправлена указная грамота о поисках горячей серы по реке Олекме [1, с. 30]. Н.Н. Оглоблин обратил внимание и на

такой вид документальных источников, как наказы и наказные памяти.

Сохранился наказ от 6 февраля 1638 г., направленный в Якутск воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову, дьяку Е. Филатову и письменному голове В. Пояркову. В наказе, в частности, определен предстоящий маршрут воевод с подчиненным им отрядом по сибирским рекам [1, с. 36]. Н.Н. Оглоблиным названы сибирские города, в которые направлялись наказы, среди которых был и Якутск [1, с. 37].

Наказная память 1702 г. была послана в Енисейск таможенному и кружечному голове Д. Тушову. Якутскому таможенному и кружечному голове И. Поршенникову адресована наказная память 1703 г.

Н.Н. Оглоблин указывает на то, что в течение 1634/35–1703 гг. наказы и наказные памяти в адрес таможенных голов направлялись в Якутск [1, с. 43]. Сохранилась наказная память 1651/52 г., которая была дана якутским казакам [1, с. 44].

Н.Н. Оглоблиным отмечен факт отправки наказных памятей с посыльщиками в Тобольск и Якутск за 1628/1629–1654 гг. [1, с. 45].

Роспись «великого государя» грамотам (1685/86 г.) отражала делопроизводство столов Сибирского приказа, среди которых был и Ленский (Якутский) [1, с. 49].

Н.Н. Оглоблин выделял и расходные памяти, касающиеся финансовых дел в Сибири. Из расходной памяти 1684/85 г. известно о переплете переплетчиком И. Фаворовым 30 якутских сметных, пометных, денежных, хлебных, ясачных именных книг в полдсть [1, с. 75].

Сохранилась «ведомость подлинная, что в казну великого государя, в Сибирский приказ, по счетным спискам, и по крепостям, и по делам, взята из доимки», составленная в 1701 г. и содержащая сведения по Ленскому (Якутскому) столам. В ведомости говорилось о взыскании «начетных» денег [1, с. 76].

За 1651/52 г. сохранились расспросные речи якутских казаков С. Харитонов и К. Терентьева о Даурской земле и о походе туда Е.Хабарова [1, с. 102].

Н.Н. Оглоблин рассмотрел также документы по истории служилых людей Мангазеи и Мангазейского уезда.

Так, сохранился доклад 1634/35 г. со сведениями о мангазейской десятинной мягкой рухляди [1, с. 5–6].

В докладе от боярина князя Б.М. Лыкова, дьяков Ф. Иванова и И. Переносова за 1634/35 г. речь шла о мангазейской мягкой рухляди [1, с. 9]. Доклад 1634/35 г. посвящен недобору «в мангазейский ясак».

Доклад 1680/81 г. сообщает о принятых мерах по возрождению старого «Мангазейского города» [1, с. 16].

В записных книгах зафиксированы грамоты, направленные в Мангазею. Так, относительно Мангазеи сохранились записные книги за 1700–1710 гг. По замечанию Н.Н. Оглоблина, записная книга 1686/87 г. содержит описи отписок и грамот, касающиеся Мангазеи.

Росписи грамотам (1679/80 и 1681/82 гг.) передавали содержание грамот Мангазейского стола [1, с. 50].

В книге приходной за 1627/28 г. имелось несколько разделов, в одном из которых отражена смета поступления пушнины по Мангазее. Книга также содержала роспись стоимости сумм пушнины, присланной из Сибири [1, с. 59].

Приходная книга 1628/29 г. содержит сведения об отборе наиболее ценной пушнины из «мангазейской присылки» в подарок турецкому султану Мурату [1, с. 61].

Как указывает Н.Н. Оглоблин, сохранилось несколько таможенных счетных списков по таможням Мангазеи (1703 и 1705 гг.) [1, с. 69].

Литература:

1. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). / Сост. Н.Н. Оглоблин М., 1901. Ч.4. Документы центрального управления.

Две легенды об основании Киева (к вопросу об участии хазар в основании Киева)

Скиба Валерий Михайлович, председатель

Брянковская молодежная общественная организация «Историко-археологический клуб «Скиф»

Сегодня, рассматривая вопрос об основании Киева, мы, в первую очередь, опираемся на легенды, которые сохранились в русских летописях. К ним можно добавить еще один документ — отрывок из «Истории Тарона» армянского автора Зеноба Глака.

В русских летописях предание об основании Киева сохранилось в двух основных версиях. Начальный летописец с первых же слов дает обоснование названию Киева: «Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая мѣста тако прозвани быша грады в имена царев тѣхъ и князеи тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицають тако перевозника бывша; инѣ же: ловы дѣяше около города» [1, с. 103]. Дальше летописец конкретизирует детали основания го-

Расходная память от 1689/90 г. содержала данные о покупке книг и церковных принадлежностей для мангазейского Троицкого монастыря [1, с. 73].

О мангазейской соболиной казне говорилось в ценовой росписи 1636/37 г. (с пометой дьяка от 10 декабря).

Н.Н. Оглоблин среди других документов рассматривал записи, выписи и росписи. Так, по его свидетельству, в записи 1628/29 г. зафиксирована недостача соболей, присланных из Мангазеи [1, с. 86]. Роспись 1638/39 г. отражала недобор в ясачной казне из Сургута и Мангазеи за 1631/32–1634/35 гг. [1, с. 87].

Сохранилась наказная память целовальнику (1636/37 г.), об уходе за двумя живыми соболями, которых из Мангазеи направили царю [1, с. 95].

В расспросных речах 1639/40 г. мангазейского воеводы Б. Пушкина и местных жителей сообщалось о передаче города дьяку П. Спиридонову на период до приезда нового воеводы [1, с. 103].

Рассмотренные Н.Н. Оглоблиным документы показывают, что якутские и мангазейские служилые люди были вовлечены в разнообразную административную деятельность, подобно служилым других уездов, хотя и с рядом специфических черт, обусловленных условиями колонизации далеких северных земель.

рода на Днепре: «В лѣто 6352. Начало земли Рускои. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstech и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ. И быша три братия: единому имя Кии, второму же имя Щекъ, третьему же имя Хоривъ, а сестра их Лыбедь. И сѣдѣше Кии на горѣ, идѣже нынѣ увоз Боричевъ, и бѣ с родомъ своимъ; а братъ его Щекъ на друзии горѣ, от него же прозвася Щековица; а третии Хоривъ, от него же прозвася Хоривица. И сотвориша градокъ, во имя брата своего старѣишаго и наркоша имя Киевъ» [1, с. 104–105].

Нестор, сохраняя основную канву легенды начального летописца, несколько уточняет ее. Эти уточнения можно объяснить несколькими моментами. Во-первых, он считает себя Полянского рода, и сразу выделяет полян среди других славянских племен: «Полянѣмъ же живущим особѣ и владѣющимъ роды своими». Другие славянские племена для него «проции погани» [2, с. 16, 22]. Во-вторых, ле-

топи́сец представляет версию о перевозчике более подробно с той лишь целью, чтобы опровергнуть ее, обосновывая детально княжеское происхождение Кия: «Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть; у Киева бо перевозъ бяше тогда съ оной страны Днепра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевѣ. Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Царюграду» [2, с. 18]. Предание начального летописца, дополненное Нестором, продолжало существовать и записываться в русских землях вплоть до нового времени.

Новгородская летопись датирует время основания Киева 854 годом. Но в вопросе даты основания города обратимся к источнику, который уже существовал до этого, скорее всего условного, года основания, и не был известен русским летописцам. В «Истории Тарона», написанной, по мнению Н.Я. Марра, в VII веке есть вставка, которая не относится непосредственно к истории Армении. Н.Я. Марр обратил внимание на поразительное сходство этой легенды с преданиями русских летописей об основании Киева. По армянской легенде три брата Куар, Мелтей и Хореван основывают три города и дают им названия по своим именам. А позже, поднявшись на гору Каркея, основывают там селение [3, с. 60]. Армянская и русская легенды совпадают рядом конструктивных деталей, числом героев и даже описанием природы, где был заложен город. Основным отличием двух свидетельств об одном событии является сохранение в армянской легенде племенного, а не кровного родства героев. Именно в этом контексте необходимо и рассматривать личности самих братьев, а, следовательно, и событие основания города.

Как и все предания, легенда об основании Киева в русских летописях имеет два пласта — мифологический и исторический. Вернее, таковыми мы их видим сейчас, для людей того времени они воспринимались в неразрывном единстве. Как мы уже отмечали выше, армянская версия была написана раньше по времени и сохранила больше деталей были, в отличие от русских летописей, связанных с рядом мифических напластований. К тому же, отрывок из «Истории Тарона» отодвигает дату основания Киева, по крайней мере, к периоду конца VII — начала VIII веков. В этой связи рассматривать легенды об основании Киева, а с ними и личности основателей необходимо именно с позиций историко-этнической ситуации, которая сложилась в Среднем Поднепровьи в этот период.

Полянский племенной союз сформировался в результате консолидации двух племенных групп — словен-дулебов и антов. Наследие тех и других подтверждается археологически, и сохранялось еще в раннем Средневековье Руси [4, с. 112]. Толчком же к основанию укрепленного поселения Киева послужило вторжение носителей волынцевской культуры с Левобережья Днепра. Племенных групп таким образом становится три — анты, дулебы и северы, в рядах которых были кочевники. Археологические исследования доказывают присутствие «салтовцев» в VIII веке на территории Киева [5, с. 137]. В этом случае присутствие в летописях трех бра-

тьев «с родами своими» вполне объяснимо. Братьями по крови Кий, Щек и Хорив становятся позже, в представлении славянских летописцев, которые были подвергнуты закону жанра — основание города тремя братьями. В любом случае они стали братьями, заложив город и создав единый Полянский союз. Тройственное соправительство, которое сохранялось вплоть до IX столетия, стало основой договора между племенами, заключенного при вторжении северы в полянские земли. Именно в такой ситуации Кий оказывается «перевозчиком». Это не унижение достоинства князя, а указание на переправу князя и его людей с левой стороны Днепра. Кий — является северским антом, предводителем вторгнувшихся племен с Днепровского Левобережья. Этим и объясняется мифический пласт легенды — именно от антов в славянской среде распространился миф о Кие-Свароге и связанные с ним представления о княжеской власти. Это был вариант славянского мифа о божественном кузнеце Свароге, который победил Змея Трояна. Имя старшего брата восходит к индоевропейскому обозначению божественного кузнеца — Кия, победителя Змея. Однако в летописях этот мифический пласт легенды отражения не нашел. После крещения Руси и борьбы с языческими пережитками, он был просто вычеркнут. Но сведения о том, что Кий пришел «из диких полей» и мифические предания о Ковале сохранялись в киевской округе вплоть до XVIII века [6, с. 21]. В отношении Кия как исторической личности, украинский историк О.В. Борисова переводит имена трех братьев с санскрита как «Царь (конунг, князь) имеющий право брать (грабить, накладывать дань)» [7, с. 20]. Данный перевод, а вернее версия об одном основателе, а не трех, заставляет по-новому взглянуть на историю основания Киева. Если Кий — царь, предводитель пришлого из степей населения, тогда Лыбедь в этом случае не сестра, а жена могущественного представителя степного племени. Вполне отвечает реалиям того времени.

Интересным выступает и тот факт, что после образования Киевской Руси, население «диких полей» сохраняет профессию своего знаменитого предка — «перевозчика» Кия. Это население, обосновавшееся в XI–XIV веках в бассейне Северского Донца и Дона, не раз упоминается в письменных источниках под именем «бродники». Кроме русских летописей, упоминание о бродниках можно встретить и в западноевропейских и византийских источниках. Так, посол Людовика Святого к Батыю Рубруквис, посетивший южную часть Русской степи в 1253 г., описывает бродников как особый алано-русский народ. Западно-европейский посол восхищается их военным мастерством [8, с. 99, 105, 119].

Большинство исследователей, опираясь на письменные источники, считают, что бродники — это действительно смешанное население, которое включало в себя славянский и алано-болгарский элементы [9, с. 66–70]. Византийский историк XII–XIII веков Никита Хониат считает бродников ветвью русских, называя их «тавроскифы». [10, с. 111]. Не смотря на то, что они враги Ви-

зантии, Хониат пишет о них как о смелых, мужественных воинах. По мнению О.Б. Бубенка, бродники русских летописей XII века — это аланы, а точнее население, которое во многом наследовало салтовские и Среднеднепровские традиции [11, с. 127–136]. Археологические древности, которые интерпретируются с бродниками в бассейне Северского Донца были открыты луганским археологом М.Н. Ключевым при исследовании крепости-поселения у с. Нижнетеплое [12, с. 42–45]. Род занятий бродников и упомянутое голландским дипломатом и другими авторами их военное мастерство подтверждает тезис о процессе этногенеза, а именно — закрепленные во времени стереотипы поведения. Временной период довольно большой — от полуполюгендарного Кия до бродников XII–XIII веков. Именно стереотип поведения — менталитет — позволяет четко проследить эволюцию этноса, рассмотреть его признаки, как базовые, так и привнесенные извне. Напомним, что еще во времена существования волынцевской археологической культуры смешанное славяно-аланское население формировалось в славянской среде как раз как воины-всадники, да еще и «перевозчики», возглавляемые Кием.

В отношении братьев Кия, то их можно соотнести с дубовской и кочевой частью союза. Нас, в большей степени, интересует Хорив. Название горы «Хоривица», на которой сел этот брат, явно не славянское. Некоторые исследователи видят в этом названии отражение имени ветхозаветной горы Хорив, и связывают это с присутствием в Киеве хазар [14, с. 337]. До принятия иудаизма, ранние хазары склонялись к христианству, и скорее всего, были знакомы с библейской образностью задолго до иудейских проповедей. С этой точки зрения название происходит от библейской горы, а Хорив — это славянское производное хазарского предводителя. В русских летописях его неславянское происхождение забылось, однако мы можем найти его в армянском источнике. Лишь в отношении этого брата идет уточнение, что он поставил свой город в области Палуни (Поляне) и назвал его Хореан [3, с. 60]. Основание городов Куаром и Мелтеем в этой области было естественно, так они были славяне. В связи с этим, можно предположить, что именно при посред-

ничестве хазар эта легенда могла попасть в армянскую хронику, они принимали в основании города непосредственное участие и знали все детали этого предприятия. Интересна в этом случае еще одна запись в летописи: «...и наидоша я Козаре, сѣдѣющая в лѣсѣхъ на горахъ, и ркоша Козарѣ: «платите нам дань» [2, с. 24]. Исходя из этих слов Нестора, хазары находились совсем рядом, в лесах, окружавших Киев. Вспомним текст летописи об основании города: «И бѣше около города лѣсъ» [2, с. 16]. Хазары полностью не ушли в степи, часть их продолжала проживать в Киеве и в его окрестностях. Отношения со славянским населением менялось с течением времени. А дань мечами была, скорее всего, патристически переосмысленная в более позднее время капитуляция славянского населения перед более грозным, на то время, противником.

Тюркские корни, а вернее двойственность происхождения прослеживается и в этимологии имени Кия. У славян — Кий означает дубина, боевой молот, что можно связать с легендой про кузнеца-Сварога. В тюркском значении Кий — высокий берег. В этой связи интересен еще один источник, в котором также прослеживается тюркское начало основания Киева. В труде «Об управлении империей» Константина Багрянородного Киев назван крепостью Киова, которую называют также Самбатас [8]. Среди множества версий объяснения этимологии этого слова существует и тюркско-хазарское: sam — высокий, верхний, bat — высокое укрепление. Это объяснение соответствует реальному местоположению Киева. Возможно, что это более позднее название, связанное с влиянием Хазарского каганата на развитие Руси. Археологические исследования, находки монетных кладов только подтверждают, что экономический подъем Киева проходил под эгидой хазар.

Таким образом, основание Киева, по сути, стало первой попыткой объединения аборигенов и пришлого населения в единый союз под одним именем вокруг одного городского центра. Хазары, приняв участие в основании Киева, дали толчок для формирования его как города по европейским критериям, которые существовали в то время: наличие торговли, экономики, административных органов.

Литература:

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. — 659 с.
2. Повесть минулих літ: Літопис (за Іпатським списком) / [Пер. з давньоруської, післяслово, комен. В.В. Яременка]. — К.: Рад. Письменник, 1990. — 558 с.
3. Марр Н.Я. Книжные легенды об основании Куара и в Армении и Киева на Руси / Н.Я. Марр // Избранные произведения. Т. 5. — М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — 689 с.
4. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В.В. Седов. — М.: Наука, 1982. — 328 с.
5. Каргер М.К. Древний Киев / М.К. Каргер. — Т. 1. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — 580 с.
6. Гизель И. Синопис или Краткое собрание различных летописцев, о начале славяно-русского народа. / И. Гизель. — К.: Типография Лавры, 1680. — 218 с.
7. Борисова О.В. Релігійний чинник у геополітичних устремліннях еліт України в добу Середньовіччя: монографія / О.В. Борисова. — Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. — 320 с.

8. Вильгельм де Рубрук Путешествие в восточные страны // Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. — С. 79—194.
9. Козловский А.А. Этнический состав оседло населения южного Поднепровья в IX-XIV вв. // Земли Руси в IX-XIV вв. (История и археология): Сб. Научных трудов. — Киев, 1985. — С. 66—70.
10. Византийский временник / Акад. наук СССР. Ин-т всеобщ. истории. — М.: Наука, 1953 — Т. 41 / [Редкол.: З.В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. — 1980. — 311 с.
11. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.) / О.Б. Бубенок. — К.: Логос, 1997. — 224 с.
12. Ключнев М.Н. Исследование крепости-поселения XVII — XVIII вв. в с. Нижнетеплое Луганской области // Исследования археологических памятников эпохи украинского казачества: Сборник научных трудов. Вып. 3. — К, 1994. — С. 42—45.
13. Вернадский Г.В. Древняя Русь / [Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана. Под ред. Б. Николаева]. / Г.В. Вернадский. — Тверь: ЛЕАН, 1999. — 448 с.
14. Константин Багрянородный Об управлении империей. — 2 изд. — М.: Наука, 1991. — 496 с.

5. АРХЕОЛОГИЯ

Из истории изучения городища Аркаим – уникального памятника древней цивилизации

Корженко Ольга Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент;
Косаковская Анна Александровна, студент
Белгородский государственный институт искусств и культуры

В Брединском районе Челябинской области, на высоком мысу, образованном слиянием рек Большая Караганка и Утяганка, расположен уникальный исторический памятник – городище Аркаим, относящееся к эпохе средней бронзы рубежа III–II тыс. до н.э. Это поселение является природно-ландшафтным и историко-археологическим заповедником – филиалом Ильменского государственного заповедника. Удивительны богатство и сохранность данного памятника, но не менее удивительна и история его открытия и исследования.

Официально считается, что городище Аркаим было открыто в июне 1987 года на юге Челябинской области. Однако существует мнение о том, что этот исторический памятник был открыт целых 3 раза. Впервые его обнаружили военные картографы, и он был нанесен на военные карты приблизительно в 1957 году. Затем следует открытие гражданскими картографами – при проведении аэрофотосъемки, с воздуха, было обнаружено нечто непонятное. Решив, что это засекреченный военный объект, картографы не стали оставлять его снимки и описания.

Спустя 18 лет произошло третье, окончательное открытие Аркаима. Его обнаружили археологи, точнее школьники из археологического кружка, приданных экспедиции археологов. Данное открытие произошло в ходе охранных раскопок в зоне строительства Больше-Караганского водохранилища, которое было необходимо для нужд Большекараганской межхозяйственной оросительной системы. Все объекты, расположенные в зоне строительства, должны были затопить, и археологи исследовали данную местность. Та археологическая экспедиция под руководством С.Г. Боталова и В.О. Мосина отправлялась, как полагали, на малоперспективную работу – предстояло обследовать неинтересный с точки зрения находок обширный степной район. Удивительно, что всего в нескольких километрах от экспедиционного лагеря школьники обнаружили характерные рельефы местности. Внимание исследователей привлекли валы, которые, как выяснилось позже, окружали поселение, каких в этой зоне раньше не находили. Оно было круглым, укрепленным снаружи, диаметром около 150 метров. Здесь находились десятки жилых помещений –

полуземлянок с очагами, погребями, колодцами и металлургическими горнами.

Весь этот комплекс, названный Аркаимом (по названию сопки и урочища – возможно, от тюркского «арка» «хребет», «спина», «основа»), оказался поистине уникальным, и его, безусловно, надо было спасать от затопления. Можно сказать, что спасение Аркаима – почти что чудо, и случай такого рода едва ли еще где-нибудь отмечен за всю советскую историю. Сперва многим казалось, что памятник обречен – так о нем и говорили средства массовой информации. К моменту его обнаружения археологами, в самых высоких кабинетах уже были подписаны соответствующие чертежи и распоряжения, были затрачены немалые деньги и полным ходом шли строительные работы. Уже была возведена подпорная дамба; оставалось только засыпать короткую перемышку – и внешние воды не оставили бы от Аркаима никакого следа. Однако, к счастью, благодаря активной позиции директора Эрмитажа академика Б.Б. Пиотровского, председателя Президиума Уральского отделения АН СССР академика Г.А. Месяца и еще целого ряда неравнодушных специалистов-археологов этот памятник все-таки удалось отстоять. В апреле 1992 года территория (3300 га) с находящимся на ней поселением была выделена Советом Министров РФ под организацию экспериментального природно-ландшафтного и историко-археологического заповедника.

Еще до создания этого заповедника, с 1991 года, начались масштабные раскопки Аркаима – под руководством Геннадия Борисовича Здановича. В ходе работ было вскрыто около 8000 кв. м площади поселения (примерно половина). Вторая же его часть была исследована с помощью археомагнитных методов. Тем самым была полностью установлена планировка памятника. Здесь же был впервые в Зауралье применен метод реконструкции, и Л.Л. Гуревичем сделаны рисунки возможного вида поселения. Исследования памятника также потребовали использования разнообразных естественнонаучных методов (палеопочвоведческих, геолого-минералогических, геолого-морфологических, радио-углеродное датирование и др.). Было выяснено, что памятник датируется рубежом III–II тысячелетий до н.э.

Это одно из тех открытий, которые понуждают ученых заново пересматривать десятилетиями (а иногда — и веками!) выстроенную систему взглядов на обширную и мировоззренчески важную область исследований. Открытие Аркаима заставило всех историков изменить представления о бронзовом веке на территории Урало-Казахстанских степей. Теперь, по результатам раскопок, стало ясно, что эти земли не были задворками мира, вступавшего в эпоху цивилизации. Дело в том, что высокий уровень развития металлургии обеспечивал этому региону весьма заметное место в культурном пространстве, протянувшемся от Средиземноморья до нынешнего Казахстана и Средней Азии.

Ранее историки говорили преимущественно о влиянии традиционного цивилизационного пояса на более северные регионы Средней Азии, Прикаспия и Причерноморья. Сегодня со всей уверенностью можно говорить не только о встречном влиянии степи, но, более конкретно, об истоках крупных индоевропейских миграций, зафиксированных в письменных источниках конца III — начала II тыс. до н.э. Все это свидетельствует о значительном вкладе древних степных народов в общемировую культуру.

Первооткрыватель памятника — археолог Г.Б. Зданович — рассматривает Аркаим как ярчайший пример синкретизма первобытности, слитности и нерасчлененности самых различных начал — одновременно и крепость, и храм, и ремесленный центр, и жилой поселок.

За последнее время некоторые исследователи также пришли к выводу, что Аркаим — это и крепость, и мастерская металлургов, где выплавлялась бронза. Однако тут кроется масса загадок. В частности, при раскопках обнаружено большое количество домашних железных орудий и остатки металлургического производства. Надо отметить следующее: совершенно необычно для исследователей то, что в обычном аркаимском доме стояла металлургическая печь! При этом нужно отметить, что плавильные технологии были достаточно совершенны, несмотря на то, что они относятся к 1800 году до нашей эры.

С аркаимской металлургией, как отмечают исследователи, связана и еще одна загадка. Вполне очевидно, что для того, чтобы плавить металл, нужна руда. Геологи же говорят, что руды в этих краях на доступной глубине почти не было, за исключением небольшого рудника «Воровская яма». Но и в этом случае на поверхности руды было явно недостаточно, да и находилось она довольно-таки далеко. Учитывая, что ни самосвалов, ни паровозов тогда еще не придумали, возникает вопрос, как жители Аркаима доставляли к месту плавки тонны руды?

Есть еще три момента, которые заставляют задуматься об особенностях аркаимской металлургии. Во-первых, при анализе бронзовых изделий на содержание мышьяка выяснилось, что часть бронзы — местная, а часть — явно не уральского происхождения. Во-вторых, для выплавки металла требуется огромное количество угля, то есть переработанной древесины. Палеоботаники же утверждают, что лес тогда в здешних степных краях

гуще не был. И, в-третьих, когда в восстановленной археологами печи пытались выплавить металл, его оказалось так мало, что о промышленном производстве изделий и речи быть не могло. Можно сказать, что данная тайна пока не раскрыта.

Главной ценностью и еще одной загадкой раскопок городища Аркаим ученые признают конструкцию его сооружений. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что это поселение было не конгломератом разрозненных объектов, а цельной, единой конструкцией. Общий план поселения выглядит так: два вписанных одно в другое кольца мощных оборонительных стен (внешняя обведена рвом глубиной 1,5–2,5 метра), две кольцевые улицы жилищ, припавших изнутри к этим стенам, а в геометрическом центре колец — площадка в форме слегка сплюснутого круга диаметром 25–27 метров, тщательно выровненная, утрамбованная и, может быть, даже укрепленная каким-то цементирующим раствором. Диаметр внешней стены — около 150 метров при толщине в основании 4–5 метров. Возведена она была из бревенчатых клетей, забитых грунтом с добавлением извести, а снаружи облицована сырцовыми блоками, начиная со дна рва и до верхнего среза — в общей сложности 5–6 метров. Внутренней стеной была обнесена, видимо, цитадель — диаметром около 85 метров. Толщина этой стены была поменьше — 3–4 метра, а высота, скорее всего, больше, чем наружной. Была она строго вертикальной и снаружи — по бревенчатой облицовке — обмазана глиной.

Кольца жилищ были разделены на сектора радиальными стенами — в плане они подобны спицам колеса. Стены эти были общими для каждых двух соседних помещений. Возле внешней стены было, как установлено геофизическими исследованиями, 35 жилищ, возле внутренней — 25.

Сама геометрия постройки таит в себе загадки. Наличие смотровых башен и четкая геодезическая ориентированность дают предположения о том, что город использовался для наблюдения за небесами. Данное сооружение, как выяснилось, геодезически строго ориентировано по странам света.

В течение двух полевых сезонов (1990 и 1991 годов) на Аркаиме проводил изыскания астроархеолог Константин Константинович Быструшкин. Частично они вписывались в общий план археологических работ — позволяли уточнять некоторые детали в полевых документах раскопок, а частично отвечали направленности собственных научных интересов исследователя. Предварительные результаты наблюдений и измерений были им обобщены и доложены на весьма авторитетных собраниях специалистов: на астрономическом семинаре в Пулковской обсерватории, в ленинградском филиале Института истории естествознания и техники, в Институте теоретической астрономии, в Астрономо-Геодезическом обществе, а также в Институте имени П.К. Штернберга в Москве и в Свердловской обсерватории. По мнению этого исследователя, Аркаим, помимо прочего, представляет собой обсерваторию,

причем — наиболее сложную из всех ныне известных человечеству. В этом отношении он сопоставим со Стоунхенджем — знаменитым сооружением на Солсберийской равнине в южной Англии.

Согласно исследованиям К.К. Быструшкина, Аркаим позволяет отслеживать 18 астрономических событий: это восходы и заходы солнца в дни равноденствия и солнцестояния, а также восходы и заходы низкой и высокой Луны. Аркаим и его жилища, где стена одного дома является стеной другого, по версии ряда ученых, отражают «круг времени», в котором каждая единица определяется предыдущей и определяет последующую. У исследователей есть небезосновательные предположения, что Аркаим являлся духовным центром древней Сибири и Урала, городом древних ариев — народа необычайной мудрости и удивительных знаний.

В то же время можно предположить, что выполнение роли инструмента астрономических наблюдений не было единственной или даже главной функцией древнего сооружения. Этот вывод следует из того, что далеко не все выявленные элементы конструкции городища и знаки на го-

ризонте вокруг него можно идентифицировать в качестве деталей астрономического «инструмента».

Отсюда можно заключить, что астрономические наблюдения составляли лишь одну из многих граней той сложной, комплексной функции, которую выполняло поселение Аркаим.

С момента открытия городища Аркаим в степном Зауралье прошло около двадцати пяти лет. За это время для его охраны, как уже говорилось, возник заповедник. Также был создан мощный научно-исследовательский, образовательный и культурно-просветительный комплекс. В основе проводимых исследований лежит комплексный подход к изучению древности во взаимосвязи природных систем и человеческих обществ. Активная музейная и просветительская работа осуществляется в рамках диалога культур, диалога прошлого и настоящего, в котором неизменно присутствует еще одна сторона — сторона будущего.

Необходимо еще и еще раз обращаться к единым первоосновам культур Евразии — для дальнейшего создания и развития.

Литература:

1. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район / Зданович Г.Б. и др. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003.
2. Быструшкин К.К. «Феномен Аркаима» М.2003.
3. Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Кириллов А.К. Аркаим и «Страна городов»: Археологические очерки (материалы к экскурсии). Челябинск, 2003. — 52 с.
4. <http://www.arkaim-center.ru>

Охранные исследования курганов в Таганроге в 2010–2012 гг.

Качевский Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент;

Ромашенко Елена Владимировна, заведующая лабораторией археологии и палеонтологии

Таганрогский государственный педагогический институт им.А.П.Чехова

В 2010–2012 гг. исторический факультет Таганрогского государственного педагогического института в рамках организации археологической учебной практики студентов первого курса осуществлял полевые исследования курганного могильника, расположенного на территории дачного некоммерческого товарищества «Скиф» на северо-западной окраине г. Таганрога Ростовской области. Данный археологический объект относится к выявленным памятникам регионального историко-культурного значения и состоит на учете в инспекции по охране памятников истории и культуры при областном Министерстве культуры. Охранные спасательные археологические работы проводились за счет средств внутренних грантов пединститута. Исследования могильника, состоящего из 4 курганных насыпей, затронули курганы №2 и №3 и уже в 2010 году дали интересные научные результаты.

В восточной части кургана №2, достигавшего высоты в два метра и в диаметре превышавшего 30 метров, было прослежено впускное погребение раннего железного века. На основании анализа сопровождающего инвентаря его можно датировать второй половиной IV — началом III вв. до н.э. Погребение совершено в земляной насыпи кургана, сложившегося в эпоху бронзового века. Скифский мужчина-воин похоронен в деревянной колоде-гробовище, помещенной в могильную яму глубиной 1,8 м. и длиной 2,1 м., которая прорезала насыпь кургана эпохи бронзы. Костяк был ориентирован головой на юго-запад, лежал в вытянутом положении, на спине. Возраст погребенного определяется по сохранившимся костям черепа и зубам в пределах 25–30 лет, рост — средний, приблизительно 170 см. Погребенного мужчину сопровождал заупокойный вещевой инвентарь. На левом боку находились

короткий железный меч-«акинак» и колчан со стрелами (всего семь древков стрел, из них только два — с бронзовыми наконечниками, остальные без наконечников). От колчана сохранился железный крючок, за который его подвешивали к поясу, и одна глазчатая пастовая бузина голубого цвета, вероятно нашитая на ткань колчана. За гробовищем, в восточной части могильной ямы, стоял красноглиняный кувшин древнегреческой работы, рядом с ним находились железный ножичек и кости барана, являвшиеся заупокойной пищей. Возможно, что скифский воин был облачен в погребальные одежды, от них сохранилась бронзовая проволочная застежка-фибула, выявленная в районе левого плеча. К сожалению, сохранность железных предметов и большинства костей скелета неудовлетворительная вследствие деятельности землеройных животных, относительно лучше сохранились бронзовые изделия и кости черепа. Необходимо сказать, что данный археологический комплекс является первым на сегодняшний день скифским погребением, раскопанным на территории Таганрога.

Раскопки сезона 2011 года продолжали и расширили исследования, начатые в 2010 году. Исследовались два кургана данного могильника (№2 и №3). Выяснилось, что в основании кургана №2, на вершине которого было совершено скифское впускное погребение эпохи раннего железа, находилось погребение человека, совершенное в позднем бронзовом веке (около 1500–1400 лет до н.э.). Взрослый, и, вероятно, пожилой мужчина (около 45–50 лет) европеоидного расового типа был погребен в скорченном положении, лежа на левом боку. Могильная яма овальной формы имела деревянное перекрытие в верхней части, вероятно, сооруженное после того, как погребенный был засыпан землей. Под костяком прослеживался тлен коричневого цвета, возможно следы циновки-подстилки. В заполнении ямы прослеживался цветочный тлен, что свидетельствует о возложении венков из полевых цветов и трав в момент совершения погребального ритуала. Ориентировка умершего головой на запад, в сторону заходящего солнца, также могла иметь ритуально-магическое значение. На дне могилы, напротив рук покойника, была обнаружена сильно истлевшая деревянная чашечка или стопочка, окованная бронзовой проволокой. Возможно, она играла роль сосуда для заупокойной напутственной пищи. Поверх могилы, в земляной насыпи кургана, удалось проследить остатки погребальных тризн. Это прослойки пепла и золы, а также находящиеся в них мелкие кости домашних животных (козы или овцы). Причем эти поминальные ритуалы (т. н. огненные тризны) происходили неоднократно (не менее 4 раз), сопровождаясь досыпками земли на курган, в результате чего он постепенно приобрел большие размеры (около 2,5 м в высоту, в диаметре примерно 40–45 метров).

Данный курган имеет свою загадку, которую отчасти удалось разгадать в процессе исследований в 2010–2011 гг. В северо-восточной части курганный насыпи была выявлена и прослежена очень глубокая (до 7 метров) мо-

гильная яма катакомбного типа, в длину достигавшая 12 метров, если считать от современной поверхности земли. Она уходила под курганный насыпь к востоку в виде длинного тоннеля-дромоса шириной в один метр, вырубленного в глине. Пол тоннеля имел выбитые в суглинке ступени. В конце тоннель разделялся и образовывал две комнаты, вероятно погребальные камеры, своды которых осели в древности. Однако в камерах не оказалось ни скелетов погребенных людей, ни сопровождающего их вещевого инвентаря. Следов древнего или современного ограбления данного загадочного сооружения также не было выявлено, вся катакомба была засыпана грунтом сразу после ее создания. Вероятно, что это был так называемый кенотаф. Определить время его создания не представляется возможным. Аномально большой для кенотафа является длина дромоса (11 метров) и глубина дна погребальных камер (около 7 метров) исследованного нами сооружения. Неясным остается социально-психологический смысл сооружения столь большого кенотафа. Известные нам аналогии на Украине и в Осетии не превышают 10 метров в длину и датируются скифским временем, поскольку имели сопровождающие вещи — артефакты. Не исключено, что изученная катакомба-кенотаф также относится к скифскому времени, как и погребение скифа-воина, исследованное в этом же кургане в 2010 году [1, 75–76].

В сильно распаханной насыпи кургана №3, расположенного в 12 метрах к востоку от кургана №2, в сезоне 2011 года по финансовым причинам раскопана была только северная часть насыпи, южная половина кургана доследовалась в июне 2012 года. В 2011 году выявлено два погребения, тяготеющих к центру кургана. Одно из них относилось, по всей вероятности, к эпохе раннего железного века. Более точная датировка невозможна, поскольку погребение было ограблено в древности. Сохранились разрозненные кости скелета взрослого человека, скорее всего мужчины 25–30 лет. Судя по прослеженным размерам могильной ямы, этот погребенный был высокого роста и мог иметь богатый вещевой инвентарь (общая длина могилы равна 2,2 метра). Могила изначально имела перекрытие из крупных камней ракушечника, полностью разрушенное при ограблении. В заполнении грабительской ямы камни залегали вперемешку с землей и малочисленными неопределимыми фрагментами человеческих костей. Очевидно, грабители просто сбросили их в разоренное погребение. Более древним оказалось второе погребение, расположенное на 10 см ниже первого, но оказавшееся неразграбленным. Оно является основным погребением в кургане №3. Удалось проследить полный скелет человека европеоидного расового типа (вероятно, женщины молодого возраста (20–25 лет)). Поза умершего сильно скорченная, костяк лежал на правом боку, ориентирован головой на восток-северо-восток. У головы обнаружен глиняный горшок без орнамента со слабо выраженным плоским дном. Рядом с ним находилась т.н. «жаровня», то есть плошка, сделанная из стенки кухонного горшка и

имеющая следы горения на внутренней стороне глиняного черепка. Возможно, что «жаровня» выполняла функцию светильника при совершении погребальной церемонии. И горшок, и «жаровня» были изготовлены ручным способом, без применения гончарного круга. В районе височных костей черепа и у нижней челюсти прослежены остатки миниатюрных бронзовых украшений, возможно сережек или пронизки. Колени, стопы и голова были пересыпаны красновато-бурой охрой. Совокупность прослеженных деталей погребального обряда позволяет предвзительно датировать данное захоронение ранним этапом бронзового века, в пределах III тысячелетия до н.э.. На сегодняшний день это погребение является самым древним захоронением человека, обнаруженным на территории г. Таганрога [2, с. 270–271].

Раскопки сезона 2012 года завершали исследования курганного могильника. Доследовался курган №3, южная часть насыпи. В ней были выявлены два погребения (№3 и №4), расположенные ближе к центральной части кургана. Возможно, что оба они относятся к позднему бронзовому веку и являются впускными захоронениями. В стратиграфических разрезах бровок досыпки насыпи после совершения данных погребений не выявлены.

Погребение №3 обнаружено в 70 см от южной бровки кургана. Могильная яма в разрезе не прослеживалась. Размеры ямы округлой формы крайне малы, в диаметре не превышая 55 см, глубина ямы — 1,3 м. от современной поверхности курганной насыпи. На ее дне, на сероватом тлене (вероятно, от травяной подстилки-?) выявлено скопление фрагментированных костей скелета взрослого человека, залегающих с нарушением анатомического порядка, т.н. «костяной пакет». Наиболее сохранились кости черепа и конечностей, ребер и грудного отдела позвоночника. В заполнении ямы встречались мелкие комочки охры и цветочный тлен. Следов преднамеренного ритуального разрушения или ограбления погребального комплекса не отмечено. Возможно, данное захоронение совершено в позднем бронзовом веке в магико-ритуальных целях.

Погребение №4 прослежено в 1,4 м. к северо-западу от погребения №3 и совершено в яме овально-подпрямоугольной формы, контур которой был зафиксирован в предматериковом суглинке с отметки 1,1 м. от современной поверхности насыпи кургана. Общая глубина могильной ямы достигала 2,2 м от поверхности земли. В заполнении ямы сначала прослеживался обильный древесный тлен, возможно, это следы перекрытия могилы плашками или ветками, либо следы от погребальных носилок-катафалка. Под древесным тленом выявлен цветочный тлен, вероятно, от погребальных венков. Дно ямы было выстлано

какой-то тканью, от которой сохранился тлен красновато-коричневого цвета. Прослеживаются остатки ритуальной угольной подстилки в изголовье погребенного и под костями грудной клетки. Погребенный взрослый человек (рост около 180 см.) был помещен в яму длиной 2,1 м и шириной 1,4 м. Костяк расположен на спине, головой ориентирован на запад-северо-запад, ноги слегка согнуты в коленях и повернуты на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локте и кистью лежит на тазовых костях. Конечности и область черепа слегка посыпаны охрой. При полевой расчистке и фиксации погребения в «инситу» положении какого-либо сопровождающего погребального инвентаря не выявлено, равно как и следов ограбления могилы. Однако в лабораторных условиях, в результате расчистки костей черепа, обнаружено сильно коррозированное миниатюрное металлическое украшение в виде спиралевидного височного кольца, согнутого в полтора оборота. Один конец проволочного украшения намеренно уплощен, другой напротив, заострен. Возможно, что это украшение было сделано из бронзы и изображало змейку, свернувшуюся в спираль. Палеоантропологическое определение пола и возраста еще не производилось, но, судя по размерам костей грудной клетки и таза, это мужское захоронение.

В целом, в двух курганах выявлено 7 погребений, одно из них совершено в эпоху ранней бронзы (погребение №1 в кургане №3), три — в период поздней бронзы (погребения №2 в кургане №2, погребения №3 и №4 в кургане №3), и еще три — впускные могилы, сооруженные во время раннего железного века (погребение №1 и кенотаф из кургана №2, а также ограбленное в древности погребение №2 из кургана №3).

Погребенные в исследованном курганном могильнике могут быть отнесены к древнейшей культурно-исторической общности племен раннего этапа эпохи бронзы Дона и Приазовья (захоронение №1 кургана №3), к культуре многоваликовой керамики начального этапа поздней бронзы (погребение №2 кургана №2), а также к срубной культурно-исторической общности развитого этапа поздней бронзы (погребения №3–4 в кургане №3) и к среднему этапу скифской культуры начала раннего железного века (погребение №1 кургана №2).

Не исключено, что все вышеописанные погребения совершены в период с середины III тыс. до н.э. по IV–III вв. до н.э. Весьма вероятна их историческая связь в поселениях эпохи бронзы и раннего железа, зафиксированными на территории Таганрога в результате инвентаризации памятников археологии в 1991–1992 гг., осуществленной сотрудниками Таганрогской археологической экспедиции во главе с П.А. Ларенком [3].

Литература:

1. Качевский П.С., Селюнин В.А. Организация археологической деятельности студентов исторического факультета Таганрогского педагогического института / В сб.: Организация деятельности учащейся молодежи в деле изучения, использования и охраны историко-культурного наследия. Ростов-на-Дону, 2011, с. 73–77.

2. Качевский П.С., Литвиненко В.П., Селюнин В.А., Гуров М.И. Результаты научно-исследовательской работы лаборатории археологии и палеонтологии исторического факультета ТГПИ // Вестник ТГПИ, 2011, №2, с. 268–272.
3. Ларенок П.А. Археологические памятники на территории г. Таганрога // Архив Таганрогского музея-заповедника им. А.П. Чехова. Фонд «Археологические памятники», оп. 1, д. №94.

История изучения эллинистической керамики Бактрии в советской историографии

Тихонов Роман Владимирович, ассистент

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

В советской историографии изучение эллинистической керамики Бактрии стало возможным благодаря организации и работе археологических экспедиций, которые начинают формироваться с 50-х гг. XX в. На основе изучения городища Каламир, М.М. Дьяконов разработал стратиграфическую колонку памятников Кобаданского оазиса (Кобадан I–V). Нижний культурный слой городища Каламир был отнесен им к периоду Кобадан I (VI–IV вв. до н.э.), хотя исследователь не исключал более ранней даты основания памятника. При этом основой для датировки послужили находки цилиндроконических сосудов и бронзовых наконечников стрел [3, с. 280–281]. Данная хронологическая колонка была достижением бактрийской археологии середины XX в. Однако материалы, полученные в ходе дальнейших археологических исследований, позволяют её дополнить и уточнить.

А.М. Манделштам на основе стратиграфических данных поселений долины р. Кафирнигана и прилегающей к ней территории предложил новую датировку отдельных видов керамики, найденных в курганных могильниках Бишкентской долины [7, с. 156–157]. Исследователь справедливо полагал, что кувшины, «несомненно, имели распространение уже до рубежа нашей эры» [7, с. 157]. Позднее материалы показали, что они появляются на ранних этапах эллинистического периода Бактрии и использовались не только в качестве столовой посуды, но, видимо, и в хозяйственных целях [13, рис. 9].

В 1962–1964 гг. Т.И. Зеймаль проводила раскопки на поселении Болдайтепа в Вахшской долине. Полученные археологические материалы позволили исследователю поставить под сомнение датировку этапа Кобадан I [4, с. 84–93]. Здесь также большая часть найденной керамики «баночной формы», среди которой преобладают тарные цилиндроконические сосуды, имеющие диаметр тулова от 42 до 58 см. Столовую посуду представляют, главным образом, кубки, подразделяющиеся на несколько групп. Первую из них составляют сосуды, повторяющие морфологию малых тарных форм. Во вторую группу входят кубки с резким перегибом между цилиндрической и коническими частями тулова. Третью группу характеризуют сосуды с почти вертикальными стенками и приземистым туловом. Цилиндрические плоскодонные кубки без кони-

ческой части составляют четвертую группу. Наибольшим разнообразием форм отличается кухонная посуда: котлы с шаровидным туловом, сковороды с невысоким бортиком, тагора, стенки которых прямые или чуть изогнутые.

Ранние слои Болдайтепа датируются IV–III вв. до н.э. В керамическом комплексе уже отсутствует лепная орнаментированная посуда, а наряду с «баночными» сосудами достаточное количество иных керамических форм. Данную датировку подтверждают и другие находки, в частности бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой, относящийся к IV в. до н.э. [4, с. 98]. Подобные наконечники были обнаружены и на Каламир. Кроме того они встречаются в слоях IV–III вв. до н.э. на территории Северной и Южной Бактрии. Так, например, они найдены на Дильберджине [16, с. 37, 44].

Керамика Каламир имеет ряд черт, которые сближают её с посудой других бактрийских памятников: стенки цилиндроконических сосудов несколько вогнуты внутрь и имеют ребро в нижней части. Они встречены, в частности в керамике Тамошотепа, датируемой второй половиной IV – началом III вв. до н.э. [1, с. 119–120]. Т.И. Зеймаль, на основе материалов, полученных при раскопках Гиссарской крепости, полагала, что «цилиндроконическая форма продолжала сохраняться в кухонно-хозяйственном ассортименте посуды вплоть до I в. до н.э. (во всяком случае, в правобережье Амударьи), а затухающие её признаки улавливаются в формах котлов и позднее» [5, с. 280]. Наряду с ними на Каламир найдены плоские небольшие чаши с прямыми коническими стенками, покрытые изнутри красным, а снаружи белым ангобом, открытые конические блюда, горшки. Обращает на себя внимание плоскодонный кубок, стенки которого выгнуты внутрь. Он может свидетельствовать о начавшемся влиянии греческой традиции, в результате которой на бактрийскую почву были не только привнесены исконно эллинские сосуды (амфоры, кратеры, рыбные блюда, аски, «мегарские чаши»), но и выработаны на их основе новые формы. Подобный кубок характерен для керамического комплекса переходного периода Джигатепы, который Ш.Р. Пидяев датировал второй половиной IV – началом III вв. до н.э. [10, с. 114].

70–80-е гг. XX в. характеризуются дальнейшим изучением культуры и искусства Бактрии, в том числе и гончар-

ного дела. Именно в данный период времени начинается широкомасштабное археологическое изучение Бактрии, которое привело к открытию ряда эллинистических поселений.

Одна из статей Е.Г. Некрасовой посвящена выявлению номенклатурной схемы основных форм керамики Северной Бактрии кушанского времени с привлечением более ранних материалов [8, с. 88]. При выделении типов была использована смешанная терминология, а вопросы датировки и орнаментики вовсе не затрагивались.

Э.В. Сайко сделала ряд наблюдений относительно особенностей технологии керамики Северной Бактрии эллинистического периода. Главной задачей автора явилось следующее: «установить, связаны ли важные нововведения, определяющие уровень производства, с собственно кушанским периодом» [12, с. 301].

По её мнению, в IV—II вв. до н.э. происходят значительные изменения в гончарном ремесле. Высокое качество глиняных изделий было обусловлено дифференцированным подбором глин и их обработкой. Согласно археологическим данным, изменяется ассортимент посуды. Появляются совершенно новые типы, требующие иного уровня технологического процесса (бокалы, кувшины, амфоровидные сосуды и т.п.). Усовершенствуется и гончарный круг. Одновременно с развитием гончарного круга происходит освоение новых приёмов формовки, сочетаний определенных глин и форм сосудов. Начиная с III в. до н.э. получает интенсивное развитие ангобирование, известное еще с глубокой древности. Появляются различные оттенки красного, а также серый и черный ангоб. Характерной особенностью северобактрийского керамического комплекса III—II вв. до н.э. является наличие сероглиняной керамики. Новый подъем получает такой технологический приём, как лощение.

В заключение своего исследования автор приходит к выводу о том, что на территории Северной Бактрии появляется керамика, изготовленная на совершенно другом, более качественном уровне по сравнению с предшествующим периодом. Новые технологии, появившиеся начиная с III в. до н.э., получили своё развитие и в последующее время и фактически определяли особенности бактрийской керамики вплоть до IV в.н.э. В свою очередь, «изменения, связанные, например, с расширением ассортимента изделий, их технического разнообразия, явились результатом общего подъема ремесел в областях огромной Кушанской империи с развитыми культурно-экономическими связями между народами» [12, с. 306].

В процессе изучения археологических материалов, полученных на городище Тамошотепа, А.Л. Абдуллаев выделил основные типы керамики раннего периода. К гончарным сосудам были отнесены следующие типы: цилиндрические хумы с различным сечением венчика в виде сильно выступающего ребра; хумчи с манжетовидным в сечении венчиком; цилиндрические хумчи с треугольным, валиковидным, а иногда клювовидным в сечении венчиком; хумчи с округлым туловом и треугольным или клю-

вовидным в сечении венчиком; цилиндрические горшки на плоском дне; широкогорлые и узкогорлые кувшины; чаши цилиндрической формы, край закраины округлый или заостренный; миски округлой формы с плоским дном и прямыми, слегка, закругляющимися стенками; кубковидные-цилиндрические сосуды. Среди керамики сформованной лепкой преобладают хумы и хумчи, реже отмечены котлы и сковороды [1, с. 120—124].

На основе анализа данного керамического комплекса и приводимых аналогий, А.Л. Абдуллаев высказал предположение о том, что тамошотепинский комплекс является примером переходного этапа в хозяйственной и культурной жизни Южного Таджикистана и может быть датирован концом V — началом IV вв. до н.э. [1, с. 124].

По нашему мнению, набор основных типов керамики раннего периода Тамошотепа позволяет несколько по-иному взглянуть на его датировку. В его составе отмечены такие греческие типы, как рыбные блюда и чаши с Т или Г-образным в сечении венчиком, что свидетельствует о начавшемся процессе эллинизации в гончарном деле Тамошотепа. Это позволяет отнести данный керамический комплекс к IV—III вв. до н.э.

Керамика Дальверзинтепа была достаточно подробно охарактеризована Е.Г. Некрасовой и Г.А. Пугаченковой и подразделена на несколько хронологических групп. Керамический комплекс периода Дальверзин-I (III—II вв. до н.э.) был выделен по материалам нижнего строительного горизонта раскопов Дт-2, Дт-4, Дт-6, Дт-7 и Дт-11. В большинстве своём керамика изготовлена на гончарном круге, найдены лишь несколько фрагментов лепных сосудов. Для столовой посуды характерно покрытие ангобом и лощение. Среди керамических типов выделяются рыбные блюда, фиалы, чаши с Т или Г-образным в сечении венчиком, цилиндроконические кубки, кувшины, горшки, хумы и хумчи.

Исследователи отметили, что керамика периода Дальверзин-I сопоставима с комплексом из Ай-Ханум. Однако она имеет и определенные локальные отличия. Среди них: отсутствие ярко-красных и оранжевых оттенков ангоба, серо-чёрной керамики, кольцевого поддона на кубках, незначительное количество одноручных кувшинов. Авторы также пришли к выводу о том, что данные отличия имеют лишь частный характер и свидетельствуют «о каких-то особенностях местных глин и, может быть, гончарной технологии (отсюда — отсутствие серо-чёрной керамики ярко оранжево-красного черепка и ангобов), о некоторых локальных вариантах профилировки, наконец, об известной провинциальности гончарной продукции в греко-бактрийском городке на средней Сурхандарье по сравнению с огромным городом, основанным греками на правом берегу Окса» [9, с. 144—145].

Керамический комплекс позднеэллинистическо-юечжийского времени из раскопок Тепаи Денистон охарактеризован Е.П. Денисовым. В большинстве своём он представлен столовой посудой, среди ее типов выделяются цилиндроконические кубки, чаши, кувшины, тагора. Особо

следует отметить находку «мегарской чаши» с рельефным растительным орнаментом в виде листа [2, с. 102–108].

А.В. Седов выделил синхронные с Ай-Ханум археологические комплексы памятников правобережья Амударьи. При этом главным материалом явилась керамика. Он дает характеристику основных форм столовой и тарной посуды со следующих памятников: Саксанохур, Тамошотепа, Дальверзинтепа, Халчаян, Старый Термез, Калаи-Кафирниган. Главными особенностями керамического комплекса ай-ханумского типа, по мнению исследователя, является определенный набор типов керамики. К ним относятся рыбные блюда, фиалы, тарелки с S — образным профилем стенок, кубки с овальным или цилиндрическим профилем резервуара, красноангобированные круглодонные чаши с резким перегибом стенок в верхней части и острым ребром на внешней поверхности, одноручные кувшины, хумы и хумчи со скругленным манжетовидным венчиком, имеющие подкос в нижней части [15, с. 173–174].

А.В. Седов справедливо подчеркнул, что «основной характерной чертой керамики комплексов ай-ханумского типа к северу от Амударьи является её необычайная близость, практически тождественность, керамике греческого города Ай-Ханум» [15, с. 174].

Вместе с тем следует отметить, что для каждого поселения набор керамического комплекса ай-ханумского типа имел свою специфику. По этому поводу А.В. Седов в своем исследовании пришел к выводу о том, что «фиксирующиеся различия касаются в основном некоторых деталей формы сосудов (редкая встречаемость кольцевого поддона), возможно, особенностей технологии или «керамической моды» (меньшее количество серо-черной керамики, сравнительная «бедность» ассортимента столовой посуды)» [15, с. 174]. Однако не следует забывать и о том, что греческие традиции внедрялись в регионы страны с различной степенью влияния, что не могло не отразиться на развитии гончарного дела.

Кроме того, автор подчеркивает, что комплексы ай-ханумского типа бытовали вплоть до I в. до н.э. Исходя из этого, А.В. Седов считает возможным уточнение и изменение датировок кушанских городищ (например, Дальверзинтепа), а также таких памятников, как Тулхарский могильник и Тупхона [15, с. 176].

Керамике Джигатепы, расположенной в Северном Афганистане, полученной в стратиграфическом раскопе, заложенном в 1976 г. на цитадели памятника, посвящена статья Ш.Р. Пидаева. Здесь был выделен комплекс переходного периода. Его преобладающей формой являются кубкообразные горшки с плоским дном, станками, плавно

поднимающимися вверх, образующими округлую форму. Также к нему были отнесены чаши, кувшины, котлы, хумы и хумчи. Отсутствие в керамическом комплексе переходного периода Джигатепы цилиндрических сосудов, хумов и хумчей с манжетовидным в сечении венчиком, а также единичное наличие чаш с Т-образным венчиком позволило Ш.Р. Пидаеву датировать его второй половиной IV — началом III вв. до н.э. [10, с. 114].

Большинство исследователей поддерживает подобную датировку [14, с. 27]. Однако не исключено, что она несколько удревнена, так как цилиндрические сосуды продолжали бытовать на протяжении всего эллинистического периода, а чаши с отогнутым венчиком и черный ангоб характерны в керамическом ассортименте, начиная с III в. до н.э.

Важные материалы, характеризующие переходный период в гончарном деле Бактрии от позднеахеменидского к раннеэллинистическому времени, были получены в результате исследований храма Диоскуров на Дильберджине. Здесь несмотря на наличие фрагментов цилиндрических сосудов с подкосом в придонной части, имеется керамика совершенно иного типа: чаши с сильно расходящимися стенками и со слегка загибающимися внутрь краями с красным ангобом, сероглиняные чаши, покрытые темно-красным ангобом [6, с. 21–22].

Археологические материалы, полученные в результате исследований, главным образом, на цитадели Старого Термеза в первой половине 1980-х гг. были систематизированы Ш.Р. Пидаевым по хронологическому принципу. Всего удалось выделить пять периодов в истории города. Особое место среди вещественных находок периода Термез-I, отнесенного к греко-бактрийской эпохе, принадлежит керамике. В материалах данного времени представлены многие ведущие типы: фиалы, рыбные блюда, чаши с Т или Г — образным в сечении венчиком, цилиндрические кубки, кувшины на плоском дне с подтреугольным в сечении венчиком, кратеры.

Ш.Р. Пидаев уделяет также внимание тому обстоятельству, что, несмотря на общее сходство с бактрийскими сосудами в целом, термезской керамике присущ и ряд местных особенностей: «отсутствуют экземпляры с лощением, кувшины не имеют ручек, чаши на кольцевом поддоне и бокалы единичны» [11, с. 88–89].

В заключение историографического обзора следует отметить, что в советской историографии керамика так и не стала специальным объектом исследования. Указанные выше работы свидетельствуют о том, что постепенно происходит накопление знаний, первые попытки осмысления датировки и выявления греческого влияния.

Литература:

1. Абдуллаев А. Основные типы керамики Тамошотепа раннего периода // Материалы юбилейных конференций ученых АН Таджикской ССР. Душанбе: Дониш, 1976.
2. Денисов Е.П. Отчет о работах Дангаринского отряда // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV. Душанбе: Дониш, 1980.

3. Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. №37.
4. Зеймаль Т.И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе: Дониш, 1971.
5. Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXI. Душанбе: Дониш, 1988.
6. Кругликова И.Т. Дильберджин: Храм Диоскуров. М.: Наука, 1986.
7. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л.: Наука, 1966.
8. Некрасова Е.Г. К вопросу об унификации древней керамики Северной Бактрии // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1974.
9. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
10. Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука, 1984.
11. Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент: Фан, 1987.
12. Сайко Э.В. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1975.
13. Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент: SAN'AT, 2007.
14. Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 5. Ташкент: SAN'AT, 2006.
15. Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // Советская археология. 1984. №3.
16. Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука, 1984.

История исследования гончарных горнов позднего средневековья на территории Левобережной Украины

Троцкая Валентина Ивановна, старший научный сотрудник, младший научный сотрудник
Национальный музей-заповедник украинского гончарства (г. Опoшня, Украина) Институт Народоведения НАН Украины

Об истории изучения гончарных горнов XVII–XVIII веков на территории Левобережной Украины по архивным источникам и публикациям.

Ключевые слова: гончарные горны, исследователи, эпоха казачества, публикации, археологические исследования.

Гончарные горны эпохи позднего средневековья на территории Левобережной Украины начали исследовать с середины XX века. Ведь гончарство этой эпохи долгое время оставалось без внимания археологов. До 80-х годов XX века имели место лишь эпизодические раскопки этих объектов, ведь хронологической границей по которой заканчивались археологические исследования считался конец XIII — начало XIV века. Даже сейчас большинство обобщающих работ по археологии Украины заканчивается периодом эпохи Руси. В частности, в учебнике Даниила Авдусина «Археология СССР» (1967) утверждалось: «... археология изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных ис-

точников. В хронологии объектов изучения редко поднимается выше XV–XVI вв.» [1, с. 9].

В работе Михаила Брайчевского «Перспективи дослідження українських старожитностей XIV–XVIII ст.» исследователь отмечал слабо изученную материальную культуру XIV–XVIII веков, поскольку археологи специально не занимались ее исследованием: «ніхто ті пам'ятки не досліджує, не маємо ніяких практичних уявлень про археологічну культуру тих часів, а з огляду на незнання культури, важко готувати спеціалістів, бо, власне кажучи, невідомо, чого їх вчити» [3, с. 21]. Лишь начиная с конца 80-х в начале 90-х годов XX века памятники XVII–XVIII века начали изучать по всей территории Украины. С одной

стороны, это было обусловлено расширением археологических раскопок на поселениях позднего средневековья — с другой растущий интерес к поздней средневековой истории и культуры [21, с. 37]. Широкомасштабные работы по изучению этих памятников пришлось на конец 90-х годов XX — на начало XXI века. Гончарство этой эпохи постепенно начало освещаться в отдельных публикациях и периодических изданиях, в частности, в сборниках «Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні» где помещаются материалы одноименных Всеукраинских научно-практических конференций, которые с 1992 года ежегодно проходят в городе Киеве (см., напр.) [13, 14].

В настоящее время список археологов, которые начали исследовать гончарство этой эпохи пополняется. В конце XX в начале XXI века вышли в свет публикации археологов: Ларисы Виногородской, Леси Чмиль, Александра Супруненко, Оксаны Коваленко, Романа Лугового и других исследователей со сведениями о гончарстве, включая и исследование конструкции гончарных горнов XVII–XVIII веков [5, 6, 8, 11, 12, 15]. Довольно подробно гончарные горны позднего средневековья описаны у исследователя Леси Чмиль в ежегоднике «Українська керамологія» за 2007 год за темой «Українське гончарство доби козацтва» в который вошли материалы Всеукраинского научно-практического керамологического семинара «Актуальні питання дослідження українського гончарства доби козацтва», который состоялся в Опoшнe (Полтавщина) 29–30 мая 2007 года [20, с. 195–234].

В общем, по публикациям исследователей, известно более четырех десятков горнов XVI–XVIII веков выявленных в различных гончарных регионах Украины на протяжении последних десятилетий [2, с. 185–189; 4, с. 250–253; 5, с. 81–94; 6, с. 182–186; 8, с. 89–93; 10, с. 20, с. 195–234; 11, с. 89–92; 12, с. 119–123; 15, с. 75–83; 16, с. 55–59; 17, с. 40–43; 18, с. 180–184; 20, с. 195–234; 23, с. 57–63]. Стоит отметить отсутствие в настоящее время обобщающих трудов и монографий по данной тематике.

Первые сведения о нахождении гончарных горнов XVII–XVIII веков на территории Левобережной Украины относятся к началу XX века. В публикации «Типы украинской гончарной посуды» (1913) керамолог, этнограф и краевед Иван Зарецкий вспомнил гончарное горно XVII–XVIII веков обнаруженное на месте строительства нового здания Полтавского губернского земства (современный Полтавский краеведческий музей). Но в статье упоминаний о его конструкции не найдено [7, с. 1–8]. 1964 и 1969 годах археологически на территории Полтавского пригорода зафиксировано два гончарные горны конца XVII — начала XVIII веков. Полтавський археологом, краєвед Галина Сидоренко обстежувала ці споруди, але матеріали їх дослідження не були введені в науковий оборот [8, с. 89–90].

На території Переяслав-Хмельницького (Київщина) археологически обнаружены три гончарные горны. Первый был найден в 1956 году Михаилом Каргером, а исследован лишь 1960 года Ростиславом Юрой и Михаилом

Сикорским. В «Звітi про роботу Переяслав-Хмельницької комплексної древньоруської експедиції ІА АН УРСР 1960 р.» упомянуто, что оно было в плане овальной формы и датированное XVII веком [22, с. 2, 4–5].

Второе горно в плане прямоугольной формы датировано концом XVII — началом XVIII века было исследовано 1989 года Михаилом Буйлуком. Его описание, схематический план изложено в статье «Гончарний комплекс кінця XVII — початку XVIII століття із Переяслава» (1993) [4, с. 250–251]. Третий горн был найден 1994 года Александром Колибенком. Сведения о нем, его схематический план, стратиграфический разрез опубликованы в статье «Гончарна піч другої половини XVII століття з Переяслава» (1998) [10, с. 23–24].

На территории поселения близ села Свиридовка (Полтавщина) Светланой Юренко 1977 года были открыты остатки гончарного горна конца XVII века. 1979 года археологом Александром Супруненко исследован горн в городе Полтаве. Сведения об этих горнах опубликованы в статье «Матеріали по керамічному виробництву XVII–XVIII вв. на Полтавщині» (1990) Ларисой Виногородской. При наличии в них находок фрагментов глиняной посуды исследовательница датировала перове горно началом — серединой XVIII века, второе концом XVII — началом XVIII века [6, с. 182–184].

Андреем Казаковым на поселении Любеч (Київщина) раскопками 1990 года обнаружены остатки частично разрушенного горна XVII–XVIII века. В «Отчете об охоронних археологических работах на Любечском посаде в 1990 г.» (1990) осуществлено его описание, представлены фото и схематический разрез на котором показан двухкамерный гончарный горн. Однако в тексте отчета исследователи почему-то отметили, что оно однокамерное [9, с. 26, 71].

1993 года вышла статья «Гончарні горни I–II тис н.е. з розкопок Лівобережної Слов'яно-руської експедиції ІА НАН України» (1993) Ларисы Билинской, Владимира Приймака, Олега Сухобокова о выявленных 1977 году обжигательных сооружениях XI–XVIII веков. В частности исследователи отметили находку горна XVII–XVIII века на поселении Свиридовка на Полтавщині. По их утверждению горн имел в поде 9 отверстий размером от 8 до 14 см [2, с. 188–189]. Хотя в статье «Матеріали по керамічному виробництву XVII–XVIII вв. на Полтавщині» Ларисой Виногородской в этом горне упомянуто в поде 12 отверстий раз мерами от 5 до 15 см и датован исследовательницей концом XVII — начала XVIII века [6, с. 182–184].

Исследователем Остапом Ханком в статье «Пізньосередньовічне горно з Полтави» (1999) подано краткое описание горна XVIII века который был обнаружен Галиной Сидоренко в 1960-х годах в Полтаве. Но, к сожалению, автором статьи подано некоторые расхождения с архивными источниками про местонахождения, дату открытия и размеры исследованного горна, также нет ссылки на первоисточник [19, с. 68–73].

Несколько статей посвященных исследованию гончарных горнов датированных серединой — концом XVIII века на территории Опошне и окружающих деревнях на Полтавщине появились в начале 2000-х годов. В частности, в публикациях Валентины Троцкой «Дослідження гончарних горнів у Опішному (2001)», «Дослідження гончарних горнів кінця XVIII — початку XX століття на території Опішного та його околиць на Полтавщині» (2007), «Гончарні горна середини XVIII — початку XIX століття з Опішного та його околиць (стан їх вивчення)» (2011), представлено их описание, схематический план, зафиксировано различие форм и размеров [16, с. 55–59; 17, с. 40–49; 18, с. 180–184].

Проблематика исследования гончарных горнов рассматривалась в публикации археолога Оксаны Коваленко «Матеріали до історії гончарства Полтави XVIII століття» (2004). В которой введено в научный оборот информация о находках ранее обнаруженных горнов, представлен критический анализ публикаций с неверно поданной информацией о обжигательных сооружениях города Полтавы XVIII века [8, с. 89, 91, 92].

В статье Ларисы Виногородской «Колекція керамічних виробів XVII–XVIII ст.. з розкопок у Чернігові» (2005) поданы сведения о находе горна конца XVII — середины XVIII века обнаруженного на территории Чернигова 2005 года, представлены описание и схематический план, указан материал из которого он построен. По утверждению Ларисы Виногородской горны на территории Украины в основном строили из глины или выкапывали в материке. Горны с не-ожоженного кирпича по мнению ученой появились на территории Украины лишь в XVIII веке [5, с. 86–87].

Статья коллективных авторов Романа Лугового, Оксаны Коваленко, Виктора Яремченко, Виктора Верещака «Гончарні горни XVIII століття з Решетилівки» (2008) содержит информацию о двух обжигательных сооружениях построены с глины в которую вмонтированы изразцы. Исследователи считают, что оба горна использовали для обжига посуды и были построены одним мастером. По их мнению они близки по времени и функционированию [12, с. 119–123].

2007 года были обнаружены остатки двух гончарных горнов конца XVII — начала XVIII века на территории Полтавы, о чем утверждают авторы публикации «Гончарні горни XVII — початку XVIII століття» (2009) Виктор Яремченко и Александр Ткаченко. Оба горны были сходны по строению, в плане имели округлую форму, и принадле-

жали к одному типу (по классификации А. Бобринского тип.3-б с. 190–191 рис. 77 3-д.2) [23, с. 57–63].

В монографии «Дослідження посаду Літописної Лтави: Іститутська гора» (2009) Александр Супруненко, Юрий Пуголовков, Константин Мироненко и другие ввели в научный оборот материалы спасательных археологических исследований с раскопок на территории города Полтавы где охарактеризовано комплекс гончарных горнов конца XVII — рубежа XVII–XVIII века. Исследователи отмечают, что гончарные горны, которые бытовали в XVII–XVIII веке на территории Левобережной Украины были двухкамерные с опорной перегородкой «козлом» которая разделяла топочную камеру на две части и сходны по конструкции с обжигательными устройствами, которые бытовали в XI–XIII веке. [15, с. 75–83].

В статье Романа Лугового «Гончарні горни доби пізнього середньовіччя з Решетилівки» (2011) автором проанализировано конструктивные особенности двух гончарных горнов обнаруженных во время археологических раскопок в поселке Решетилівка на Полтавщине, за исследованиями Ивана Зарецкого оба горна отнесено к типу «горщечные» и датировано XVII–XVIII веком. Поставлен вопрос сложности четкой датировки горнов [11, с. 89–92].

Таким образом, опубликованные материалы и архивные источники в которых содержится информация о гончарных горнах выявлены археологически, дают возможность определить их конструктивные особенности, размеры, ознакомиться с материалом с которого они были построены и сделать вывод, что гончарные горны первой половины XVII века имели меньшие размеры, простую конструкцию пода, чем горна XVIII века, построены с глины, камня, вырезаны в материке. Гончарные горны XVIII века были побольше размерами в большинстве случаев при строительстве зафиксировано использование необожженного кирпича. Следует также отметить, о неравноценном их исследования. Поскольку по архивным и опубликованным материалам не всегда можно установить их размеры и форму конструкции. Во многих случаях невозможно также полностью воссоздать форму и размеры притопочной ямы, иногда четко не зафиксировано внутреннюю конструкцию горнов. Стоит также отметить о терминологии, которая используется исследователями в археологической литературе при описании частей горна, которая иногда не соответствует современной гончарской терминологии.

Литература:

1. Авдусин Д.А. Археология СССР. — М.: Высшая школа, 1967. — 292 с.
2. Белінська Л., Приймак В., Сухобоков О. Гончарні горни I–II тис.н.е. з розкопок Лівобережної слов'яно-руської експедиції ІА АН УРСР // Українське гончарство: Національний культурологічний щорічник. Науковий збірник за минулі літа / Упорядник Олесь Пошивайло. — Київ-Опішне: Молодь-Українське Народознавство, 1993. — Кн.1. — с. 185–189.
3. Брайчевський М. Перспективи дослідження українських старожитностей XIV–XVIII ст. // Середні віки на Україні. — К.: Наукова думка, 1971. — с. 20–31.

4. Буйлук М.М. Гончарний комплекс кінця XVII — початку XVIII ст. із Переяслава // Українське гончарство: Національний культурологічний щорічник. Науковий збірник за минулі літа / Упорядник Олесь Пошивайло. — Київ-Опішне: Молодь-Українське Народознавство, 1993. — Кн.1. — с. 250—253.
5. Виногородська Лариса Колекція керамічних виробів XVII—XVIII ст. з розкопок у Чернігові // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірка наукових статей. — Вип.14. — Київ: ХІК, Часи козацькі, 2005. — с. 86—94.
6. Виногородская Л.И. Материалы по керамическому производству XVII—XVIII вв. на Полтавщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій обласний науково-практичний семінар: Тези доповідей. — Полтава: видання Полтавського краєзнавчого музею, 1990. — с. 182—186.
7. Зарецкий И.А. и др. // Украинское народное творчество. Серия VI: Гончарные изделия. Выпуск 1: Типы украинской гончарной посуды. Полтава: узд. Кустарн. Склад в Полтав. губ земства, 1913. — 8 с., XX табл.
8. Коваленко О. Матеріали до історії гончарства Полтави XVIII століття // Український керамологічний журнал — № 1 2004. — с. 89—96.
9. Козаков А.Л., Потапов И.А. Отчет об охранных археологических работах на Любеческом посаде в 1990 г. // Науковий архів Інституту археології НАН України. — Фонд експедицій. — № 1990/124. — 104 с.
10. Колибенко О. Гончарна піч другої половини XVII століття з Переяслава // Переяславська земля і світ людини. — Київ — Переяслав Хмельницький: Пальміра, 1998. — с. 23—24.
11. Луговий Роман Гончарні горни доби пізнього середньовіччя з Решетилівки // Українська керамологія Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2007: Українське гончарство доби козацтва / За редакцією доктора історичних наук Олесь Пошивайло. — Опішне: Українське Народознавство, 2011. — Кн.ІІІ. Т.1. — С. 89—92.
12. Луговий Р., Коваленко О., Яремченко В., Верещака В. (Опішне Полтавської обл.) Гончарні горни XVIII ст. з Решетилівки // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірка наукових статей. — Вип.17. — Київ: ХІК, Часи козацькі, 2008. — с. 119—123.
13. Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірка наукових статей. — Вип.14. — Київ: ХІК, Часи козацькі, 2005. — 416 с.
14. Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірка наукових статей. — Вип.18. — Київ: ХІК, Часи козацькі, 2009. — 466 с.
15. Супруненко О.Б., Пуголюк Ю.О., Мироненко К.М., Ткаченко О.М., Шерстюк В.В., Яремченко В.А. Дослідження посади літописної Лтави Інститутська гора. — Київ — Полтава, 2009. — Частина друга — 132 с. + 6 кол.вкл. — (Інститут археології національної академії наук України. Центр пам'ятокознавства НАН України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації).
16. Троцька В. Гончарні горна середини — XVIII початку XIX століття з Опішного та околиць (стан їх вивчення) // Жовківські читання 2011: Збірник статей першої наукової конференції «Музей в сучасному світі» / Львівська галерея мистецтв. Упорядник С. Каську. — Львів: Видавництво «Растр-7», 2011. — с. 55—59.
17. Троцька В.І. Дослідження гончарних горнів у Опішному // Український керамологічний журнал. — 2001. — №2. — с. 40—43.
18. Троцька В.І. Дослідження гончарних горнів кінця XVIII — початку XX століття на території Опішного та його околиць на Полтавщині // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. — Одесса — Омск ИД «Наука» — Издательство Омского государственного университета, 2007. — с. 180—184.
19. Ханко О. Пізньосередньовічне горно з Полтави // Полтавський археологічний збірник. — Полтава: Археологія, 1999. — с. 68—72.
20. Чміль Леся Гончарні осередки Середнього Подніпров'я XVI—XVIII століть // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2007: Українське гончарство доби козацтва / За редакцією доктора історичних наук Олесь Пошивайло. — Опішне: Українське Народознавство, 2011. — Кн.ІІІ. Т.1. — С. 195—234.
21. Щербань Анатолій Кроки до пізнання кераміки України доби козацтва // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2007: Українське гончарство доби козацтва / За редакцією доктора історичних наук Олесь Пошивайло. — Опішне: Українське Народознавство, 2011. — Кн.ІІІ. Т.1. — С. 34—39.
22. Юра Р.О., Сікорський М.І., Асеев Ю.С. Звіт про роботу Переяслав-Хмельницької комплексної древньоруської експедиції ІА АН УРСР 1960 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. — Фонд експедицій. — № 1960/13. — 13 с.
23. Яремченко Віталій, Ткаченко Олександр Гончарні горни кінця XVII — початку XVIII століття з Полтави // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: збірка наукових статей. — Вип.18. — Київ: ХІК, Часи козацькі, 2009. — с. 57—63.

Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремь и нефрит

Шалахов Евгений Геннадьевич, экскурсовод

Юринский историко-художественный музей им. Г.П. Лосева (пос. Юрино, Республика Марий Эл)

Юринский (Усть-Ветлужский) могильник, открытый автором настоящей статьи в ноябре 2000 г. на левом берегу Чебоксарского водохранилища (Юринский район, Республика Марий Эл) [1, с. 91–92; 2, с. 188; 3, с. 230], ныне является одним из базовых памятников сейминско-турбинского типа в археологии бронзового века Северной Евразии [4, с. 92, 96]. Древний некрополь раскопан Б.С. Соловьевым (Марийская археологическая экспедиция) в 2001–2006 гг. [3, с. 230; 4, с. 92]. Кроме погребений на нижней площадке (у подножия самой высокой дюны близ современного устья р. Ветлуги), подтопленной водохранилищем, изучены «княжеские» или статусные воинские захоронения, обнаруженные на вершине холма. В могилах собрано бронзовое оружие, принадлежавшее знатым воинам или вождям из сибирско-алтайских кланов [5, с. 108–109; 6, с. 168–174], проникших в Волго-Ветлужское междуречье после XX в. до н.э. [7, с. 112].

Медно-бронзовый инвентарь Юринского могильника состоит из ножей (22 экз.), топоров-кельтов (9 экз.), наконечников копий (4 экз.), браслетов (3 экз.), тесла и чекана. Почти весь металл из прослеженных в раскопе и разрушенном водохранилищем захоронений подробно описан и проанализирован в работах Б.С. Соловьева [1, с. 92–93; 5, с. 110–111; 8, с. 57–61].

На мой взгляд, наступило время познакомить археологическое сообщество с материалами сборов на Юринском некрополе, которые не вошли в научные отчеты об исследовании памятника. Речь идет о каменных изделиях сейминско-турбинского облика, которые происходят из размытых погребений.

Кремневые изделия. В 2000–2008 гг. на памятнике собрано 29 кремневых предметов, имеющих непосредственное отношение к погребениям эпохи бронзы. Численно преобладают наконечники стрел — 27 экз. (рис. 1). Найдены также ножи-вкладыши (один из них является фрагментом сломанного орудия). Часть коллекции кремня опубликована Б.С. Соловьевым [1, рис. 1, 13; 2, рис. 2, 1–4; 5, рис. 5, 1–7, 10, 11; 6, 6, 7; 8, рис. 5, 3].

Обработанные сплошной двухсторонней уплощающей ретушью, наконечники стрел Юринского могильника подразделяются на четыре типа: 1) наконечники треугольной или подтреугольной формы с прямоусеченным основанием — 22 экз. (рис. 1, 3); 2) наконечники треугольной формы с вогнутым основанием — 2 экз. (рис. 1, 1); 3) наконечники с вытянуто-треугольным пером и широким черешком подпрямоугольной формы — 2 экз. (рис. 1, 2); 4) наконечник треугольно-черешковой формы с жальцами — 1 экз. Большинство наконечников изготовлено на отщепках

Рис. 1. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник. Кремневые наконечники стрел. Подъемный материал 2002 г.

Рис. 2. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник. Нефритовые кольца. Подъемный материал 2001 г.

коричневого, светло-серого, розовато-серого, бордового, молочно-белого и чёрного кремня. Длина самого крупного наконечника, поднятого в размытой части Юринского могильника осенью 2008 г., — 6 см.

Наконечники стрел первого типа (их часто называют «турбинскими») имеют полные аналогии в кремневом инвентаре Турбинского I, Сейминского и Решенского могильников [9, рис. 90; 10, рис. 60, 4–7; 11, рис. 1, 2–7].

Второй тип наконечников с Усть-Ветлуги обнаруживает некоторое сходство с метательными орудиями Решенского могильника [11, рис. 1, 1] и могильника Бор-Лёнва [12, рис. 3, 6, 8].

Кремневые наконечники третьего типа идентичны крупным экземплярам из решенской коллекции [13, рис. 104, 8–11].

Единственный «сейминский» наконечник (четвертый тип в Юринском могильнике) по своим пропорциям и технике обработки широких граней находит весьма близкие аналогии в вещевом комплексе Сейминского могильника [10, рис. 60, 1, 2].

Изделия из нефрита. Украшения в виде колец (3 экз.) из коричневатого-жёлтого (рис. 2, 1) и полупрозрачного светло-зелёного и зеленоватого нефрита (рис. 2, 2, 3) обнаружены нами 8 июля 2001 г. в разрушенном береговыми осыпями погребении на нижней площадке могильника. Наружный диаметр изделий варьирует от 3,9 до 4,4 см, внутренний диаметр — от 2,7 до 3,2 см, толщина колец — 2 и 3 мм. Все кольца имеют шестигранное сечение.

Нефритовые кольца присутствуют в вещевых комплексах всех крупных европейских некрополей сейминско-турбинского типа [9, с. 93–96; 10, с. 120; 13, с. 244, рис. 109]. Кольца из Юрино аналогичны изделиям турбинской коллекции, рассмотренной О.Н. Бадером [9, рис. 88].

Кремневый комплекс Юринского некрополя, представленный значительной серией наконечников стрел «турбинского» типа, и уникальный набор нефритовых колец с Усть-Ветлуги, характеризующие собой высокий уровень развития кремнеобработки и камнерезного дела у носителей сейминско-турбинских бронз, заслуживают подробной публикации в ближайшем будущем.

Литература:

1. Соловьев Б.С. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // Древности Поволжья и Прикамья. / Археология и этнография Марийского края. Вып. 25. / — Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. — С. 90–96.
2. Соловьев Б.С. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международной научной конференции. — Чебоксары: ЧГИГН, 2003. — С. 188–192.
3. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. — Йошкар-Ола: Издательство ОАО «МПИК», 2009. — 416 с.
4. Соловьев Б.С. Сейминско-турбинская проблема // Научный Татарстан. — 2009. — №2. — С. 91–102.
5. Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. — 2005. — №4. — С. 103–111.
6. Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. — Чебоксары: ЧГИГН, 2006. — С. 168–174.
7. Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // Российская археология. — 2005. — №4. — С. 112.
8. Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (по раскопкам 2001 г.) // Новые археологические исследования в Поволжье. — Чебоксары: ЧГИГН, 2003. — С. 50–72.

9. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. — М.: Издательство «Наука», 1964. — 176 с.
10. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М.: Издательство «Наука», 1970. — 176 с.
11. Бадер О.Н., Черников В.Ф. Новые находки сейменского типа у с. Решное на Оке // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М.: Издательство «Наука», 1978. — С. 130—132.
12. Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. — Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. — С. 46—69.
13. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Издательство «Наука», 1989. — 320 с.

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Рыболовство в традиционном мировоззрении коми-пермяков

Евдокимова Олеся Васильевна

Пермский государственный гуманитарный педагогический университет

Человек в своей активной деятельности постоянно соприкасается с миром природы. Хозяйственные занятия часто формируют направление творческой народной мысли, развитие и трансформацию мифологических представлений.

В этнокультурной традиции деятельность общества складывается из ряда норм и ритуалов, примет и запретов, а также из своеобразного диалога с мифологическими персонажами.

Коми-пермяки с XV в. — православные христиане, однако образы низшей мифологии (лешие, водяные, домовые) в отличие от языческих божеств высшего ранга сумели сохранить свое первоначальное естество, они продолжали нести у коми-пермяцкого промыслового населения древнюю функцию духов — хозяев мест.

Результативность рыбного промысла коми-пермяки связывали с настроениями водяного духа — *Вакуля*. *Куль* по отношению к рыбакам выступает в разных ролях: он может быть их помощником, одаривающим рыбой, регулятором количества улова и злобным существом, пугающим рыбаков, портящим их снасти. В большинстве случаев та или иная функция духа зависит от действий самого человека.

Судя по опубликованным источникам и рассказам старожилов, Водяной показывался из воды в виде огромного человека с большой головой, с темно-зелеными глазами и длинными волосами, одетого в зеленый кафтан. Крупных старых щук часто принимали за живое воплощение этого духа, особенно тогда, когда щуки стояли в воде головой по течению, а не против, как обычно стоят рыбы. Таких щук остерегались бить острогой, так как верили, что они в силах обратить острогу против самого рыбака. У коми-пермяков было зафиксировано поверье, что в оз. Адты (Гайнский район) обитает огромная щука — хозяин всех рыб. Она позволяет рыбачить на озере всем желающим, но время от времени взамен забирает то лодку, то сеть, то собаку, а иногда и человеческое дитя [4, с. 124]. Встреча с *кулем* всегда представлялась предупреждением о грозящем несчастье. И, чтобы *Куль* и *кульпияны* не вышли из воды, на берегу ставили крест или звонили в колокол.

Учитывая свои сложные отношения с Водяным, коми-пермяки приурочивали к началу рыболовства обряд жертвоприношения воде — «дарили воду»: задабривали водя-

ного яйцами, блинами, хлебом и даже деньгами и кусками ситца [6, с. 289].

В качестве дара оставляли сигареты, а также пойманную рыбу. При строительстве запруды для промысловых целей один из рыбаков, слышущий в народе знающим *mödisь*, признался, что обещал человечью «голову» водяному взамен на ее прочность [1, с. 86]. Вера в необходимость и эффективность приношения жертвы бытует и в настоящее время.

Другим выражением почитания водоемов и *Вакуля* является устная форма благодарения, произносимая после удачного улова.

Для подчинения себе водяных и «приманивания» рыбы коми-пермяки использовали различные «наговоры». В День Св. Петра и Павла они обращались к Петру с молитвами об успешном лове рыбы. Провожая мужа на промысел, хозяйка приговаривала: «*Сет, Петр-Павел, чери*». («Дай, Петр-Павел, рыбу») [3, с. 127–130].

Перед самым рыболовным процессом «наговаривали»: «Ловись рыбка большая и маленькая». Если первый клев был удачным, вновь наживали на крючок приманку и говорили: «Дай бог не последнюю» [1, ПМ].

Для того, чтобы рыболовный процесс прошел успешно, в Великий четверг было принято бросать мерёжу посреди двора. Спустя некоторое время рыбаки мерёжу убрали, клали на место, показав, что порыбачили [2, ПМ].

Благоприятным днем для ловли рыбы считался и Ильин день (2.08). Тогда применялся один из самых распространенных способов рыболовства — лучение рыбы [3, ПМ].

В Кочевском районе в День Николая Чудотворца было принято ходить на реку. По легенде, в ней жила русалка, которая часто забирает к себе местных жителей. В дар жителям реки приносили чучело из использованного банного веника, чтобы чувствовался человеческий запах. Куклу в воду опускал обязательно мужчина, он и просил о спасении: «Забери эту куклу в дар, у нее родных и близких нет! По этой кукле никто плакать не будет, а таких, как мы, с собой не берите». Затем опускали чучело в воду, и колдовали. Стоит отметить, что вместе с чучелом в воду бросали и краюшку хлеба, чтобы рыбы было вдоволь [1, ПМ].

Особое внимание рыбаки округа обращали на природные явления и время года. Когда цвели черемуха и ря-

бина хорошей добычей рыболова были окунь, лещ, красноперки. А когда цвела рожь — пескари, аргыши, караси. Если цвел шиповник — шаклей [4, ПМ]. Когда цвел шиповник, *ар* (красноперик) становился красным. Цветение миновало — он принимает обыкновенный вид, не красный [5, ПМ].

Рыбу ловили круглый год, но основной промысел падал на летние и первые осенние месяцы. Использовали *невод*, применяли *ветель*. Тихая солнечная погода считалась наиболее удачной для клева. Дождь мешал удачной рыбалке. Зимой ставили морды (*или по течению, или на-против ставилась: если рыба вверх поднимается, по течению, тогда морду кверху надо ставить, и наоборот. В ноябре вверх идет налим и хариусы*).

Уяснение причинной связи между подготовкой к рыбалке и результатами лова приводило к появлению многих поверий и примет среди населения округа.

Юсьвинские рыболовы готовились к дождливой погоде, если вылавливали кровянистую рыбу, а к солнечной — ведру, если пойманная рыба не кровила [3, с. 143].

Бытовало поверье в «капризные» озера, где нельзя было ловить рыбу в грязной и сырой одежде, употреблять сети, не просохшие еще после лова в другом месте, бросать мусор в воду или на берегу, воспрещались ссоры или вражда между участниками рыбной ловли. При не соблюдении правила вместо рыбы в сети попадался конский навоз или же под «нечистым» рыбаком лодка вдруг начала погружаться в воду.

Рыбаки Косинского района перед уходом на промысел, подкидывали вверх рукавицы, при этом произносили: «ну-ка, рыба попадет или нет мне?» Если рукавица падала пальцем вниз — попадет, и наоборот (если пальцем вверх — рыболовный процесс окажется неудачным). Если человека наполняли злые мысли, он предпочитал не ходить на рыбную ловлю [6, ПМ].

Информанты рассказывали, что утром перед рыболовством не рекомендовалось топить печь, труба должна была оставаться закрытой, чтобы несчастья не было [6, ПМ].

Бытовало и такое поверье: когда рыба начинала метать икру (*об этом свидетельствовали растения, птицы: шиповник зацветает, значит окунь нереститься начинает. Кукушка начинает куковать, плотва начинает нереститься*), колокола не звенели, чтобы не испугать рыбу [1, ПМ].

Было принято уважительно относиться к пойманной рыбе. Нельзя было ее оскорблять, мять руками, отдавать собакам, позволять детям играть с ней. Особенно оскорбительным для рыбы считалось выбросить ее на улицу [5, с. 184].

В запретных действиях можно проследить остатки бытового полового табуирования. Поскольку, промысловая деятельность считалась мужским занятием, прикосновение женщин к орудиям промысла могло повлечь за собой неудачу на промысле. Перед рыбной ловлей, после интимного общения с женщиной, необходимо было

пройти очищение путём омовения тела. Во время критических дней женщинам не позволяли ловить рыбу сетями, иначе вода и сеть становились «нечистыми».

Среди запретных действий следует отметить следующие воспрещения: запрещалось срезать удочки вблизи муравейника, чтобы не ловить одну мелочь; нельзя было плевать или наступать на сети и удочки, перешагивать через них женщинам; не вырезалось удище из дерева, наклонившегося на полдень, чтобы рыба не срывалась с крючка; нельзя было брать на рыбалку еду из рыбы; не мели полы и не выносили мусор из дома, если кто-то уходил на рыбную ловлю; перед рыболовством было запрещено курить — считалось, что рыба чует запах [5, с. 213].

Важное место в традиционном рыболовстве занимали магические действия и предметы, наделяемые сверхъестественными силами. Например, дыму приписывалась очистительная сила. Этот обряд получил название *окуривание*. Рыбаки на Иньве, если рыба переставала попадаться в невод, верили, что подействовала сверхъестественная сила. В этом случае поступали следующим образом: вытаскивали невод на берег, разводили костер и забрасывали его травой, направляя дым на невод. Потом и сами рыбаки очищались, проходя через дым.

Большое магическое значение придавали зубам щуки. В деревне Чажегово Гайнского района рыбаки обрезывали из бересты щучью челюсть, объясняя это тем, что щука — рыба святая, и любит, когда ее поминают, это означало — рыбалка будет удачной [3, с. 140].

В Коми-Пермяцком округе рыба входила в состав не только будничных, но и праздничных, и поминальных блюд. Важную роль играл рыбный пирог, включавшийся, коми-пермяками в различные обрядовые действия. Обоснование подобной значимости рыбного пирога можно найти в одном из коми-пермяцких преданий, согласно которому чудские люди для того, чтобы ублажить *Висела*, лесного царя у леших, стряпали рыбный пирог из окуней, любимое его кушанье [2, с. 219].

Связывая щуку с *кулем*, коми-пермяки избегали выпекать поминальные пироги с этой рыбой, подчас и вовсе отказывались употреблять ее в пищу.

Рыбным пирогом обязательно угощались во время трапезы, которой отмечалась установка матицы — важной конструкции потолка жилища. Перед тем как поднять матицу, коми-пермяки поясами привязывали к ней рыбный пирог, завернутый в белый холст как символ будущего довольства хозяина дома. Рыбный пирог выпекался на здоровье людям и для благополучной жизни в новом доме [3, с. 164].

Такой пирог был существенной частью родильного обряда. Навещая роженицу, как русские, так и коми-пермяцкие женщины обязательно приносили рыбный пирог, игравший важную роль в ритуалах, направленных на благополучие семьи.

Итак, рыболовство коми-пермяцкого народа в значительной мере зависело от природного фактора, а также от

своеобразного диалога с мифологическими персонажами, что способствовало формированию творческой народной

мысли, развитию и трансформации мифических представлений.

Литература:

1. Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. /СПб.: Издательство «Маматов», 2011. — 272 с.
2. Заветный клад: Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия. / Кудымкар, 1997. — 219 с.
3. Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. — Пермь: «Книжный мир», 2007. — 168 с.
4. Климов В.В. О чем говорят названия Пармы. Кудымкар, 1971. — 156 с.
5. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине 19 — начале 20 в. / М., 1983. — 248 с.
6. Смирнов И.Н. Пермяки: историко-этнографический очерк. — Казань, 1891. — Т. IX. — Вып.2. 289 с.

Полевые материалы автора:

1. Полевые материалы автора: Кочевский район, д. Кузьмино, Хомяков Михаил Андреевич 1949 г.р., Хомякова Тамара Ивановна 1952 г.р.
2. Полевые материалы автора: Юсьвинский район, д.Б.Они, Ошмарина Евдокия Филипповна 1926 г.р.
3. Полевые материалы автора: Косинский район, д. Кривцы, Колегова Мария Трофимовна 1925 г.р.
4. Полевые материалы автора: Юсьвинский район, д. Андронов, Климова Александра Алексеевна, 1935 г.р.
5. Полевые материалы автора: Кудымкарский район, д. Балкачи, Рыбьяков Николай Матвеевич 1930 г.р.
6. Полевые материалы автора: Косинский район, с. Пуксиб, Голева Ирина Александровна 1928 г.р.

Свадебные обряды народов Дагестана

Исмаилова Алмаз Муса-кызы, кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)

Дагестан — один из самых уникальных регионов, с точки зрения этнокультурного многообразия проживающего здесь населения. Сходные естественно-географические и историко-социальные условия способствовали выработке как общенациональной культуры, у различного этнического населения Дагестана, так отличительных черт присущих тому или иному народу.

Наиболее ярко это проявилось в обрядах жизненного цикла. И одним из важных обрядов является свадебный, где можно выделить особенности национальной и локальной идентичности. Свадьба является большим праздником в дагестанском селе, которая всегда проводилась торжественно, с привлечением к участию в ней всех жителей села. Свадьба в каждом городском селении представляла собой совокупность обрядовых действий, призванных обеспечить долгую и счастливую супружескую жизнь для молодой четы, обеспечить ей многочисленное потомство, а также это большое праздничное торжество для всего населения, красочное зрелище, своего рода представление с известным сценарием, где основные действующие лица прекрасно знали свои роли. Режиссером — распорядителем всего действия, где каждый зритель был одновременно и исполнителем, являлся специально назначенный ведущий, который у разных народов Дагестана,

а иногда в разных селениях одного народа, назывался по-разному: шах, тамада и т.д.

Формы заключения брака у народов Дагестана имели несколько видов. Наиболее распространенной из них у всех был брак по сговору. Оформлявшая его обрядность начиналась сватовством, во время которого стороны договаривались о размерах калыма и сроках его уплаты, по Калоеву, «калым имеет большое символическое значение в Дагестане и легко может быть опущен» [1;С131]. Одни народности Дагестана требуют уплаты женихом брачного дара, другие освобождают его от этой обязанности. К первым можно отнести аварцев и некоторые народности южного Дагестана, ко вторым — даргинцев и лакцев. Но если плата за невесту постепенно исчезала, то этого нельзя сказать о другом виде платежа, известного под названием калым. О существовании брачной уплаты нам говорят адаты южно-дагестанского общества. «Всякий мужчина, желающий жениться на девушке или вдове, должен заплатить, за нее условную уплату ее родственникам, а за не имиением их опекуну» [2;С19]. Коран определяет, что выкуп должен принадлежать жене, как некая материальная гарантия на случай развода. Шариат же приписывает получение выкупа родителями невесты. Выплата калыма за невесту была таким же важным атрибутом брака,

как и оформление его у муллы. «Только оформленный служителем Аллаха по всем канонам шариата мусульманский «никах», считается законным браком. Это было незыблемо у всех народов Северного Кавказа, у которых ислам был официальной религией» [3;С102]. Следует отметить, что выкуп за невесту имел место у всех дагестанских народов, но размер не был одинаковым, и величина его во многом зависела от принятых в данном конкретном обществе обычаев, от экономического благосостояния общества, материального положения, и сословной принадлежности.

Брак по сговору распадался на два вида: сговор малолетних и сговор совершеннолетних. «Весьма распространен, — писала С.Ш. Гаджиева, — обычай сговаривать детей, даже вскоре после рождения; при этом обыкновенно отец мальчика дает, в виде залога, какую-нибудь вещь отцу девочки, и малолетние уже считаются с этого времени женихом и невестою» [2;С19]. Колыбельное обручение (реже, чем другие варианты подобного сговора) было широко известным у лезгин [5;С41]. «Зажиточные люди приготавливают своим детям женихов и невест тогда, когда те находятся еще в младенческом возрасте» [6;С17]. Все же самой распространенной формой сговора, был сговор совершеннолетних. При таком сговоре наиболее полно соблюдали традиционные церемонии: 1) сватовство и вручение невесте подарка; 2) обручение; 3) посещение дома; 4) отправка невесты в дом жениха.

Народы Дагестана всегда придавали большое значение женитьбе сына или выдаче замуж дочери. Выбор невесты или жениха считался серьезным и ответственным делом. Им занимались не только семья, но и более широкий круг родственников, и даже тухум в целом. При оценке личных качеств невесты в первую очередь принималось во внимание ее трудолюбие, сдержанность в проявлении эмоций, знание правил этикета. Требовалось, кроме того, чтобы девушка была физически крепкой, способной иметь здоровое потомство и выполнять многочисленные обязанности по хозяйству, дому и воспитанию детей. «Главным образом в невесте ценится ее происхождение и способность к работе по хозяйству» [8;С143].

У даргинцев, лакцев первый визит в дом девушки делали родители юноши. Влияние сватов было значительным. У аварцев был распространен другой обычай: для переговоров семья юноши приглашала к себе отца девушки, щедро угощала его и делала предложение. Как правило, одним посещением дело не ограничивалось. «Хорошая девушка не согласится выйти замуж, пока не износится обувь сватов» [9;С173].

Бывали случаи, когда вопрос о браке решался сразу, и мать юноши тут же надевала девушке серебряные кольца и браслет. Но так случалось очень редко. Сватовство коренным образом отличалось от всех остальных «действий» свадебного обряда тем, что оно оставалось тайной и осуществлялось всегда в самом узком кругу. Следующим этапом было обручение. На этом этапе послы жениха шли в дом невесты с подарками, кое-где их сопровождали все

родственники. Разумеется, у каждого народа и в каждом населенном пункте количество и ценность подарка была разной. У аварцев часто подарки жениха и приданное невесты вывешивались на веревках во дворе невесты для всеобщего обозрения и оценки.

Обязательным условием заключения брака было совершение религиозного обряда бракосочетания — «мах'ар», «маг'ар» (у аварцев, лакцев, даргинцев), «никах» у лезгин, «кебин» у азербайджанцев. Обряд совершался либо в доме жениха, либо в доме, куда он уходил на время свадьбы, либо у мамы. Обычно обряд происходил с участием самого жениха и отца невесты. Совершался обряд накануне или в день свадьбы. Невеста должна была получить от отца разрешение на бракосочетание — *фурман*, а в случае смерти отца — от другого родственника (*опекуна*). Девушка сама в обряде не участвовала, жених же иногда участвовал. У лакцев был распространен обычай когда «маг'ар» совершался перед доверенным лицом жениха и невесты. У аварцев бытовал немного другой обряд. Как отмечал Пржецлавский, у аварцев — «брачные союзы заключались или словесно при свидетелях, или же поверенным от жениха или его родителей». Вся церемония брачной сделки собравшихся родителей невесты и жениха, включала объявление о желании выдать, а последние — о согласии принять избранную женихом невесту» [10;С160]. Основные циклы обряда строго регулировались основными законами шариата, а также адаты. Одним из доказательств того, что браки заключались в Дагестане в основном по шариату, была религиозная роль отца в выдаче невесты. «Один только отец имеет право, — говорится в адатах Самурского округа, — выдать дочь замуж против ее желания, прочие же родные и опекуны не имеют этого права, так что засватанная при жизни отца девушка может после смерти его отказаться от замужества с тем женихом, с которым она была обручена». [11;с. 2]. Ни молодые люди, ни тем более девушки не были свободны в своем брачном выборе. Решающее слово принадлежало их родителям, которым также приходилось считаться с многочисленными традиционными правилами заключения брака. Центральным акцентом свадебного торжества был переезд невесты из отцовского дома в дом жениха. У лакцев день перевода невесты из отцовского дома в дом жениха или в предшествующий этому вечер несколько женщин от нее шли в дом юноши и совершали обряд занавешивания угла комнаты, предназначенной для молодых. Здесь должна была находиться их брачная постель. У даргинцев, в ночь предшествовавшую переводу невесты в дом жениха в ее доме пекли огромный пирог и делали халву. У лакцев после танцев в доме невесты вечером этого дня, на которых присутствовала и невеста с подругами оставалась на всю ночь и проводила время в играх и танцах. У даргинцев и аварцев в день перевода невесты к жениху, приглашалась в его дом вся мужская родня невесты. Перед отправлением в дом жениха подруги наряжали невесту в лучшую одежду, подаренную женихом. Сам жених за невестой никогда не шел. У каждого

народа, этнической группы были свои ритуалы, устоявшаяся система действий, выполнявшиеся представителями обеих сторон в определенный момент свадебного цикла. У даргинцев невесту первым встречал отец жениха, который делал с ней два-три шага в сторону входа в дом. При входе в дом жениха, невеста должна была совершить обряд угощения. У разных народов обряд проходил по-разному. У даргинцев невесту угощали медом, а равно и обсыпали ее сладостями. Этот обряд совершала мать или пожилая родственница. У лезгин при входе в дом жениха, невеста должна была раздавить правой ногой, положенную на пороге ложку с маслом. После этого невесту вводили в комнату и сажали на сундук с ее приданным. В группе описанных обрядов, связанных с приводом невесты в дом жениха, назначением которых считалось обеспечение ей счастливой жизни в новом доме, большое значение придавалось осыпание ее мукой, рисом, конфетами. К ногам невесты кидали мелкие серебряные монеты. Среди обычаев и обрядов особое место занимали те, которые были направлены якобы на обеспечение господства мужа над женой или наоборот, жены над мужем. Лачка при входе в дом жениха старалась дотронуться до притоки над дверью. Обычно родня жениха помещала невесту в углу комнаты, за ширмой. Роль жениха в это время у разных народов была различной. У одних он вовсе не участвовал в торжестве, ожидал, пока разойдутся гости. По старинному горскому этикету, жених не имеет права быть на собственной свадьбе. Жениха заготавливают подальше с глаз к соседям, а лучше на чердак, чтобы хоть оттуда увидеть собственную свадьбу. Дружки ему туда носят еду с собственного стола, разумеется, тайком, но так, чтобы свадьба заметила и оценила. У других (даргинцев), напротив участвовал. Совершенно не принимала участия в пиршестве невеста, изолированная за занавеской. На следующий день после брачной ночи свадьба шла в доме жениха. С утра к невесте собирались женщины, чтобы поесть ритуальную кашу (лакцы), а жених уходил на речку. У даргинцев подруга приносила из ее родительского дома мясные пельмени, приготовленные матерью невесты. У аварцев свадьба как таковая вообще проводилась на второй день. В этот же день происходило одаривание новобрачной родных мужа подарками. У некоторых аварцев и даргинцев, принято было на второй день приглашать родителей и других близких родственников

невесты в дом жениха для угощения. Заканчивался этот день, как правило, у всех народов танцем новобрачных, причем с молодой мог танцевать любой из присутствующих на свадьбе мужчин. У даргинцев во время этого танца принято было одаривать невесту небольшой суммой денег. Чаще всего на третий день свадьбы, принято было приглашать молодых в дом ее родителей. После свадьбы происходило символическое приобщение молодой к труду и приглашение ее в дом ее родителей. Обрядами были насыщены все свадебные циклы, но действия направленные на вызывание смеха, сосредотачивались главным образом в ритуалах собственно свадьбы. Шут, ряженный на свадьбе XIX — начале XX вв. — это чисто смеховой персонаж, об обеспечении наличия которого на свадьбе ее устроители беспокоились так же, как и о том, чтобы были музыка и угощение. Следует отметить, что проявление этой смеховой культуры, у каждого народа проявлялось по-разному. Так, например в рутульской свадьбе ряженные в женской одежде изображали беременных женщин, а так же в пародийной форме имитировали выполнение разнообразных женских работ (чесание шерсти, прядение и пр.).

В аварском с. Кикунь ряженные начинали соучастие в свадебный день, предшествующий переводу невесты в дом жениха. Вечером этого дня они появлялись в доме невесты, изображая жениха и невесту, в сопровождении друзей жениха, с музыкой. Иногда под видом одного из ряженных сюда мог явиться и жених. Значительную роль играли ряженные на агульской свадьбе, где действия их относились к первым трем дням свадьбы, до водворения невесты в дом жениха, это были молодые люди из селения. Ряженные устраивали шуточную борьбу между собой. Они осыпали присутствующих толком, мукой, осмеивали и подвергали шутовому наказанию «нарушителей порядка».

Рассмотрев весь приведенный выше материал не трудно заметить, что явно выделяются как общенациональные особенности, характерные для всех народов, так и локальная специфика отдельных этнических групп. Многообразие, большая палитра особенностей этнокультурных явлений показывает, что многие проявления и феномены культуры дагестанских народов, воспринимаемые как национально-специфические, особенные, по сути варианты местного проявления более общих моделей имеющих общедагестанский, зачастую общекавказский характер.

Литература:

1. Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов. М., 1979.
2. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, Вып. 3. 1870.
3. Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь. 1984.
4. Гаджиева С.И. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX века. М., 1985.
5. Гаджиева М.И., Омаров А.О. Семья народов Дагестана в историческом развитии. Ч 1. Махачкала, 2000.
6. Сборник сведений о кавказских горцах.
7. Исрапилова З.А. Брак и семейно бытовые обряды аварцев Андала. Махачкала 2002.
8. Гаджиева С.И. Указ.соч.
9. Народы Дагестана. М., 2002.

10. Пржецлавский П. Указ. соч.
11. Калоев Б.А. Указ. соч.
12. РУК. фонд. ИИАЭ ДНЦРАН Ф.5 Он. 1. С. 23.

Гендер в весенне-летней славянской обрядности

Мироненко Алена Николаевна, студент

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Календарные праздники и обряды имели определяющее значение в жизни славян. От соблюдения всех предписаний и точного совершения обрядов зависела их дальнейшая жизнь. Календарные праздники способствовали поддержанию порядка мирового устройства, но помимо космологической функции, они имели социальную направленность, выполняя интеграцию молодых в общество и интериоризацию (интериоризация — формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом) социальной деятельности. Межполовое общение молодежи в системе весенне-летних праздников славян отражало основную цель социальной деятельности весенне-летнего периода — создание брачного союза.

Весенне-летний период праздников включал Масленицу, Лазарки, Красную горку, Семик, Ярилин день, Купалу, Перунов день. Во всех перечисленных выше праздниках был отражен аграрный цикл года. Поэтому еще одной целью исполнения обрядов было обеспечение плодородия.

В связи с этим огромное значение в системе весенне-летних праздников славян имело межполовое общение молодежи. По гендерному признаку можно выделить общие праздники и обряды; праздники и обряды, в которых принимают участие только лица женского пола; и соответственно — только мужского пола.

Так как каждый праздник состоял из ряда обрядов то, как правило, чисто женских или чисто мужских праздников не встречалось. Были праздники, где главную роль могли играть или мужчины, или женщины, но принимать участие могли представители обоих полов. А вот обряды, исполнителями которых могли быть только люди мужского или только женского пола существовали в достаточно большом количестве.

Итак, классифицируем обряды праздников по гендерному признаку (ниже будут рассмотрены основные обряды славян весны-лета, наиболее ярко отражающие гендерные отношения славян. Поэтому по мере возможности наряду с инвариантным образом (компонентом) обряда будут описаны множество местных вариантов одного и того же обряда):

Обряды, в которых принимает участие вся молодежь.

— Обряды, проводившиеся на Масленицу — катание с ледяной горки, катание на лошадях, зарывание в снег молодых.

В Архангельской губернии молодой должен был прокатить свою жену на коленях с горы на салазках. При этом неженатые парни всячески препятствовали им съехать с горки, требуя выкупа в виде поцелуя молодой своего мужа. Интересен обычай катания по земле молодежи как пережиток аграрной магии, когда возле зажженных костров молодежь валялась и каталась по снегу.

Эти обряды имели одну главную функцию — магическое содействие плодородию земли.

— Выюнишник — обычай чествования молодоженов, вступивших в брак в течение последнего года. Был распространен преимущественно в Среднем Поволжье: Костромской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской губерниях. Обычай завершал период послесвадебных обрядов и закреплял переход молодоженов в новую социальную категорию. Состав участников был регламентирован по полу и возрасту, но различен в разных локальных традициях. На одних территориях «окликалами»/«выюнишниками» были только женатые мужчины, на других — только замужние женщины, встречаются территории, где участниками была молодежь. Окликалы подходили к дому, в котором жили молодые, становились во двор или под окнами и исполняли для молодоженов специальную величальную песню — «выюнец» / «выюница». После чего молодая одаривала участников: мужчин поила вином и брагой, женщинам давала яйца и пряники, детям — печенье или мелкие деньги [1, с. 480–481].

Во Владимирской губернии молодые женщины и бабы собирались на открытом месте двумя группами, после чего под пение приближались друг к другу и молодые женщины угощали баб пирогами, прося принять их в круг замужних. После чего молодые угощали девушек, символически откупаясь от них при переходе в другую социальную группу.

1. Девические обряды.

— Лазарки — весенний девический обряд обхода села в Вербную субботу, известный у балканских славян. Цель обряда — способствование благополучия и достатка в доме и урожаю в поле. Обряд также носил характер инициации. Ни одна из девушек не имела права избегать участия в обряде, иначе на том свете она будет носить воду лягушкам. Девушка должна была быть «Лазаркой» три

года: как «последняя» в группе, затем — «первая» и в последний раз как «мужской» лазар. Только участвовавшая в обряде девушка могла ожидать сватов и выйти замуж.

Нарядно одетые девушки ходили по домам и пели благопожелания хозяевам, за что получали подарки. Пение всегда сопровождалось танцем «Лазарок». Исполнение танца отмечено характерной символикой непрерывного движения, «витья», кружения, которые должны благоприятно повлиять на урожай.

В северо-восточной Болгарии группа исполнителей обряда называлась буенец и включала персонажей «буенек» и «булка» (невеста). «Буенек» — девушка-проводитель дружины, одетая в мужскую рубашку и меховую шапку, с деревянной саблей или вербовой палочкой. «Невесту» изображала девочка восьми-десяти лет в одежде невесты, с закрытым красной тканью лицом.

В западной Болгарии девушки-Лазарки наряжались как невесты, так как невесты считались «самыми плодотворными». После выхода из села участницы специально проходили через зазеленевшее поле (что в любое другое время было строго запрещено) и пели: «Там, где мы прошли, зародилось, народилось...» участниц одаривали яйцами, что обычно символизировало защиту от града.

— Додола (прпоруша, пеперуда) — обряд вызывания дождя. Характерен для южнорусских территорий. Обряд включал обход домов, танцы, пение песен, обливание и обрызгивание водой, получение подарков от хозяев. Главный персонаж — «додола» (девочка-сирота или последняя дочь у матери шести-десяти лет, реже мальчик), обычно была украшена зеленью. После исполнения обрядовой песни и танца хозяева дома окатывали водой «додолу», что должно было вызвать дождь. После хозяева дома одаривали участников обряда. В некоторых селах северо-восточной Болгарии исполнительницу главной роли, (не достигшую половой зрелости), украшали покрывалом невесты.

— Встреча весны на Красную горку. В Тульской губернии девушки, собравшись на холме, становились в хоровод, в центр выходила запевальщица и начинала произносить закличку: «Здравствуй, красное солнышко! Празднуй, ясное ведрышко! Из-за гор-горы выкатайся, на светел мир воздвуйся, по траве-мураве, по цветикам по лазоревым, подснежникам лучами-очами пробегай, сердце девичье лаской согревай, добрым молодцам в душу загляни, дух из души вынь, в ключ живой воды закинь. <...>». Затем девушка, положив на землю красной яйцо и хлеб, пела веснянку [2].

— Обряд опахивания селения, для обеспечения защиты на весь предстоящий год. Характерен для Русского севера. Женщины и девушки в полночь выходили за околицу. За деревней их ждали три молодые женщины с сохой и три старые с иконой Божьей Матери. И девушки и женщины оголяли головы. Затем несколько женщин садилось на доски, положенные поверх сохи, остальные брались за веревки и тащили соху вокруг села. Обойдя деревню и придя на исходное место, женщины праздновали, при этом к ним присоединялись парни.

— Кумление — форма молодежного союза и ритуал его установления. Известно на восточно-славянской территории, северо-востоке Украины, востоке Белоруссии, южнославянской территории. Кумились, как правило, только девушки, достигшие совершеннолетия. Кумились они обычно парами, изредка — все вместе. Также кумиться могли девушки с парнями, женщины между собой, женщины с мужчинами, но это было очень редко.

Самым распространенным способом кумления был следующий: девушки уходили в лес, завивали на березке венок, вешали на него крест или яйца, целовались и обменивались вещами через венок. Кумление сопровождалось клятвой: девушки целовали крестик, который висел в завитом венке. Обычно заключенный союз был недолгим и разрывался через неделю или две, на русском севере союз мог продлиться дольше — год, а иногда и всю жизнь.

У южных славян кумление наиболее известно в болгарской традиции. В болгарском варианте заметны черты посятительного обычая — это и требование участия в кумлении для того, чтобы приобрести право на вступление в брак, и факт вхождения в изолированный девичий коллектив, выполняющий особые ритуальные функции. О социально-брачной направленности болгарского кумления говорит тот факт, что термины, используемые для обозначения «кумицы» схожи с терминами родства со значением кума, посаженная мать, которые используются в переходных обрядах жизненного цикла, особенно в свадьбе.

Посвятительный, социально-брачный моменты, а также понимание кумления как способ временной изоляции и консолидации девушек брачного возраста — роднят болгарский и русский обычай.

Кумление известно и в Сербии. В отличие от русских и болгар, у сербов кумление распространялось в равной степени и на парней, и на девушек, а также захватывало не только молодежь брачного возраста, но и детей, иногда даже молодых женщин. Обычно кумились в рамках своей половозрастной группы, но иногда и парень с девушкой. Последний вариант интересен как пример межполового взаимоотношения молодежи. Парень с девушкой кумились обычно через венок. К реке или источнику приносили венок из вербовых веток или цветов, мочили его, а затем целовались через венок, стоя по обе стороны от него. Девушка дарила парню носовой платок с двадцатью яйцами, в ответ на это парень должен был во время праздников покупать ей конфеты и другие сладости. По окончании кумления венок бросали в воду или забрасывали на крышу дома или на дерево. При кумлении парня и девушки они относились друг к другу как брат и сестра, и между ними обычно исключался брак, как отражение общего запрета на браки между людьми, состоящими в родстве.

2. Мужские обряды.

— Кукарские игры — масленичные маскарадные шествия. Данный обряд характерен для территории Болгарии. Обряд включал в себя игровые сцены, которые призваны способствовать благосостоянию, плодотворности, защитить село от зла и несчастья. Исполнялся

только мужчинами, преимущественно холостыми. Во время шествия кукеры (участники обряда) были одеты в шкуры, вывернутые мехом наружу. В руках они держали обычно деревянные сабли, кончики которых были покрашены в красный цвет, что символически изображает фаллос. Также обязательным элементом наряда была маска. Роли участников были строго распределены: проводителем был «кукер» или «хаджия»; обязательно присутствовало один или несколько женских персонажей, в роли которых выступали переодетые в женские платья мужчины. Они шли рядом с парными мужскими масками: «невеста» с «зятем» или «женихом», «кукерица» с «кукером» и др. Другими участниками шествия были «царь», «поп», «кум» и др. Большую группу составляли мужчины, с вымазанными в саже лицами, которые пугали жителей села. Во время шествия кукеры выполняли традиционные действия колядующих: пожелание благополучия хозяевам и сбор подарков, сопровождая все это буйными танцами, а также разыгрывали комические сценки. Кульминация игр — обрядовое «запахивание и засеивание», главным персонажем которого был «царь». Он погонял кукер, запряженных вместо лошадей в плуг. Затем «царь» «распахивал» три борозды и «засеивал» их. После кукеры символически убивали «царя» саблями, а он через некоторое время, после оплакивания, «воскресал».

Литература:

1. Агапкина Т.А. Вьюнишник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого: в. 5 т. — М.: Международные отношения, 1995. — Т.1. — 575 с.
2. Холодная В.Г. Красная горка — Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4150.htm>
3. Агапкина Т.А. Побратимство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого: в. 5 т. М.: Международные отношения, 2009. — Т.4. — 656 с.

«Дело Бейлиса» в зеркале исторической антропологии

Назаров Артем Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

Говорят, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Эта мысль великого немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля невольно приходит на ум, когда пытаешься анализировать недавний скандальный процесс участниц группы «Pussy Riot». Банальное, в общем-то, правонарушение вызвало жаркие дискуссии в российском обществе, всколыхнуло протестные настроения, привлекло внимание мировых СМИ, политиков, деятелей культуры. Неожиданный интерес к этому делу, восприятие его через призму культурно-политической борьбы традиционно-охранительных и либерально-революционных сил вызывают стойкие ассоциации с другим, произошедшим столетие назад в России, судебным процессом — «Делом Бейлиса».

— Побратимство. У южных и восточных славян могло заключаться между лицами обоего пола, а на Русском севере — только между лицами мужского пола. После совершения обряда участники становились «братьями по Богу», кровными родственниками. Наиболее распространенной формой заключения побратимства представлялась следующими действиями: одним и тем же лезвием надрезали указательные пальцы на левой руке (или укалывали иголкой), затем слизывали друг у друга кровь и сжимали надрезанные пальцы, после — целовались [3, с. 77–81].

Целью побратимства могло быть примирение враждующих сторон, обеспечение защиты или исцеление, восполнение недостающих родственных связей.

Исходя из всего ранее сказанного, можно заключить следующее. Все выше перечисленные обряды проводились во время смены сезонов года и символизировали как смену хозяйственной деятельности славян, так и расцвет природных сил (приход новой жизни). Основными целями их проведения были интеграция молодежи в систему социального взаимодействия, создание союзов и обеспечение фертильности (фертильность — (лат. *fertilis* — плодородный, плодovitый) — способность половозрелого организма создавать жизнеспособное потомство.), как человека, так и природы (хорошего урожая).

«Дело Бейлиса» — знаковое событие отечественной истории последних лет существования Российской империи. Оно явилось своеобразным индикатором состояния общественного сознания российского социума, отражением тех сложных культурных, политических, социальных и экономических процессов, которые проходили в России в начале XX века. О важности этого дела может свидетельствовать большое количество научной и паранаучной литературы, газетных и журнальных публикаций, сборников документов, изданных в России и за рубежом за время, прошедшее с момента суда над Бейлисом.

В марте 1911 года накануне Пасхи в небольшой пещере на окраине Киева был найден труп подростка с многочисленными колотыми ранениями, почти полностью обес-

кровленный. Убитым являлся двенадцатилетний ученик подготовительного класса Киевского духовного училища Андрей Ющинский. Выяснилось, что место, где было найдено тело, не являлось местом убийства, сюда оно попало уже после смерти. Рядом с телом были обнаружены личные вещи покойного. Убийство выглядело «зверским», «загадочным» и вызвало волнение среди горожан [3]. Тем не менее, следствием были выдвинуты версии убийства, и дело это стало расследоваться как обычное уголовное преступление.

Возможно, в иное время судьба этого дела была бы другой. Однако Россия накануне Первой мировой войны пребывала в достаточно сложной морально-психологической атмосфере, что и предопределило известный нам ход процесса. Пристальное внимание прессы к убийству подростка придало ему широкую известность за пределами Киева. К расследованию присоединились частные лица. Выдвигая собственные версии убийства, они, фактически, стали оказывать давление на следствие. Однако наиболее радикальная версия, повлиявшая на дальнейший ход судебного разбирательства и придавшая ему широкую известность, была высказана черносотенцами. В показаниях, данных в 1917 году Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывший директор Департамента полиции С.П. Белецкий на вопрос о том, кому впервые пришла мысль о ритуальном убийстве, заявил: «Эта мысль была провидена извне, местной (киевской — А.Н.) организацией Союза русского народа, во главе которой стоял тогда Голубев». [10, с. 353] В дальнейшем, крайне правые организации, используя прессу, трибуну Государственной Думы, связи в правительстве стали успешно раскручивать дело о ритуальном убийстве «отрока Андрея Ющинского», совершённого евреями.

Обосновывая ритуальную версию, черносотенцы указывали на то, что убийство было совершено с особой жестокостью накануне еврейской Пасхи. Кроме того, недалеко от места, где было найдено тело, располагался кирпичный завод и усадьба, принадлежавшие еврею М.И. Зайцеву. Твёрдая уверенность крайне правых в ритуальном характере убийства убеждает власти в реальности этой версии. Дело было взято под особый контроль Министерства юстиции. По подозрению в убийстве был арестован приказчик на заводе Зайцева Мендель Бейлис. Расследование приобрело явный антисемитский характер. Как позже было выяснено Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, со стороны властей в ходе следствия были допущены серьёзные нарушения [2].

5 сентября 1913 года начался судебный процесс по делу Бейлиса, длившийся около месяца. Получилось так, что подсудимый М. Бейлис на суде перестал быть личностью, а превратился в символ. В его лице организаторы процесса обвиняли не конкретного человека, а обвиняли евреев в том, что в иудействе существует ритуал, согласно которому для приготовления пасхальной лепёшки (мацы) необходима кровь христианского ребёнка, убитого особым способом.

Процесс расколол русское общество на сторонников виновности Бейлиса в ритуальном убийстве и противников этого обвинения. Адвокатами М. Бейлиса выступили известные в этом деле специалисты: Н.Д. Карабчевский, А.С. Зарудный, О.О. Грузенберг, Д.Н. Григорович-Барский, В.А. Маклаков. В качестве экспертов по делу были привлечены ведущие специалисты того времени: В.М. Бехтерев, П.К. Коковцев, П.В. Тихомиров и др. Бейлиса поддерживали представители отечественной творческой интеллигенции, такие как В.Г. Короленко, А.М. Горький, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, А.А. Блок, Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев, В.И. Иванов. Более того, против виновности Бейлиса высказались так же такие авторитетные русские националисты как В.В. Шульгин и Д.И. Пихно.

На события в России откликнулась и мировая общественность. В лагерь сторонников Бейлиса вошло не мало известных людей за рубежом, в частности, Т. Манн и Г. Уэлс.

На стороне обвинения выступили О.Ю. Виппер, Г.Г. Замысловский, А.С. Шмаков, И.А. Сикорский, В.В. Розанов. На поддержку ритуальной версии была брошена вся мощь Министерства юстиции.

Суд присяжных, среди которых были в большинстве своём простые киевские люди, вынес по делу Бейлиса оправдательный приговор. Он был освобождён прямо в зале суда, к радости сторонников и к недовольству противников. Процесс закончился. Но вопросы остались.

На суде так и не удалось назвать истинного убийцу А. Ющинского. Да, наверное, сегодня не это главное. Главными вопросами являются следующие. Как могло уголовное дело, пусть и жестокое, привлечь к себе такое пристальное внимание, стать ареной борьбы разных общественно-политических сил? Как могло в XX веке быть выдвинуто обвинение, на которое уже в средневековой Европе был дан отрицательный ответ?

Напомним, что «Дело Бейлиса» явилось своеобразным срезом общественных настроений эпохи, связанных с теми процессами, которые происходили в Российской империи накануне Первой мировой войны и Февральской революции. Во-первых, в России в это время шла острая политическая борьба. Несмотря на то, что правительству П.А. Столыпина удалось остановить революцию 1905—1907 гг. и начать проводить в стране долгожданные реформы, осенью 1910 г. вновь отмечается подъём революционного движения. Проходят стачки, демонстрации. В 1911 г. число стачек резко возрастает. Бастующие требуют решение рабочего вопроса. Правые же политики любые уступки революционным силам считают недопустимыми, на реформы так же смотрят враждебно. И поэтому, как указывает Г.М. Резник, «в условиях политического кризиса 1911 г. правым необходимы были события, которые укрепили бы их позиции. Когда в Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, это было воспринято как долгожданный знак, как повод заговорить в полный голос» [2, с. 6.]. Таким образом, в политической

борьбе правыми применяется испытанное оружие — антисемитизм.

Антисемитизмом называют враждебное отношение к евреям. Это явление имеет давнюю историю. В Средние века преследование евреев имело в своём основании, главным образом, религиозный мотив. Жители Европы считали, что евреи — это народ, который погубил Христа и враждебно относится к христианам. Особый ужас у европейцев вызывала вера в существование у евреев ритуальных убийств, так называемый «кровавый навет». История Западной Европы пестрит множеством следственных дел, связанных с «кровавым наветом». Неоднократно возникали еврейские погромы. Доказательств существования у евреев практики ритуальных убийств получено не было. Наоборот, виднейшие представители средневековой Европы из числа монархов, римских пап выступали против таких обвинений. Тем не менее, вера в практикование евреями ритуальных убийств сохранилась.

В XIX в. в эпоху развития капитализма неприязнь к евреям нашла опору в широко распространявшемся тогда социал-дарвинизме. В националистически настроенных кругах получила обоснование теория расовой неполноценности евреев. Возникают политические партии с антисемитской программой.

В Российской империи евреи появляются после разделов Речи Посполитой. Тогда же возникают и инциденты, связанные с «кровавым наветом». Правда, обвинения эти возникают на исконных, так сказать, антисемитских территориях, где евреи жили уже давно — в Белоруссии, Украине. В великорусских регионах страны преследований евреев не отмечалось. Нельзя сказать, что и российские власти как-то уж очень сильно подвергали евреев дискриминации. По отношению к ним было издано множество довольно противоречивых законов, которыми законодатели с одной стороны «стремились к сближению и чуть ли не к ассимиляции евреев с коренным населением», с другой — «к полному их обособлению и отчуждению» [4, с. V].

С политическим антисемитизмом Россия в полной мере столкнулась в годы Первой русской революции. В захватившем страну революционном движении активное участие принимают выходцы из еврейской среды. С другой стороны, формируется и крайне правое, антиреволюционное, монархическое движение, ориентированное на традиционные православные ценности. С точки зрения правых, революция противоречит государственно-религиозным устоям. Революционеры же воспринимаются врагами-разрушителями, бороться с которыми надо только силой. Евреи видятся одними из зачинателей революционной смуты. Проходит серия антиреволюционных погромов, в которых пострадало не мало евреев. Во время таких действий произошло смешение политических, рациональных мотивов с мотивами, основанных на суевериях, эмоциях. Возник облик еврея и как расово неполноценного инородца и как представителя сатанинских, антихристианских сил. Поэтому, «черносотенцы без ко-

лебаний приписывали все сомнительные и невыясненные случаи евреям» [14, с. 81].

«Практический антисемитизм» был подкреплён теоретическими обоснованиями. В частности, профессор П.И. Ковалевский писал, что «из всех народных групп особенного внимания заслуживают евреи... Это нация особенная — паразитная нация. Раскрапленная по всему лицу земли, она живёт кровью и лимфой тех народов, среди которых селится. Евреи национальны их религией, их богом. Их религия жестокая, человеконенавистническая, людоедская, преступная, направленная не только против благосостояния, но и против бытия и жизни целых народов и отдельных лиц и имущества — она освящает воровство, мошенничество, обман и грабёж» [6, с. 5].

Другой видный националист, В.В. Шульгин, подчёркивал, что «евреи неудержимо ползут вверх, стремясь тем самым взгромоздиться на хребет русского народа» [16, с. 176].

Таким образом, антисемитизм правых партий сочетал в себе ответную сугубо политическую реакцию на революцию в России и суеверные, подсознательные страхи традиционно-патриархального человека перед всем чужим и непонятным. Такое сочетание явилось выражением тех морально-психологических сдвигов, которые произошли в русском обществе в начале XX столетия.

Процесс по «Делу Бейлиса» проходил в годы царствования императора Николая II (1894–1917 гг.). Достаточно вспомнить события, произошедшие так же при Николае Александровиче. Это Первая русская революция 1905–1907 гг., столыпинская аграрная реформа, русско-японская война 1904–1905 гг., учреждение Государственной Думы, бурное развитие капитализма. Даже из этого далеко не полного списка видно, что страна находилась в достаточно сложной социально-экономической и политической обстановке. Это не могло не отразиться на состоянии общественного сознания.

Конечно, было бы неверным говорить о едином состоянии сознания всего российского общества. Оно, безусловно, значительно отличалось у разных социальных слоёв. И, тем не менее, наиболее общим выражением общественных настроений эпохи было состояние тревоги, вызванной крушением традиционного мира.

Во-первых, происходило разрушение привычной социальной структуры российского общества. Дворянство стремительно теряло статус привилегированного сословия. Во время революции 1905–1907 гг. в разных регионах Российской империи крестьянами было разгромлено большое число помещичьих усадеб, а их хозяева зачастую вынуждены были спасаться бегством [8, с. 86]. Сами крестьяне перестали быть податным сословием. В своих наказах, в массе направляемых в Государственную Думу, они требуют решить аграрный вопрос на крестьянских условиях. Более того, теперь их представители заседают в самой Думе. Поднимает голову и рабочий класс. Через митинги, забастовки, стачки, рабочие так же требуют обратить внимание властей на свои проблемы. Ие-

рархическая субординация нарушена полностью. Отчаянные попытки правящей элиты предотвратить это — не удаются.

В стране происходит рост преступности. Газетные хроники пестрят сообщениями о дерзких налётах и ограблениях, жестоких убийствах. Растёт число воровских притонов. Как сообщала газета «Московские ведомости» за 1911 г., «в течение 1910 год, под руководством начальника сыскной полиции раскрыто было много всевозможных преступлений уголовного характера, профильтрована масса подозрительных притонов, обследованы почти все воровские квартиры (казы), изъяты целые партии подонков, которые населяли трущобы» [12]. Страдают представители всех сословий. «Московская газета» в 1911 г. сообщала: «На днях на помещика Богородского уезда В.Н. Кисель-Загрянского, брата местного предводителя дворянства, когда он ехал из своего хутора... напали трое злоумышленников. Один из них замахнулся на помещика колом, но кучер в это время хлестнул лошадей и г. Кисель-Загрянский спасся. Вслед экипажу раздалось несколько револьверных выстрелов» [6].

Любопытно, что в это время широкое распространение получает продажа фальсифицированных продуктов питания. По сообщениям «Московской Газеты-Копейки», в 1911 г. «Санитарная комиссия представила в гор. врачебный совет доклад об организации надзора за изготовлением и продажей пищевых продуктов в целях борьбы с фальсификацией. Как указывается в докладе, масло чухонское и топленое оказалось недоброкачественным и подозрительным в 65 % проб, взятых для исследования в крупных магазинах, и в 80 % проб, взятых в мелких магазинах и лавках. При исследовании молока обнаружено в молочных лавках снятие жира в 73 % проб и разбавление водой в 38 % проб. Рыночное молоко оказалось почти сплошь фальсифицированным и притом содержащим много грязи. Квас и прохладительные воды оказались фальсифицированными сахаринном в 37 % исследованных проб» [15].

Чрезвычайно актуальной являлась в России проблема пьянства, в том числе и пьянства среди подростков, школьников [8, с. 132]. Для борьбы с этим злом использовались даже такие экзотичные методы как издание школьного «Сборника задач противоалкогольного содержания» [13]. Тем не менее, это лишь внешние проявления охватившего страну кризиса.

Русское общества формировалось как общество традиционно-патриархальное, основанное на православных ценностях, такими, как приоритет духовного над материальным, искание правды божией, самопожертвование. Православие являлось главным регулятором социальных и семейных отношений. Однако эта основа русского менталитета в начале XX в. начинает разрушаться. Проводниками новых ценностей становится образованный класс России — интеллигенция. У традиционалистски мыслящих людей это вызывает уныние, тревогу. Обратимся к размышлениям современников, чтобы понять, что происхо-

дило в народной душе. Вот, например, статья неизвестного автора Оренбурга, в которой он пишет, что «Если присмотреться к идейным брожениям современного нам интеллигентного сообщества и прислушаться внимательно к тем бесчисленно разнообразным голосам, которые раздаются теперь и в печати, и с кафедр, и просто в частных беседах, то мы должны будем признать, что живём в какое-то особенное время, время каких-то особенно страстных исканий. В раздающихся речах нет пока единогласия, нет определённо выраженного направления; напротив, никогда такой разногласия не было в русском обществе как теперь. Самые противоположные мысли, учения направления переплелись одно с другим, не приводя кочующей мысли русского интеллигента к определённому выводу, какому-нибудь удовлетворяющему его мучительные искания исходу. И во что только не погружались взыскующие умы и опустошённые души: богостроительство, мистика, неохристианство, безоглядный, самодовлеющий пессимизм». [5, с. 53]. Причиной таких настроений он считает революцию 1905—1907 гг.

Другой неизвестный автор так же замечает, что «менее чем на протяжении полустолетия среди образованных людей в нашем отечестве пережиты следующие направления: позитивизм, материализм, нигилизм, социализм, анархизм, спиритуализм, символизм, декаденство, толстовство, нищезанство, марксизм, новохристианство и, наконец, освободительное и революционное движение. Ныне, кажется, всех охватил чад политики со свойственной ей борьбой и интригами партий, ставших у нас законным явлением со времён Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года» [9, с. 182]. То есть, того манифеста, которым были провозглашены основные свободы в России и объявлено о выборах в Государственную Думу.

Неизвестный автор подчёркивает, что «до 17 апреля 1905 года была у нас «святая Русь», Русь с полным господством святой православной веры во всей внешней и внутренней общественной её жизни. Русь, завещанная нам нашими предками, страдальцами за землю святорусскую. Ныне же православие, раскол, секты и всякие виды язычества и неверия законом гражданским поставлены рядом. И каждому под флагом объявленных свобод предоставлен полный произвол в духовной жизни» [9, с. 182]. Любопытно, что публицист выделил основные черты «протестанствующего» настроения, присущие российской интеллигенции. Они заключаются в «а) либеральное отношение к тому, что почитается устоями в духовной жизни личной и в жизни общественной; б) критицизм по отношению ко всему окружающему; в) рационалистическое стремление — всё уложить в рамки своего личного разума» [9, с. 183].

Картина усугублялась падением авторитета церкви, той организации, с которой связывали сохранение традиционного порядка в России. Именно служители церкви должны были, по мысли традиционалистов, следить за народной нравственностью. Однако, как подчёркивал священник П. Попов из Воронежа, «организм церковный

признан несомненно большим, нуждающимся в длительном и серьезном лечении. Существует много причин внутреннего и внешнего свойства этой болезни» [11, с. 14]. Объясняя причину этой болезни, П. Попов подчеркивает, «что по тем или иным причинам пастырство, как сословная каста, вырождается, — это несомненный факт: у него в атрофии те существенные элементы пастырства, коими обуславливается возможность плодотворной пастырской работы. Современное пастырство, но крайней мере в большинстве членов его, — пастырство без призвания и, следовательно, без апостольской ровности, без святого огня. Пастырство превратилось в касту требоисправителей исправных и неисправных. Причин такого превращения может быть много: тут могут быть причины и исторического характера, лежащие вне всякой ответственности со стороны современного пастырства, и причины чисто бытового свойства, вытекающие из существующих условий жизни церкви и государства. Рожденное в касте с известными традициями, воспитанное в школе с её холодным формализмом, без горячего призыва к подвигу священства, с понятием о нем, как о простом служении» [11, с. 14–15].

Таким образом, с ослаблением доминирования церкви в деле производства духовных ценностей начинает колебаться и вся система традиционно-патриархального мира, построенной на них. В эпоху «переоценки ценностей» на волю выпускается страшный джин разрушений. Общество нуждается в твердой духовной опоре. Однако если эта опора становится зыбкой, начинается её мучительный поиск. В привычной, традиционной обстановке всегда ясно, где свои, а где чужие. Соседи, живущие по общим

принципам, разделяющие общие духовные ценности воспринимаются как «свои», как члены большой духовной семьи. Утрата ценностной связи разбивает и общество. Человек не может жить в одиночестве. Ему обязательно необходимо единение с мировоззренчески близкой группой людей. Поэтому, в подобные времена происходит формирование новых социальных групп.

Для достижения внутреннего единства и в целях выживания группа нуждается в боевых действиях, в различных ритуалах. Именно это делает группу единой, связывает её членов новыми ценностями. Говоря о ритуале, К. Вульф подчеркивает: «В ритуалах выравниваются различия и / создаётся общность» [1, с. 166]. Таким ритуалом явилось и «Дело Бейлиса». Это было настоящее поле битвы. Причём показательно, что Бейлис был обвинён именно в ритуальном убийстве, что со стороны организаторов процесса явилось своеобразным подсознательным намёком на ритуальное значение этого суда для крайне правых.

Итак, «Дело Бейлиса» — важный выразитель состояния общественного сознания Российской империи накануне Первой мировой войны и Февральской революции. Это дело приобрело такую известность, потому что рассматривалось как удобный повод доказать виновность еврея, а в его лице всё «еврейство» и, в частности, тех евреев, которые участвовали в революционном движении. Правые рассчитывали, таким образом прекратить революцию и остановить реформы. Для либеральных сил «Дело Бейлиса» так же явилось удобным случаем нанести правым политическое и культурное поражение. В причастность же Бейлиса к ритуальному убийству даже Организаторы процесса относились скептически.

Литература:

1. Вульф К. Антропология: История, культура, философия / пер с нем. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 280 с.
2. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о скандальном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве / Сост. Р.Ш. Ганелин, В.Е. Кельнер, И.В. Лукьянов. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. — 393 с.
3. Загадочное убийство в Киеве / Русское слово. — 1911. — 23 марта: сайт «Газетные старости» — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=4&y=1911>
4. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и Центральных правительственных установлений / Сост. Я.И. Гимпельсон. — СПб.: Издание Т-ва «Юриспруденция», 1914. — 440 с.
5. Интеллигенция и народ / Оренбургские епархиальные ведомости. — 1911. — №3. С. 53–56.
6. Ковалевский И.П. Основы русского национализма. — СПб., 1912. — 64 с.
7. Московская газета. — 1911. — 11 октября: сайт «Газетные старости» — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=10&y=1911>
8. Назаров А.Н. Русское крестьянство Озёрного края в 1905 — феврале 1917 гг. Опыт исследования общественного сознания / А.Н. Назаров. — СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. — 175 с.
9. Отношение к так называемой интеллигенции / Оренбургские епархиальные ведомости. — 1911. — №7–8. С. 181–187.
10. Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 8 т.Т.3. — Л.: Государственное издательство. — 507 с.
11. Попов П. В минувшем году / Воронежские епархиальные ведомости. — Воронеж. — 1913. — №1. С. 14–17.
12. Преступность столицы // Московские ведомости. — 1911. — 15 марта: сайт «Газетные старости» — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=3&y=1911>

13. Сборник задач противоалкогольного содержания / М.М. Беляев, С.М. Беляев. — М.: Печатня Снегирёвой, 1914. — 47 с.
14. Степанов С. Чёрная сотня. — М.: «Эксмо», «Яуза», 2005. — 544 с.
15. Что мы едим // Московская Газета-Копейка. — 1911. — 11 октября: сайт «Газетные старости» — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=10&y=1911>
16. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»; Об антисемитизме в России. — М.: Русская книга, 1994. — 448 с.

Некоторые аспекты духовных верований у восточных славян и селькупов

Патрушева Анна Андреевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Мировоззрение — одно из составляющих любой культуры любого народа. Мировоззрение — это совокупность взглядов, оценок, принципов и образных представлений, определяющее общее видение, понимание мира, места в нем человека. Оно придает человеческой деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер. Мировоззрение зависит от многих факторов и условий, в которых живет рассматриваемое общество (географическое положение, историко-культурная среда, социально-экономические факторы, время). Но, в каких бы различных временных и пространственных рамках не жили народы, в их взглядах на мир существует множество сходных моментов. Так Фрезер, рассматривая народы, проживающие на больших расстояниях друг от друга, находит в их мировосприятии множество подобного. Так же происходит и со временем, не зависимо от него, в сознании человека из любого общества живет вера в мистическое, первобытное. До христианства и других монотеистических религий все народы были язычниками. Не зря Юнг говорил: «хотя и исчезли с поверхности, уходя далеко вглубь [пережитки первобытного язычества], однако меняя свою форму, возвращались и возвращаются снова, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания» [2].

Особенно растет интерес к русским, в которых видят так называемую «загадочную русскую душу». Надо признать, что в русских больше, чем в европейских людях виден их суеверный взгляд на жизнь. Вероятнее всего эта черта унаследована от языческих предков. Не зависимо от уровня образованности человека, у русских наблюдается склонность к мистике. Люди верят в темные силы, чертовщину, которая может нарушить их планы, вмешаться в нормальный ход жизни. Привычки и ментальность язычников были настолько сильны, что не стерлись даже под напором тысячелетней истории христианства [7].

Христианство, зародившееся вдали от славянских племен, восприняло славянское язычество как чуждую религию. Народ же несколько веков сопротивлялся этому и разными путями вносил язычество в христианство, и в конце концов народное мировоззрение, этика, раствори-

лись в христианстве, создав уникальный сплав — Русское Православие [1].

Со временем произошли изменения в образах существ, в их значении, в именах. При том, что современное общество живет в мире индустриальном, информационном, и у него за плечами 70 лет атеизма, все это не способно вытеснить тысячелетнюю историю древней веры.

Так же взаимодействие архаических взглядов и технологий индустриального мира можно рассмотреть на примере нарымских селькупов. Вспомним, как Советская власть принимала меры по внедрению атеистических взглядов. Эти меры не обошли стороной и селькупов, но благодаря, некой изоляции этого народа, им удалось сохранить элементы своей веры. В.И. Ленин писал: «Мы должны бороться с религией... «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала...». Таким образом, называя капитализм «корнем» религии, вместе с идеей капитализма «убивалась» и сама религия. Но, к сожалению, не было учтено того, что религия — это надежда, это вера в помощь, даже если эта помощь — «манна небесная». Даже Новалис, высказывая свое знаменитое изречение: «*Ваша так называемая религия действует как опий: она завлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силы*», которую после использовал Маркс, был сторонником развития государства в компромиссе с церковью. Да и сам Новалис, был мистиком, верил в Божественное Просвещение.

Из советского времени можно привести примеры, когда учителя на уроках рассказывали о действительном положении Земли по отношению к Солнцу, а селькупы возражали: «Если бы Земля вертелась вокруг своей оси, как вы говорите, то вода в реках текла то туда, то сюда» [5]. В подобном восприятии мира отражается взгляд современного человека, в сознании которого уживается 2 типа мышления — логическое, рациональное и дологическое, эмоциональное, которое не заключено в рамки физических законов.

На сегодня тема переплетения научных знаний и мистических идей очень актуальна, т.к. происходит массовое внедрение в сознание молодежи информационных инноваций. Становится обязательным отрицать иррацио-

нальную сторону жизни, обосновывать с помощью логики любое действие. Из-за этого становятся не актуальными традиционные мировоззрения, их изучение и передача будущим поколениям. Но идеи невозможно легко «вытравить» из сознания, поэтому иногда мы сами не понимаем откуда в голове возникает образ того или иного мистического существа, который нас пугает, привлекает и захватывает. Именно эти параллели традиционных образов селькупов и образов современного русского человека с языческими корнями, я стараюсь провести.

По верованиям селькупов, наряду с материальным миром живых людей существовал невидимый мир духов, или лозов, как они их называли. Лозы имели возможность пребывать в невидимом состоянии, но могли принимать и материальный облик, при этом иногда даже фантастический. Лозы имели доступ в другие «миры», именно поэтому имели власть над человеком. Они были не только злыми, но и добрыми, помогали и вредили человеку. У них менялось настроение, их нужно было задобрить для успешной охоты и спокойной жизни [5].

Кем же является дух для современного человека? Помимо литературы, где были найдены определения духа, я провела опрос населения г. Томска, в котором были задействованы молодые люди возрастом до 20 лет — 50 человек, люди возрастом 20–40 лет — 50 человек, и люди возрастом 40–60 лет — 50 человек. Этот опрос показал результаты, что независимо от возраста, все опрошенные описывали «духа» очень схоже. Дух — невидимое (в особенности днем) существо, которое вредит или помогает человеку, живет в доме, в лесу, в воде. Исследователи же славянской мифологии таких существ называют нежитью и берегинями. Нежить — особый разряд духов, носящий личины, способные вредить или помогать человеку. Берегини (на подобию греческих пенатов) хранили благополучие разных мест и видов природы, а так же дом. По этому определению видно, что языческие представления укрепились в сознании современного человека, хотя и претерпев свои изменения. Но будем разбираться дальше и рассмотрим одну из категорий селькупских духов из классификации, представленной О.Б. Степановой — духи-хозяева мест [8].

Духи леса у селькупов. В лесу, по мнению селькупов, живут как Лесная женщина, так и Лесной хозяин. Живет этот Лесной хозяин в подземной берлоге, способен проникать внутрь деревьев. Охотникам он показывается в образе невысокого мужичка, одетого в фуфайку, бурки, шапку. Отличает духа от человека то, что у него один глаз на лбу, шерсть на теле или тяжелый взгляд двух глаз из-под кустистых бровей. Человеку лучше не смотреть ему в лицо. Так же Леший хромает, у него острые локти, и когда идет, шевелит ими и может заколоть ими спутника.

В сказаниях о лесном духе зачастую четко прописано, что человек должен делать и чего не должен делать при встрече с Лешаком, для того, что не навлечь на себя беды. Если же человек побывает в доме у Лесного хозяина, то

может лишиться рассудка. После встречи с Духом леса нужно было принести на место встречи подарок, обычно это ткани не меньше метра [4].

Духи леса у славян. Всякий раз, собираясь в лес, надо быть готовым к встрече с его хозяином — Лешим. Внешность Лешего переменчива. Он то представлял великаном выше самых высоких деревьев, то съеживался, прячась за низкорослым кустом. Волосы у Лешего длинные, серо-зеленоватые. Кое-где его представляют мохнатым рослым «человеком». Одежда на нем запахнута «наоборот», иногда, впрочем, вместо одежды на нем лишь собственный мех.

Леший может «обойти» неосторожного человека, и тот долго будет метаться внутри волшебного круга, но при этом Леший берет его под свое покровительство и не позволяет дикому зверю тронуть человека. Может превратиться и в знакомого человека, отвлечь разговором и завести в самую чащу. Так же Леший может быть и благодарным, если ты отнесся к нему и лесу уважительно [6].

Духи воды у селькупов. В фольклоре присутствует и образ Водного духа (Водяного). Водных духов можно найти в каждом рыболовном месте; он обеспечивает хороший улов, живет в воде или на суше возле воды, в балагане, сделанном из рыбьей чешуи. Его угощают рыбой из улова и просят даровать больше рыбы. Но люди Водяного видят крайне редко. Говорили, что если остаться на ночь у балагана Водяного, то не уснешь, а если пойти за Водяным, так вообще можно пропасть. Но обычно все-таки Водяной помогает человеку, но может не дать улова за плохие приношения [9].

В «Происхождение селькупов» Г.И. Пелих записана сказка о «Водных женщинах», которые раньше жили в реках, выходили на берег реки. Женщины с длинными косами, спадающие на землю.

Духи воды у славян. Русалки — русские нимфы и наяды. У них были зеленые волосы, чрезмерно любили качаться на ветвях деревьев [1]. Это предание укоренилось в уме простолюдина, обновляемое современными сказками, что некоторые и теперь верят, что в лесном пруду можно встретить этих загадочных дев. Но изначально русалки были берегинями, живущими в воде. Позже русалки стали утопленницами, их стали бояться.

Существуют и водяные духи или дедушки, которые живут в красивых и богатых домах на дне водоема. Они утаскивают с собой мальчиков, воспитывают их и делают своими преемниками.

Домовые. Славяне большое внимание уделяют домашнему хозяину — домовому. Изначально у славян было 2 вида домовых духов — добрые и злые. Позже же, образ домовых слился воедино и стал представлять собой хозяина дома с изменчивым настроением, которого так же нужно уважать и задабривать. Домовой играл большую роль в славянском мире, т.к. находился ближе всего к человеку, жил с ним в доме и «управлял» этим домом. На сегодня так же существует вера в домовых, их почитают, кормят и стараются их не злить.

К сожалению, почти единственный способ узнать о современных представлениях русского человека, это проводить опросы, беседы с разными возрастными группами населения. Чем я и стала заниматься. Больше мне были интересны дети до 12 лет и подростки от 14 до 20 лет. Дети, потому что я стремилась узнать, вкладывают ли родители в их воспитание истории, несущие корни языческих преданий. А подростки, потому что это тот возраст, в котором люди очень зависимы от окружающей среды, и по их поведению можно узнать об идеалах общества.

Результаты это исследование принесло. Оказалось, что дети до 12 лет хорошо знают Бабу-Ягу, Леших, Русалок. Особенно хорошо представляют себе образы, по-

казанные по телевидению, описанные в книгах в виде сказок. Меньше они узнают «жизненных преданий прошлого» от родителей, бабушек и дедушек. Но и подростки хорошо помнят сказки и образы из этих сказок. А так же было замечено, что подростки в «чертовщину» верят и побаиваются.

Таким образом, подводя итоги, можно говорить о заметно сохранившихся традициях прошлого в обоих рассматриваемых народах. Хорошо заметны изменения в идеях мировосприятия, о причинах которых было сказано выше. Но можно смело говорить о том, что эти изменения не настолько глобальны, насколько могло бы это произойти за несколько тысячелетий «отсутствия» язычества в русской истории.

Литература:

1. Баженова А.И., Вардугин В.И. Мифы древних славян. Велесова книга. / А.И. Баженова, В.И. Вардугин. — Саратов, 1993.
2. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. / М.Ф. Косарев. — М.: Ладога-100, 2003. — 352 с.
3. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Полное собрание сочинений. Изд-ие 5, Т17, 418—419 с.
4. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. / Г.И. Пелих. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
5. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976.
6. Семенова М. Быт и верования древних славян. / М. Семенова. — СПб, 2001.
7. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. / А.В. Сергеева. — Москва, 2005.
8. Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе: дис. ... канд. истор. наук / О.Б. Степанова. — СПб., 2007. — 154 с.
9. Тучкова Н.А. [и др.] Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. // — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011.
10. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь / Д.Д. Фрэзер. — Москва, 2006.

Сельские поселения, погосты и монастыри Северного Поонежья в начале XVIII вв.

Побежимов Андрей Иванович, соискатель
Петрозаводский государственный университет

В исторической науке сельским поселениям эпохи феодализма посвящено немало исследований. В трудах отечественных историков А. Щапова, А.И. Воейкова, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, Н.Н. Воронина, С.Б. Веселовского и М.В. Витова даётся классификация селений, определяется связь особенностей сельских поселений с физико-географическими и социально-экономическими условиями, исследуется процесс укрупнения поселений, и как следствие, образование новой формы селений — сёл [19; 6; 18; 7; 2; 3].

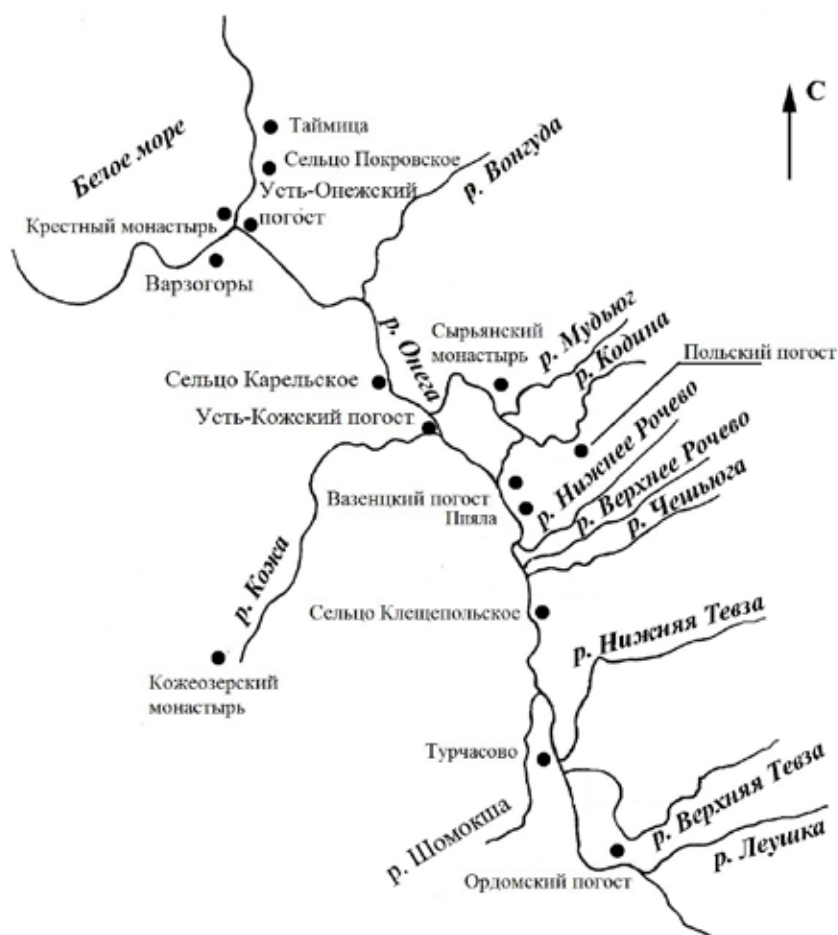
Главная задача — используя данные переписных книг начала XVIII в., показать зависимость динамики сельских поселений от изменений структуры землевладения, а также выяснить роль землевладельцев-монастырей в образовании новых типов поселений (сельцо, село) и погостов-приходов в начале XVIII в. и определить, какое

место занимало монастырское сельцо в эволюции сельских поселений. В статье даётся описание монастырей, устанавливается время возникновения некоторых поселений и приходов Северного Поонежья.

В качестве источника используется Переписная книга Каргопольского уезда за 1712 г. [16, л. 1—882]. Перепись хранится в отдельном фонде РГАДА «Ландратские книги и ревизские сказки» (Ф. 350). Документ имеет хорошую сохранность, в картонном переплёте, написан скорописью разных почерков, на 882 листах.

Северное Поонежье занимает территорию среднего и нижнего течения реки Онеги. В начале XVIII вв. область входила в состав Турчасовского стана Каргопольского уезда. Турчасовский стан состоял из двух половин: Верхней и Нижней.

Структура землевладения в Турчасовском стане Карго-

Сельские поселения, погосты и монастыри Турчасовского стана в конце XVII – начале XVIII вв.

польском уезде в начале XVIII вв. была сложной. Источники указывают на то, что преобладающим в уезде было черносошное крестьянское землевладение. На втором месте стояло монастырское землевладение. Значительное увеличение монастырских владений приходилось на середину XVII в. К этому времени их доля составляла 12% всех земель в Турчасовском стане (включая церковные земли) [1, с. 63–66]. Земли принадлежали Соловецкому, Кожеозерскому, Сырянскому, Кирилло-Белозерскому, Александро-Ошевенскому, Кенскому и Спасскому монастырям.

Наиболее крупными были вотчины Соловецкого монастыря. В конце XVII–начале XVIII в. наблюдается резкое сокращение владений этих монастырей. Монастыри оставили значительную часть своих земель в Турчасовском стане. В волостях Верхнего конца Турчасовского стана практически не осталось монастырского землевладения. Отчасти этому способствовал упадок соледобывающего производства в вотчинах монастырей, начавшийся во второй половине XVII в.

Многие усолья прекратили своё существование. Владыченское, Фирсовское и Пияльское усолья остановились уже в конце XVII в.; Польское усолье – в начале XVIII в. [17, с. 132–133]. Документы свидетельствуют, что в некоторых усольях соледобыча всё же продолжалась и в

начале XVIII в. В д. Шиботовской Пияльской волости находился двор Кожеозерского монастыря, на котором жили работники «соляного дела» [16, л. 858].

Изменилось положение Соловецкого монастыря в этом регионе. При патриархе Никоне монастырь лишился большинства своих владений. Земли были переданы Никонем Крестному монастырю, основанному в 1656 г. на Кий острове в Белом море и получившему название Ставрот, что означает Крест или Крестный. Царь Алексей Михайлович пожаловал на строительство монастыря 6000 рублей, приписал к монастырю окружающие деревни с 4537 крестьянами, в том числе Устьонежскую волость, и приказал освободить всех пожалованных монастырю крестьян от государственных податей и других сборов [17, с. 87; 13, с. 87]. По переписям можно получить представления о том, как выглядели местные монастыри – Крестный, Сырянский и Кожеозерский в начале XVIII в.

В Крестном монастыре были три каменные церкви, первая – Воздвиженская, вторая – Рождества Пресвятой Богородицы «с трапезною и келарною», третья – Происхождения Честного Креста Господня «над кладезьем да колокольня с часами боевыми, три погреба, над ними три палаты и келья просвирническая». За монастырём – «церкви всех святых», гостиный двор, «а по скаске того

монастыря казначея монаха Тимофея з братею, в том монастыре строение было святейшаго Никона патриарха Московскаго, а строение было кругом монастыря ограда деревянная на святых воротах церковь Пречистыя Богородицы живоноснаго источника меж ограды в стоках по семь башен деревянные же, в них осм пушек железных». В сентябре 1712 г. был пожар и «всё погорело». В монастыре жило 51 монахов и по сёлам 16 монахов [16, л. 700–703].

В Нижнем конце Турчасовского стана, особенно во второй половине XVII в., когда начал строиться монастырь и к нему были приписаны свободные крестьяне, земельные владения Крестного монастыря образовали сплошную территорию [8, с. 17]. В начале XVIII в. монастырю принадлежали земли в волостях Нижнего конца Турчасовского стана: Нижнемудьюжская, Чюхчин Бор, Таймицкая, Варзогорская, Нименгская, Устьонежская, село Карельское (бывшая волость Карельская), Польская, Чекуевская, Вазеницкая, Пияльская, Биричевская [16, л. 630–820].

Расширились владения Сырьянского монастыря. В переписи он называется «пустынь Сырьяна монастыря», потому что находился на «горе Сырьине». В небольшом по размерам монастыре стояли две деревянные церкви с расположенными рядом 11 монашескими кельями. Монастырь был защищён деревянной оградой. В Сырьянском монастыре жило 45 монахов, 2 иеромонаха, 6 братьев, 2 крестьянские семьи. Монастырю принадлежали земли в Нижнемудьюжской и Заостровской волостях [16, л. 794].

Небольшие земельные владения остались у Кожеозерского монастыря. Монастырь был основан в 1584 г. на Кожеозере [15, с. 382–383]. В начале XVIII в. он был окружён вновь построенной деревянной оградой. В монастыре стояла соборная церковь Богоявления Господня, в пределе церковь Николая Чудотворца, другая церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы «тёплая», третья церковь Ильи Пророка, «на святых воротах с колокольнею деревянное строение преосвященного Иова митрополита городского». В Кожеозерском монастыре было 12 братских и больничных кельи, келья «хлебенная», келья «поваренная». В кельях жили 2 игумна, иеромонах, 2 иеродьякона, казначей, 9 монахов, пономарь, схимонах, клирик, больничная братия, состоящая из 4 монахов и схимонаха. За монастырём располагался «скоцкой» двор и 2 двора «конюшенных». На «скоцком дворе» жили 2 служебника, скотник, коровница. «На злобине, на волюке» находился ещё один «скоцкой» двор, где «жили наёмные работники из разных мест» [16, л. 630–631]. У монастыря были владения в Прилуцкой, Клещеполской, Нермушской, Околопосадной, Кожской, Пияльской волостях [16, л. 550–832, 703–794, 823–836, 822, 808–809, 855–873].

Динамика структуры землевладения привела к изменению и развитию поселений Турчасовского стана в начале XVIII в. В переписи отмечены деревни, погосты, починки, посад и село. Основным типом поселения была деревня. Деревни располагались гнёздами и составляли

отдельные волости. В Турчасовском стане продолжался процесс дробления отдельных волостей и возникновение новых. Бывшая волостка на реке Мудьюга описывается как состоящая из двух частей (Нижнемудьюжская и Верхнемудьюжская) волость Нижнемудьюжская. Нижнемудьюжские поселения были включены во владения Крестного монастыря. Не исключено, что это обстоятельство определило экономическую, а впоследствии и административную обособленность Нижнемудьюжской и Верхнемудьюжской частей. А.Я. Ефименко отметила тенденцию владельческих (монастырских) земель, находящихся в пределах волости, выделиться из неё и стать самостоятельной волостью [8, с. 241].

По переписи незаметно появление новых деревень. Единственный починок (вновь возникшее поселение) числится рядом с д. Курсановской Польской волости. На починке находился двор старца Симеона, «что был работником Соловецкого монастыря» [16, л. 834–835]. В Турчасовском стане наблюдались процессы, аналогичные тем, что происходили в большинстве уездов Поморья. К началу XVIII в., пишет И.В. Власова, колонизация Поморья была завершена. Заселение территории шло по линии естественного укрупнения старых поселений [4, с. 109–122]. К этому времени сократилось число поселений в большинстве волостей Турчасовского стана. В волости Ордомский погост — на 28%, в Городецкой — на 28%, в Тевзегорской — на 17%, в Прилуцкой — на 17% [14, с. 16].

Укрупнение поселений происходило за счёт объединения соседних деревень. В результате появились населённые пункты с двойными и даже тройными названиями. В Пияльской волости упоминается д. Хаяла Олутинская; в Надпорожской волости — д. Медведовская Фоминская, Амосовская Лавровская; в Порожской волости — Заозерье Порожская; в Вазеницкой волости — Воймозерская Савинская и Степановская. Новые названия поселений включали наименования объединённых деревень [16, л. 764–871].

Произошло дальнейшее увеличение дворности деревень. Более половины поселений в Турчасовском стане насчитывали свыше 5 дворов. Можно встретить деревни с 11–15–16 дворами. Рост количества дворов наблюдается в тех волостях, где монастырские владения были незначительны и отсутствовали усолья. В волости Прилуцкая численность дворов возросла на 17%, в волости Фехталимской — на 80%, в волости Кутовангская — в 2,5 раза. Напротив, в бывших монастырских вотчинах в волостях Ордомский погост, Полская, Чюхчин Бор заметно сокращение дворов. В волости Ордомский погост — на 4%, в волости Полская — на 10%, в волости Чюхчин Бор — на 14%, в Тевзегорской — на 3%. [14, с. 16]. Для сравнения: в Пияльской волости, где сохранились владения нескольких монастырей (Ошевенский, Кожеозерский, Кенский, Соловецкий, Крестный), число дворов увеличилось на 14%. В начале XVIII в. Пияльская волость была наиболее населённой в Турчасовском стане. В волости насчитывалось 93 двора [16, л. 854–856; 1, Приложение].

Вместе с монастырями уходили люди, зависимые от них (монастырские служащие) и работающие на соляных приисках (бобыли и вольнонаемные работники). С прекращением жизни усолья, они уходили «скитаться» в поисках заработка в другие волости Турчасовского стана или за его пределы. Покидала деревни и часть крестьянского населения. Возможно, благодаря развитию в монастырских вотчинах соледобывающего производства крестьяне стали охотнее заниматься промыслами, чем земледелием. Показателем служит многодворность некоторых поселений, расположенных на территории бывших усольев. Объясняется это промысловой деятельностью населения и преобладанием непашенных дворов. В д. Олеховская волости Ордомский погост насчитывалось 15 дворов, в д. Савинская и Усолье Полской волости — 10 и 13 дворов, в д. Олутинская Пияльской волости — 30 дворов [16, л. 665, 835].

Вероятно, предпосылки для образования больших сёл, ранее сложились в усольях, принадлежавших монастырям, но дальнейшее развитие этого процесса было приостановлено прекращением их деятельности и оттоком, связанного с производством соли населения.

Погосты представляли собой небольшие поселения с 1–2 дворами церковнослужаших. В Ордомском погосте у церквей числился 1 двор. На погосте в Городецкой волости — 2 двора. На погосте в Мондинской волости — 1 двор. Прилуцкий, Турчасовский и Пияльский сохранили положение крупных погостов. В Прилуцком погосте насчитывалось 7 дворов и 2 «бездворные избы», в Турчасовском погосте — 5 дворов и 9 «бездворных изб», в Пияльском погосте — 4 двора церковного причта, 11 дворов и подворье Соловецкого монастыря, 11 дворов Крестного монастыря, 2 двора Ошевенского монастыря. Причиной укрупнения Устьонежского погоста стало размещение здесь ставки архимандрита Крестного монастыря. На погосте было 4 двора церковного причта, двор Крестного монастыря преподобного архимандрита с братией, скотный двор Крестного монастыря в котором жили скотница и коровница, 9 крестьянских дворов, 1 бобыльский и 1 пустая изба нищей старицы. Расширение погоста происходило за счёт припуска к нему ряда деревень. Свидетельством является значительное уменьшение числа поселений в Устьонежской волости в сравнении с серединой XVII в. — с пяти до двух деревень [16, л. 759–763; 1, Приложение].

По всей видимости, новые погосты создавались при содействии монастырей. Как правило, они строились в тех волостях, где были монастырские владения. Монастыри стремились иметь в своих владениях собственные церкви, но образование приходов зависело от церковных властей, которые неохотно давали разрешение на устройство новых приходских центров [2, с. 12]. Получить такое разрешение монастырям было не сложно. Необходимость в устройстве новых приходов также была вызвана объективными условиями, отдалённостью некоторых местностей от приходских центров. Появляются погосты-приходы в ранее

не имевших церквей волостях: Нижнемудьюжской, Вазеницкой, Кожской и Полской.

Деревни Вазеницкой волости до 1681 г. принадлежали Ошевенскому и другим монастырям. В это время здесь была только одна часовня Пророка Ильи без священнослужителей. Во всех религиозно-христианских нуждах население было вынуждено обращаться к священникам соседних приходов: Чекуевского, Пияльского. По разрешению игумена Ошевенского монастыря была построена Ильинская церковь. Открытие Вазеницкого прихода состоялось в 1684 г. По случаю открытия прихода был построен ещё один храм — в честь Вознесения Господня. В начале XVIII в. на Вазеницком погосте были 2 церкви — Вознесения Господня и Пророка Ильи, 3 двора церковного причта, двор Соловецкого монастыря.

Кожский приход образовался ещё раньше — в 1669 г. Согласно документам на погосте находились церковь Священного мученика Клементя папы римского, 3 двора церковного причта и 6 крестьянских дворов в деревне Кожеозерского монастыря при погосте.

Поселения Нижнемудьюжской волости ранее входили в состав Мондинского прихода. В 1730 г. вместе с Верхнемудьюжскими селениями они составили Верхнемудьюжский приход. На погосте в Нижнемудьюжской волости в документах отмечены церковь Пресвятой Богородицы, 2 двора церковного причта, жилой двор Крестного монастыря, жилой двор Сырьянского монастыря и 2 пустых двора.

Время образования Польского прихода неизвестно. На погосте в Полской волости были 2 церкви Богоявления и Рождества Пресвятые Богородицы, 2 двора церковного причта, 2 места пустых — одно поповское, другое причетническое, 2 двора Крестного монастыря, двор Соловецкого монастыря и 2 двора жилых бобыльских [12, с. 55–70; 16, л. 541–868]. По мнению С.В. Веселовского именно приходские центры в будущем превратились в крупные сёла [2, с. 20].

В Северном Поонежье возникает новый тип поселения — сельцо. Сельцо — владельческое селение, разновидность села [5, с. 69]. В Верхнем конце Турчасовского стана, в Клещепольской волости, появляются сельцо Клещепольское и Кернешка. Своим возникновением они обязаны хозяйственной деятельности Кожеозерского монастыря. Сельцо Клещепольское образовалось на месте бывшей деревни. В документе говорится, что «в 1709 г. то село писано деревней Никоновской». В Нижнем конце Турчасовского стана, в Чекуевской волости, бывшая д. Калитинская преобразовалась в сельцо Калитинское Крестного монастыря, д. Михайловская в Нижнемудьюжской волости — в сельцо Михайловское. Волость Карельская стала вотчиной Крестного монастыря сельцом Корельским [16, л. 630, 781, 846, 808].

Сельцо начала XVIII в. было небольшим. По количеству дворов оно не превышало среднюю деревню Турчасовского стана, при этом отличалось по составу населения. В отличие от деревни сельцо было населено

монахами и наёмными работниками, преимущественно выходцами из других волостей Турчасовского стана и Каргопольского уезда. В сельце Карнешка жили дворцовый крестьянин Василий Иванов из д. Карельская Красновской волости Устьмошского стана Каргопольского уезда, коровница Турчасовского стана с Падорины Горы вдова Лукерья Фомина и «наёмные и коих вотчин и волостей и деревень того не написано». В сельце Клещепольском — работники Крестного монастыря вотчины Пияльской волости Андрей Анисимов, коровница Городской волости вдова Евпраксия Ефимова. В вотчине Крестного монастыря сельце Корельском на скотном дворе жили старец Иоанн из Карельской волости, Пелагея — жительница Вондугской волости, Марьяна — жительница Заостровской волости. Здесь же находился двор для проживания работников [16, л. 630—633, 759—769, 781, 859].

Существуют письменные свидетельства того, что Крестный монастырь специально занимался сбором «бродячих» людей и бобылей в своих вотчинах и отправлял их на работы в монастырь. В одном из документов содержится приказ дать всем волостным бобылям работу в монастыре «чем им гулять даром» [11, с. 61]. Возможно, по этой причине произошло укрупнение поселений Устьонежской волости, численность дворов которой увеличилась на 64 %. Она становится самой крупной после Пияльской волостью Турчасовского стана. В начале XVIII в. в Устьонежской волости насчитывалось 84 двора [16, л. 759—763; 1, Приложение]. В 1780 году указом Екатерины II поселение получило статус города под названием Онега [9, с. 142].

Монастырские сёла возникали не только на месте существующих деревень. Есть примеры строительства монастырями новых поселений. В волости Таймицкая упоминается «новопостроенное село Покровское», основанное Крестным монастырём. Здесь отмечена церковь «древяннное строение Крестного монастыря». У церкви в монастырском дворе жили поп, схимонах, старец, рядом

стоял двор «скотцкой» [16, л. 710]. Село Покровское является примером того, как из монастырского подворья в будущем вырастает один из крупнейших населённых пунктов Онежского района Архангельской области.

Процесс образования крупных сёл на месте волостей отразился в порядке описания некоторых монастырских владений. В крупных вотчинах Крестного монастыря — волостях Варзогорская и Таймицкая перечисляются только дворы, деревни не называются. Для приказного писца того времени, пишет историк П. Иванов, тесное соседство деревень служило поводом записывать их под одним названием. Из нескольких деревень, сгруппированных в одном месте, возникали северные сёла [10, с. 67—68].

Мы видим, что динамика поселений в значительной степени была связана с присутствием на территории Турчасовского стана крупных монастырских владений. Ранее начавшийся интенсивный процесс укрупнения поселений в монастырских усольях Верхнего конца Турчасовского стана был прерван прекращением соледобычи и сокращением земельных владений монастырей. В начале XVIII в. здесь наблюдается обратное явление — уменьшение дворности деревень. Формирование монастырских сёл в вотчинах Крестного и Кожеозерского монастырей, преимущественно в волостях Нижнего конца Турчасовского стана вряд ли можно считать результатом эволюции поселений. Их образование не являлось следствием естественного укрупнения. Сельцо основывалось под влиянием владельческой власти. Как правило, оно являлось местом, где располагался один или несколько скотных дворов. По размерам сельцо ни чем не отличалось от простой деревни, с той лишь разницей, что было населено монастырскими работниками. Укрупнение поселений происходит повсеместно на территории Турчасовского стана, но именно в вотчинах Крестного монастыря возникают первые сёла, факт возникновения которых отразился в порядке описания поселений — деревни одной волости объединены общим названием.

Литература:

1. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. // Чтения при Московском университете. М. 1910. кн. I. 1909. I-VIII. С. 1—321; кн. 2. С. 1—311. кн. 3. С. 1—46.
2. Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV-XVI вв. // Известия ГАИМК. М.-Л., 1936. Вып. 139. 166 с.
3. Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв.: Из истории сельских поселений. М.: Наука, 1962. 63 с.
4. Власова И.В. Материалы переписи населения XVIII-1-четв. XX вв. как источник для изучения сельского расселения // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 109—122.
5. Власова И.В. Сельские поселения в центральных районах русского Севера // Русский Север: Этническая история и народная культура XII-XX века. М., 2004. С. 37—92.
6. Войков А.И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Известия РГО. 1909. Т 45. Вып. 1—3. С 21—71.
7. Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси // Известия ГАИМК. Л., 1935. Вып. 138. 75 с.
8. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право. М.: Русская типо — литография, Большая Дмитровка, 1884. Вып. I. 79 с.

9. Заринский М. Город Онега в 1852 году: Архангельский сборник в 6-ти частях. Ч. 1-я. Кн. 2-я. Архангельск, 1862. С. 142—199.
10. Иванов П. Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. Москва: Печатная А.И. Снегирёвой. Остроженка, Савеловский пер., сов., д. 1901. 151 с.
11. Иванов П. Северная писцовая книга как материал для истории обложения. — Москва: Печатная А.И. Снегирёвой. Остроженка, Савеловский пер., сов. д., 1900. 72 с.
12. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Общее обозрение Онежского уезда, находящихся в нём приходов и храмов // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1896. № 1. С. 1—105.
13. Крестный монастырь, основанный патриархом Никоном (в Онежском уезде Архангельской губернии). Исторический очерк. Санкт Петербург: Типография Е.А. Евдокимова, Троицкая улица № 18. 1894. 24 с.
14. Побежимов А.И. Особенности формирования населения Поонежья в начале XVIII в. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 2. 2011 (октябрь). С. 15—19.
15. Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской. Руси в XVI в. М.: Университетская типография, 1899, IV. 511 с.
16. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 350, Оп. 1, Ед. хр. 168. Каргопольский уезд. 1712. Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян Устьмошского, Мошинского, Турчасовского станов Каргопольского уезда. 882 л.
17. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений). Пермь: Изд. О-ва ист., философ, и социальных наук при Перм. ун-те, 1927. 280 с. с табл.
18. Семёнов Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России // Записки ИРГО. Т.Х. Вып. 2. СПб., 1910. 212 с.
19. Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Русское слово. Л., 1864. № 8—9. С. 14—38.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Международная заочная научная конференция
г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.11.2012. Формат 60 × 84^{1/8}.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 215Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007 Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru